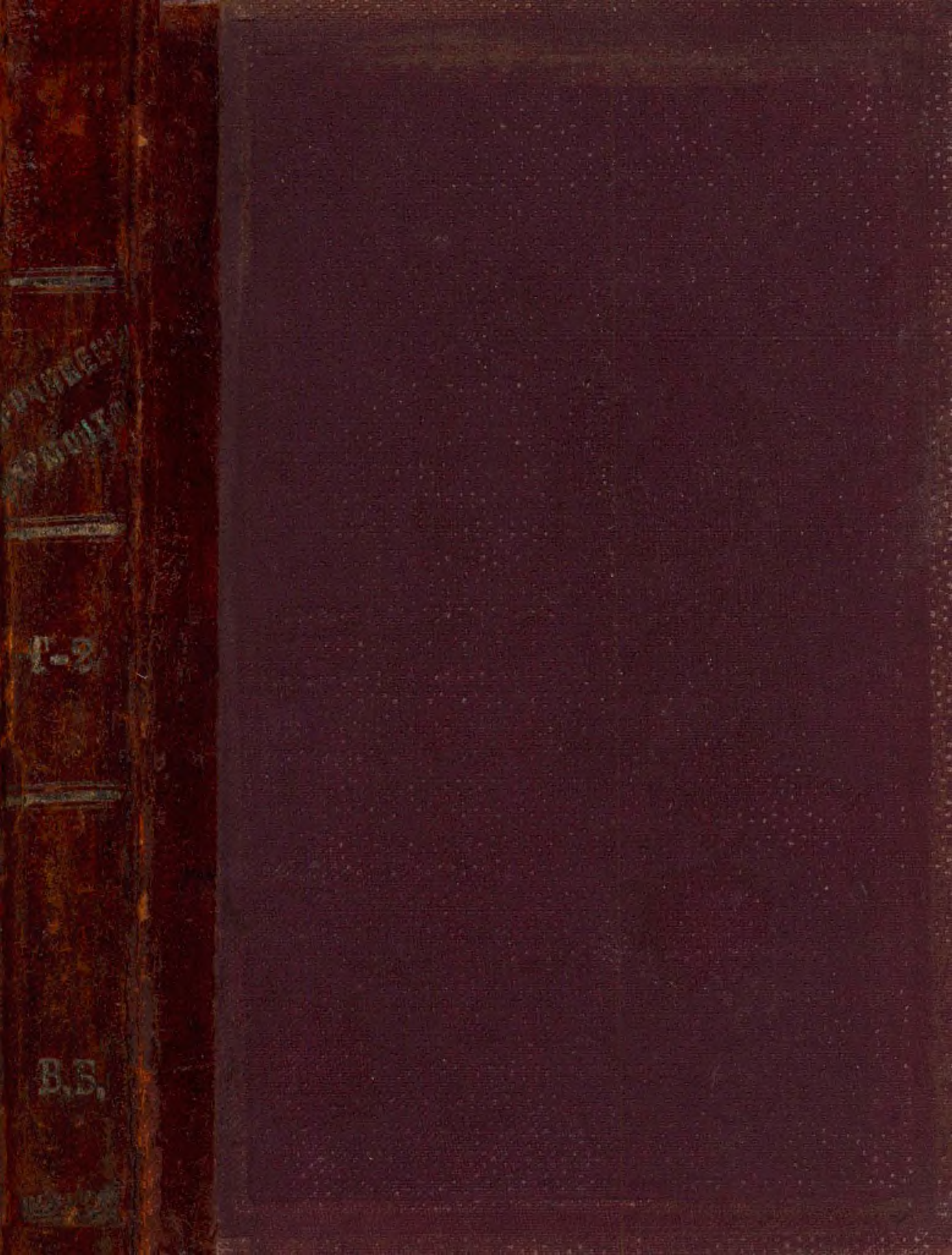

СОЧИНЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ В. Ѳ. РИХТЕРА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Пав. Ал. Висковатова.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

П О Э М Ы.

(1828—1841).

МОСКВА.
Типо-литографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой.
1891.

М. Ю Лермонтовъ

1837—1838.

Съ оригинальнаго акварельнаго портрета, сдѣланнаго самимъ поэтомъ.

Типо-литогр. Рихтеръ.

СОЧИНЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ В. Ѳ. РИХТЕРА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Пав. Ал. Висковатова.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ПОЭМЫ.

(1828—1841).

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой.
1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОЭМЫ

1828

[«Кавказскій плѣнникъ», «Корсаръ» и «Черкесы» являются первыми попытками творчества 13 лѣтняго поэта. До сего времени онъ только переписывалъ произведенія извѣстныхъ поэтовъ. До насъ дошла тетрадь, въ которой еще въ концѣ 1827 года, Лермонтовъ переписывалъ «Шильонскаго узника» Жуковскаго и «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина. Теперь мальчику очевидно захотѣлось посвоему измѣнить понравившіяся ему поэтическія произведенія, дополнить эпизоды и дать имъ содержаніе болѣе соотвѣтственное его индивидуальному взгляду. Для уразумѣнія поэтическаго развитія таланта эти опыты представляютъ интересъ. Начало «Корсара» напоминаетъ «Шильонскаго узника». Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» юный поэтъ удерживаетъ даже самое названіе пушкинской поэмы, не говоря о тождественности содержанія. Однако въ картинахъ кавказской природы, съ которой Лермонтовъ познакомился еще ребенкомъ, мы можемъ замѣтить уже будущаго великаго художника, особенно въ поэмѣ «Черкесы», въ коей уже больше самостоятельности. Основаніемъ для нея послужили разсказы, переданные ему теткой его Хастатовой, постоянной жительницей окрестностей Пятигорья, женщиной храбростью своею снискавшею извѣстность даже на Кавказѣ. [см. біографію поэта]. Всѣ три поэмы, появлявшіяся въ печати лишь въ незначительныхъ, ничего неуясняющихъ отрывкахъ, какъ произведенія слабыя, не имѣющія художественнаго значенія, мы помѣщаемъ въ приложеніи. Немного болѣе достоинства въ поэмахъ 1829 и 30 годовъ, изъ коихъ «Два брата» [1829], «Азраилъ» и «Джуліо» [1830] читатель найдетъ тамъ же. Первый очеркъ «Демона» [1829] помѣщается вмѣстѣ съ другими очерками этой вновь и вновь передѣлывавшейся поэмы].

1829—1830.

Исповѣдь.

[Эта поэма представляетъ собою набросокъ, который легъ въ основаніе того, что было потомъ выражено въ «Бояринѣ Орша» и «Мцыри.» Цѣлые стихи изъ «Исповѣди» перенесены позднѣе въ эти два произведенія. Сопоставленіе сдѣлано нами въ Русской Старинѣ 1887 г. октябрь, гдѣ «Исповѣдь» была въ первый разъ напечатана].

I.

День гасъ! Въ нарядѣ голубомъ
Крутясь бѣжалъ Гвадалквивиръ...
И, не заботяся о томъ,
Что есть подъ нимъ какой-то міръ
Для счастья чуждый, полный зломъ·
Свѣтило южное текло
Безпечно, пышно и свѣтло...
Но въ монастырскую тюрьму
Игривый лучъ не проникалъ.
Какую-бъ радость одному
Туда принесъ онъ, если-бъ зналъ.
Главу склоня, въ темницѣ той
Сидѣлъ отшельникъ молодой,
Испанецъ родомъ и душой...
Таковъ былъ рокъ! зачѣмъ, за что,
Не зналъ и знать не могъ никто.
Но въ преступленьи обвиненъ,
Онъ оправданья не искалъ.
Онъ зналъ людей и зналъ законъ,
И ничего отъ нихъ не ждалъ...
Но вотъ по лѣстницѣ крутой

Звучатъ шаги, открылась дверь,
И старецъ дряхлый и сѣдой
Взошелъ въ тюрьму—зачѣмъ теперь?
Что сожалѣнья и привѣтъ
Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ!

II.

«Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ!..
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди—люди, мой отецъ!
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Согрѣть имъ вновь не суждено
Сердца, увядшія давно.
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ не была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ.
И тѣнь невиннаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь.
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ... зналъ-ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?

---

* Вмѣсто шести послѣднихъ стиховъ было прежде написано:
Но кто идетъ къ нему теперь?
Гремитъ запоръ, открылась дверь!
И старецъ дряхлый и сѣдой
Вошелъ тяжелою стопой.

Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой.
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слѣпъ, ты сѣдъ
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда?—ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ!—я также могъ-бы жить!..

III.

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ—благодарю.
Не постигаю, что была
У нихъ за мысль?—Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно-ль разсказать?
И если-бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я преступникъ иль злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою неба утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой;
Онъ оправдалъ меня—одинъ,
Онъ сердца полный властелинъ.
И тайну страшную мою
Я неизмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ,

Какъ двухъ друзей, не приметъ насъ.
Доселѣ жизнь была мнѣ—плѣнъ
Среди угрюмыхъ этихъ стѣнъ,
Гдѣ дѣтства ясные года
Я проводилъ Богъ вѣсть куда!
Какъ сонъ, безъ радости и бѣдъ,
Промчались тѣни лучшихъ лѣтъ
И воскресить тѣ дни едва-ль
Желалъ бы я, но все ихъ жаль!
Зачѣмъ, молчаніе храня,
Такъ грозно смотришь на меня?
Я воленъ... я не братъ живыхъ!
Судей безчувственныхъ моихъ
Не проклинаю, но, старикъ,
Я признаюся, мой языкъ
Не станетъ ихъ благодарить,
За то, что прежде, можетъ быть,
Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ
Погаснетъ въ мирной тишинѣ,
Я, свѣжій, пылкій, молодой,
Который здѣсь передъ тобой
Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,
Весь превращуся въ слово: нѣтъ!
И прахъ, лишенный бытія,
Ужъ будетъ прахъ одинъ— не я».

IV.

«И могъ-ли я во цвѣтѣ лѣтъ,
Какъ вы, душой оставить свѣтъ
И жить, не вѣдая страстей,
Подъ солнцемъ родины моей?
Ты позабылъ, что сѣдина
Межъ этихъ кудрей не видна;
Что пламень въ сердцѣ молодомъ
Не остудишь мольбой, постомъ!
Когда надъ бездною морской
Свирѣпой бури слышенъ вой,

И громъ гремитъ по небесамъ,
Вели не трогаться волнамъ,
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!...
Да, если-бъ черный сей нарядъ
Не допускалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ;
Но подъ одеждой власяной
Я человѣкъ, какъ и другой,
И ты, безчувственный старикъ,
Когда-бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился-бъ также согрѣшить,
Отвергнувъ все, законъ и честь,
Ты былъ-бы счастливъ перенесть
За слово, ласку или взоръ,
Мое страданье, мой позоръ!...

V.

«Я о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь;
Пусть вѣчно мучусь: не бѣда!
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!
Разлуки первой грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
И если-бъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной,
Клянусь, я прежде чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ-бы спросилъ,
Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Нѣтъ, перестань, не возражай!...
Что безъ нея земля и рай?
Пустыя, звонкія слова,
Блестящій храмъ безъ божества.

Увы! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, милый взглядъ,
Отдай мнѣ свѣжія уста,
И голосъ сладкій, какъ мечта...
Одинъ лишь слабый звукъ отдай...
О! старецъ, что такое рай?»....

VI.

«Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
Не видно солнечныхъ лучей;
Но разъ на мрачное окно
Упалъ одинъ—давнымъ давно;
И съ этихъ поръ между камней
Ничтожный слѣдъ веселыхъ дней
Забытъ, какъ узникъ, одинокъ
Растетъ блѣднѣющій цвѣтокъ;
Но вовсе онъ не расцвѣтетъ,
И гдѣ родился—тамъ умретъ!
И не сходна-ль, отецъ святой,
Его судьба съ моей судьбой?
Знай, можетъ быть, ея ужъ нѣтъ!...
И вотъ послѣдній мой отвѣтъ:
Поди, бѣги, зови скорѣй
Окровавленныхъ палачей;
Судить и медлить вамъ на что?
Она не тутъ—и все ничто!
... Прощай, старикъ, вотъ казни часъ:
За нихъ молись... въ послѣдній разъ
Клянусь тебѣ передъ Творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ.
Скажи, что умеръ я какъ могъ,
Безъ угрызеній и тревогъ;
Что съ тайной гибельной моей
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я, ... что любилъ
Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ!
Кого любилъ?... Отецъ святой,

Вотъ что умреть во мнѣ, со мной
За жизнь, за міръ, за вѣчность вамъ
Я тайны этой не продамъ!»
. . . .*

VII.

...И онъ погибъ,—и погребенъ.
И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ степи вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной;
И въ храмъ высокій онъ проникъ...
Тамъ, гдѣ сіялъ Мадонны ликъ
Въ дыму трепещущихъ лампадъ,
Какъ призраки стояли въ рядъ
Двѣнадцать дѣвъ, которыхъ свѣтъ
Причелъ къ умершимъ съ давнихъ лѣтъ...
Неслась мольба ихъ къ небесамъ,
И отвѣчалъ старинный храмъ
Ихъ пѣсни мирный и святой,
И пѣли всѣ, кромѣ одной.
Какъ херувимъ, она была
Обворожительно мила;
Въ ея лицѣ никто-бъ не могъ
Открыть печалей и тревогъ.
Но что такое женскій взглядъ?
Въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ!...
Прилежнымъ ухомъ у окна
Шумъ вѣтра слушала она,
Какъ будто долженъ былъ принесть
Онъ рѣчь любви иль смерти вѣсть!..
Когда-жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ—то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ

* Точки въ рукописи.

Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!...
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

[Далѣе въ черновыхъ тетрадяхъ встрѣчается помѣтка Лермонтова]:

Поэма на Кавказѣ.—Герой.—Пророкъ.

[Потомъ неизвѣстно къ этому или нѣтъ относящееся]:

Программа.—Его исторія.—Его любовь къ отцу.—Пріѣздъ архіерея.—Что про него сказалъ архіерей.—Исторія одного монаха.—Весна.—Любовь къ неизвѣстной.—Зеркало.—Колокольчикъ.—Родители.—Несправедливость.—[Пьянство.—Послѣдняя игра].—Постриженіе.—Убійство; одинъ хотѣлъ быть игуменомъ и для того убилъ другого и посадилъ его такъ, будто онъ самъ себя убилъ.—Послѣдняя любовь.—Разочарованіе.—Болѣзнь.

[Что въ скобкахъ, то было зачеркнуто. Черезъ нѣсколько страницъ опять же зачеркнутая замѣтка]:

Монахъ впослѣдствіи сидитъ у окна. Подходитъ старый нищій и дѣвушка. Онъ узнаетъ отца и сестру, хочетъ броситься, но останавливается, и закрываетъ окно въ отчаяньи. Онъ укралъ денегъ; и на другой день ищетъ ихъ, но нигдѣ не находитъ. Потомъ, не зная, что съ ними дѣлать, зоветъ товарища-слугу въ кабакъ и пропиваетъ ихъ; тамъ узнали, что онъ укралъ, и онъ посаженъ въ тюрьму.

[Еще черезъ нѣсколько страницъ въ той же тетради записано]:

Онъ угрожаетъ ей гибелью отца, и она обѣщается завтра прислать къ нему рабу. Она заражается чумой. Онъ приходитъ, проводитъ ночь и умираетъ въ ея объятіяхъ въ саду.

[Эта помѣтка безъ всякаго основанія приводилась въ связь съ драмою «Испанцы» (ср. Юношескія Драмы Лермонтова изд. подъ редакц. Ефремова. СПБ. 1880 г стр. 316)].

1830—1831.

Литвинка.

(Повѣсть).

[«Литвинка» въ первый разъ въ небольшомъ отрывкѣ была помѣщена въ изд. соч. Лермонтова 1860 года, вышедшемъ подъ редакціею г. Дудышкина. Затѣмъ отрывокъ перепечатывался и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Перепечатывалось и примѣчаніе Дудышкина, который *предполагаетъ*, что «Литвинка»—подражаніе или передѣлка на русскіе нравы нѣмецкой баллады, а какой—г. Дудышкинъ не говоритъ. Мнѣніе его кажется основывалось на томъ, что героиню зовуть нѣмецкимъ именемъ «Клара». Во слѣдъ за Дудышкинымъ и редакторъ прочихъ изданій Лермонтова до 1887 г., выражаетъ мнѣніе, что «Литвинку» можно назвать первымъ очеркомъ «Боярина Орши». Это ужъ совершенно невѣрно, и сходство заключается развѣ въ томъ только, что въ обѣихъ поэмахъ встрѣчается имя «Арсеній», хотя между Арсеніемъ обоихъ произведеній сходства нѣтъ. Я скорѣе нахожу въ «Литвинкѣ» мотивы изъ «Демона», что мною высказано съ приведеніемъ сходныхъ мѣстъ въ послѣсловіи къ изданію «Литвинки» въ Русск. Мысли (Дек. 1882 г.)--Поэму издатели относили къ 1832 году; то же утверждаетъ и Саратовск. справочн. Листокъ (1876 г. № 1), описывая рукопись. Къ тому же 1832 г. выставленный на рукописи, кажется, не Лермонтовскаго почерка. Другія соображенія, заставляющія меня относить поэму ко времени раньше 1831 года, высказаны въ упомянутомъ выше послѣсловіи. Въ изданіи стихотвореній Лермонтова 1887 года въ примѣчаніи къ «Литвинкѣ» говорится о 4-хъ стихахъ, выписанныхъ изъ «Абидосской невѣсты» Байрона. Но въ рукописяхъ ихъ нѣтъ].

1.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей,
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шопотъ и веселья кликъ?..
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ

И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспаривать не смѣлъ
Еще никто,—онъ больше не хотѣлъ.
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда,
Богатый въ мірѣ, славный на войнѣ,
Когда къ нему являлися онѣ [и],
Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
Презрѣніемъ дышалъ его отвѣтъ:
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть-можетъ, самъ того не зналъ,—
Не потому-ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпѣ былъ пріученъ?

2.

На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,
И часто стоилъ войска онъ одинъ...
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ,—литовской сабли слѣдъ.

3.

Разъ, возвратясь домой съ полей войны,
Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберегъ
Ни жемчуга ни золотыхъ серегъ.
И, возвратясь въ отцовскій, старый домъ,
Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ

Онъ не хотѣлъ разсказывать женѣ;
И, въ часъ свиданья, радости слеза
Хоть оросила нѣжные глаза,
Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
Страданія слезою ужь была...
Онъ измѣнилъ ей... Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
Какъ путники небесны облака,
Свободно сердце и любовь легка...

4.

Два дня прошло, и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней
Въ монастырѣ, далеко отъ людей
(И потому поближе къ небесамъ);
Ихъ жизнь—одна молитва будетъ тамъ.
Но женщины обманутой душа,
Для свѣта умертвясь, не имъ дыша,
Могла-ль забыть того, кто столько лѣтъ
Одинъ былъ для нея и жизнь и свѣтъ?
Онъ измѣнилъ, увы! Но потому
Ужель ей должно измѣнить ему?...
Печаль несчастной жертвы и законъ—
Все презиралъ для новой страсти онъ,
Для плѣнницы, литвинки молодой,
Для гордой дѣвы изъ земли чужой.
Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
Изъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
На жертву принести жену, дѣтей,
Отчизну, душу, все—въ угодность ей.

5.

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,

Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело
Его любви достойно. Наконецъ
Оставилъ онъ долину и вѣнецъ
Горы высокой—теремъ—озарилъ
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ росписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ее (ея)
Чуть поднималъ отцовское копье.
Теперь гдѣ сынъ и мать?... На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ;
Безмолвная подруга лучшихъ дней—
Разстроенная лютня—передъ ней,
И, по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя.
Устала Клара отъ душевныхъ бурь...
И очи голубыя, какъ лазурь,
Она сидитъ, на западъ устремивъ;
Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
Тамъ—родина. Пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ.
Тамъ вольны дѣвы. Тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать: «Хочу любви твоей!...»

6.

Она должна съ покорностью нѣмой
Любить того, кто грозною войной
Опустошилъ поля ея отцовъ;
Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
Затверживать и ненависть, тоску
Учить любви святому языку,—
Младую грудь къ волненью принуждать
И страстью небывалой объяснять

Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ.
Она должна... Но мщенью будетъ часъ!

7.

Вечерній пиръ готовъ; рабы шумятъ;
Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ лампадъ;
Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино.
Къ его игрѣ привыкнувши давно,
Арсеній пьетъ янтарную струю,
Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...
И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ,
И ложная улыбка, громкій смѣхъ
Въ устахъ ея обманываютъ всѣхъ.
И, вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
Арсеній, и литвинку обнялъ онъ,
И кудри золотыхъ ея волосъ,
Нѣжнѣе шелка и душистѣй розъ,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый ликъ, отмѣченный войной.
Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
Невольной грусти, Клара говоритъ:
«Ты любишь ли меня?»—«Какой вопросъ!—
Воскликнулъ онъ.—Кто-жъ больше перенесъ
И для тебя такъ много погубилъ,
Какъ я?... И твой Арсеній не любилъ?!
Я—человѣкъ—я-бъ могъ обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?...
О, шутками меня не искушай!
Мой адъ—среди людскихъ заботъ, мой рай—
У ногъ твоихъ... И если я не тутъ,
И если рукъ моихъ твои не жмутъ,
Дворецъ и плаха для меня равны!
Досадой дни мои отравлены.
Я непороченъ у груди твоей,
Суровъ и дикъ между другихъ людей!
Тебѣ въ колѣни голову склонивъ,

Я, какъ дитя, безпеченъ и счастливъ;
И теплое дыханье устъ твоихъ
Пріятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!...
Ты рождена, чтобы повелѣвать:
Моя любовь то можетъ доказать.
Пусть я—твой рабъ, но лишь не рабъ судьбы!
Достойны ли тебя ея рабы?
Повѣрь, когда-бъ меня не создалъ Богъ,
Онъ ниспослать бы въ міръ тебя не могъ!»—

8.

«О, еслибъ точно ты любилъ меня,—
Сказала Клара, голову склоня,—
Я не жила бы въ теремѣ твоемъ.
Ты говоришь: онъ—мой; а что мнѣ въ немъ?
Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
Очамъ онъ милъ, но сердцу онъ чужой.
Здѣсь въ рощѣ воды чистыя текутъ,
Но рѣчку ту не Виліей зовутъ;
И вѣтеръ здѣсь, колеблющій траву,
Мнѣ не приноситъ пѣсни про Литву...
Нѣтъ, русскій, я не вѣрую любви!
Безъ милой воли—что̀ дары твои?»
И отвернулась Клара, и укоръ
Изобразилъ ея прекрасный взоръ.
Недвижимъ былъ Арсеній близъ нее (нея)
И кромѣ воли отдалъ бы онъ все,
Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

9.

Но что за гость является ночной?
Стучитъ въ ворота сильною рукой,
И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
Кричитъ: кто тамъ?—«Впустите! Ночь темна...
Въ долинѣ буря свищетъ и реветъ,

Какъ дикій звѣрь, и тьмитъ небесный сводъ.
Впустите обогрѣться хоть на часъ,
А завтра... завтра мы оставимъ васъ;
Но никогда въ моленіяхъ своихъ
Гостепріимный кровъ степей чужихъ
Мы не забудемъ...» Стражъ не отвѣчалъ;
Но ключъ въ замкѣ упрямомъ завизжалъ,
Объ доски тяжкій загремѣлъ затворъ;
Расхлопнулись ворота—и на дворъ
Два странника въѣзжаютъ. Фонаремъ
Озарены, идутъ въ господскій домъ.
Широкій плащъ на каждомъ, и порой
Звенитъ и блещетъ что-то подъ полой.

10.

Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
И съ ними рѣчь привѣтную завелъ;
Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
Не много пьютъ и меньше говорятъ.
Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ,
И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
Употреблять не русскій онъ языкъ.
И младшій гость по виду былъ смѣлѣй:
Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
Съ литвинки молодой, и взоръ его
Для многихъ бы не значилъ ничего...
Но видно ей когда-то былъ знакомъ
Тотъ мрачный взоръ, подъ пасмурнымъ челомъ,*
Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
Напоминалъ,—какъ знать!... Не женскій страхъ
Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
И голову поспѣшно отвернуть,
И бѣлою рукой закрыть глаза,
Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза...

* Варіантъ: Тотъ дикій взоръ, съ возвышеннымъ челомъ.

11.

«Ты поблѣднѣла, Клара?»—«Я больна...»
И въ комнату свою спѣшитъ она.
Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
Блеститъ въ дали, забытъ и одинокъ;
И вѣтеръ, нарушитель тишины,
Шумитъ, скользя во мракѣ вдоль стѣны;
То лай собакъ, то колокола звонъ
Его дыханьемъ въ полѣ разнесенъ.
И Клара внемлетъ... О, какъ много думъ
Вмѣщалъ въ себѣ встревожившійся умъ!
О, еслибъ кто-нибудь увидѣть могъ
Хоть половину всѣхъ ея тревогъ,
Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
Смѣнялись прежде, прояснилось вновь,
Чтобъ заигралъ румянецъ на щекахъ,
Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ...
И что могло такъ дѣву взволновать?
Не пришлецы-ль?... Но гдѣ и какъ узнать?...
Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ ней,
Покуда все, что небомъ ей дано,
Не превратятъ въ страданіе одно.

12.

Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой,
Какъ херувимъ—духовъ враждебныхъ рой,
Какъ упованья сладостный привѣтъ
От сердца гонитъ память прошлыхъ бѣдъ.
Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть,—онъ странствуетъ одинъ,

Небесной степи блѣдный властелинъ.
Обрисовавъ литвинки юный ликъ,
Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ
И, придавая чудный блескъ стеклу,
Безпечно разыгрался на полу
И озарилъ персидскій онъ коверъ,
Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
Но что за звукъ раздался за стѣной?!
Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
Подобный звуку пѣсни... Еслибъ онъ
Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторенъ...
Но, вотъ, опять!... Такъ точно... Кто-жъ поетъ?...
Ты, плѣнница, узнала: вѣрно, тотъ,
Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ
Тебя смутилъ, тебѣ давно знакомъ...
Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
Къ окну склонившись, думаетъ она:
Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
Туда, туда меня они зовутъ,
И имъ отозвался въ груди моей
Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней...

13.

Минувшее дышало въ пѣснѣ той,
Какъ вольность вольной, какъ она—простой;
И все, чѣмъ сердцу родина мила,
Въ родимой пѣснѣ плѣнница нашла.
И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
И все, что женской гордости лишь могъ
Внушить позоръ, явилось передъ ней
Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй...
Она схватила лютню, и струна
Звенитъ, звенитъ... и вдругъ, пробуждена
Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
Запѣла дѣва... Этой пѣсни нѣтъ
Нигдѣ. Она мгновенна лишь была
И въ чьей груди родилась—умерла.

И понялъ, кто внималъ,—не мудрено:
Понятье о небесномъ намъ дано;
Но слишкомъ для земли насъ создалъ Богъ,
Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

14.

Взошла заря, и отдѣлился лѣсъ
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего же сторожъ у воротъ
Молчитъ и въ доску мѣдную не бьетъ?
Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
Ужель онъ спитъ?—Онъ спитъ, но... вѣчнымъ сномъ!
Тяжелый кинутъ на землю затворъ,
И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся въ крови сѣдая борода.
Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ.
Съ бездѣйствіемъ отчаянья вокругъ
Убитаго, при первомъ свѣтѣ дня,
Они стояли, головы склоня;
И каждый съ состраданіемъ взиралъ,
Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ...
И гдѣ ночной убійца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
Кто растворилъ высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
Въ пескѣ затоптанъ маленькой ногой?...
Гдѣ странники? Къ воротамъ виденъ слѣдъ...
Понятно все: ихъ нѣтъ... И Клары нѣтъ!

15.

И долго неожиданную вѣсть
Никто не смѣлъ Арсенію принесть.
Но, наконецъ, рѣшились: онъ внималъ,
Хотѣлъ вскочить и неподвиженъ сталъ,
Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвецъ,

Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ.
И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
Блестя огнемъ, былъ холоденъ, какъ ледъ;
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И рѣчь отъ синихъ губъ оторвалась.
На клятву походила рѣчь его,
Но въ ней никто не понялъ ничего;
Она была на языкѣ родномъ,
Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

16.

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять,
Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
Но сердце, пораженное тоской,
Ужъ было мертво, хоть въ груди живой.
Умѣлъ изгнать онъ изъ него любовь...
Но что прошло небывшимъ сдѣлать вновь
Кто подъ луной умѣетъ? Кто мечтамъ
Назначилъ кругъ завѣтный, какъ словамъ?
И отъ души какая можетъ власть
Отсѣчь ея мучительную часть?
Бѣжали дни. Ничѣмъ ужъ не былъ онъ
Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
Надъ нимъ висѣть, чернѣть гроза могла,
Не измѣнивъ обычный цвѣтъ чела...
Но если онъ, не зная отвести,
Ударъ судьбы умѣлъ перенести;
Но если показать онъ не желалъ,
Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ:
То язва, имъ презрѣнная, потомъ
Все становилась глубже день за днемъ...
Онъ Клару не умѣлъ бы пережить,
Когда бы только смерть; но измѣнить!...
И прежде презиралъ ужъ онъ людей,
Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ
Съ его умомъ и сердцемъ огневымъ?

17.

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ.
Она сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ.
Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни, и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ;
Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ,
И листъ отпавшій вновь не зацвѣтетъ...
Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ;
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,—
Все, что ему еще завидно въ насъ...

18.

Противъ Литвы пошелъ великій князь.
Его дружины, местью воспалясь,
Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
Гдѣ загорится пламенникъ войны.
Желая защищать свои права,
Дрожитъ за вольность гордая Литва,
И клювы хищныхъ птицъ и зубъ волковъ
Скользятъ ужъ по костямъ ея сыновъ.

19.

И въ русскій станъ, осеннимъ сѣрымъ днемъ,
Явился разъ одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ

Боецъ, извѣстный храбростью своей,
И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
Заржавленный покоемъ... И зачѣмъ
Явился онъ?—Не честь страны родной
Онъ защищать хотѣлъ своей рукой;
И между многихъ вражескихъ сердецъ
Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.

20.

Вдоль по рѣкѣ, съ бѣгущею волной,
Разноситъ вѣтеръ бранный шумъ и вой.
Въ широкомъ полѣ цвѣтъ своихъ дружинъ
Свели сегодня русскій и литвинъ.
Чертой багряной сѣрый небосклонъ
Отъ голубыхъ полей ужъ отдѣленъ;
Темнѣютъ облака на небесахъ,
И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ...
Все бой кипитъ, ужъ гнется русскій строй
И, окруженъ отчаянной толпой,
Хотѣлъ бѣжать... Но чей знакомый гласъ
Всѣ души чудной силою потрясъ?...
Явился воинъ: красный плащъ на немъ;
Онъ безъ щита; онъ уронилъ шеломъ.
Вооруженъ сѣкирою стальной,
Предсталъ—и врагъ валится, и другой,
Съ запекшеюся кровью на устахъ,
Упалъ съ нимъ рядомъ... Обнялъ тайный страхъ
Сыновъ Литвы. Ослушные кони
Браздамъ не вѣрятъ. Тщетно бы они
Хотѣли вновь побѣду удержать:
Ихъ гонятъ, бьютъ,—они должны бѣжать.
Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
Они ударовъ тяжкихъ сыплютъ градъ.

21.

Арсеній былъ чудесный тотъ боецъ.
Онъ кровію рѣшился, наконецъ,

Огонь въ груди проснувшійся залить.
Онъ ненавидитъ міръ, чтобъ не любить
Одно созданье!... Кучи мертвецовъ
Вокругъ него простерты безъ щитовъ.
И радостью блистаетъ этотъ взоръ,
Которымъ месть владѣетъ съ давнихъ поръ.
Арсеній шелъ, опередивъ своихъ,
Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ;
Когда жъ замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
Среди жестокихъ, вражескихъ дружинъ,
То было поздно... «Вижу, часъ насталъ!»—
Подумалъ онъ, и мечъ его искалъ
Своей послѣдней жертвы. «Это онъ!»—
За нимъ воскликнулъ кто-то. Пораженъ,
Арсеній обернулся и хотѣлъ
Проклятье произнесть, но не успѣлъ...
Какъ ангелъ брани, въ легкомъ шишакѣ,
Стояла Клара съ саблею въ рукѣ,
И юноши тѣснилися за ней;
И словомъ и движеніемъ очей
Распоряжаясь пылкою толпой,
Она была, казалось, ихъ судьбой;
И, встрѣтивши Арсенія, она
Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
И твердъ былъ голосъ дѣвы молодой,
Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
Она сказала: «Воины, впередъ!
Надежды нѣтъ, покуда не падетъ
Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
Они бѣгутъ, но мы не побѣжимъ.
Кто первый мнѣ его покажетъ кровь,—
Тому моя рука, моя любовь!»

22.

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
Когда онъ услыхалъ свой приговоръ.
«И ты противъ меня!»—воскликнулъ онъ.

Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
Какъ будто сердца лучшая струна
Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
Съ презрѣньемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ
И обернулся медленно плащомъ,
Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
Что въ часъ конца Арсеній поблѣднѣлъ...
И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
И, наконецъ, оно превозмогло.
Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ,—
Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ;
Хотя-бъ молитву или злой упрекъ
Онъ произнесъ; но, нѣтъ, онъ былъ далекъ
Отъ этихъ чувствъ,—онъ вѣкъ счастливый свой
Опередилъ невѣрющей душой.
Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣлъ сыскать,—
Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать...

23.

И опустѣлъ его высокій домъ
И странниковъ не угощаютъ въ немъ;
И дворъ заросъ зеленою травой;
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры; и гладкій полъ
Не скрипнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой, молодой;
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,—
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все—какъ прежде: лютня у окна,
И вкругъ нея обвитая струна;

И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ.
И, раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ одна нескромная луна...

24.

Есть монастырь... И тамъ, въ недѣлю разъ,
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью, передъ набожной толпой,
Арсеній поминается порой.
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
Ни свѣжій дернъ ни пышный мавзолей
Не тяготитъ сырыхъ его костей;
Никто объ немъ не плакалъ, лишь одна
Монахиня... Богъ знаетъ, кто она...
Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней.
Увы! онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ,
Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
И для нея одной онъ былъ жестокъ...
Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ рокъ?
И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
Кто такъ обманутъ былъ, съ такимъ умомъ,
Кто на землѣ съ ней разлученъ судьбой
И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?...
Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ—молода,
И зелена, и взоры веселитъ,

И украшаетъ сумрачный гранитъ;
И часто отдыхающій пришлецъ
Грустить о ней и мыслитъ: наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,
Увянетъ преждевременно она...
Но что жъ?—Усилья вихря и дождей
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой!...

[Внизу, за чертою, Лермонтовъ помѣтилъ]: Демонъ.—Сюжетъ.—[а затѣмъ]:

Во время плѣненія евреевъ въ Вавилонѣ изъ Библіи. Еврейка. Отецъ слѣпой.—Онъ въ первый разъ видитъ ее спящую. Потомъ она поетъ отцу про старину и про близость ангела и прочее—какъ прежде. Евреи возвращаются на родину. Ея могила остается на чужбинѣ.

[Относится ли этотъ сюжетъ къ Демону, или составляетъ нѣчто отдѣльное—не ясно. Второй очеркъ Демона 30—31 года печатается ниже].

1831.

Ангелъ Смерти.

(Восточная повѣсть).

[А. М. Верещагина, въ замужествѣ Гюгель, которой посвящена поэма, была сверстницей и вѣрнымъ другомъ поэта. Она знала всѣ его сокровенные помыслы и до смерти его была хранительницей тайнъ глубокой любви поэта и посредникомъ между нимъ и Варенькой Л—ой. Въ 1857 г. Ал. Ил. Ф—въ издалъ поэму въ Карльсруэ въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ Онъ издалъ ее по рукописи г. Верещагиной, давно проживавшей и затѣмъ скончавшейся въ Штутгартѣ. Другая рукопись съ помѣткой цензора находится въ Лермонтовскомъ музеѣ. Тамъ же можно видѣть и первый набросокъ поэмы въ черновыхъ тетрадяхъ поэта; за нѣсколько страницъ до этихъ набросковъ встрѣчается и планъ къ поэмѣ: «Написать поэму— Ангелъ Смерти. Ангелъ Смерти при смерти дѣвы влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалѣнія къ любезному и раскаивается, ибо это былъ человѣкъ мрачный и кровожадный, начальникъ грековъ. Онъ раненъ въ сраженіи и долженъ умереть; ангелъ уже не ангелъ, а только дѣва, и его поцѣлуй не облегчаетъ смерти юноши, какъ бывало прежде; ангелъ покидаетъ тѣло дѣвы, но съ тѣхъ поръ его поцѣлуи мучительны умирающимъ». Здѣсь же въ тетрадяхъ относительно «Ангела Смерти» поэтъ замѣчаетъ:

«Повѣсть кончается вотъ чѣмъ:
Съ тѣхъ поръ
Хладнѣе льда его объятья,
И поцѣлуй его—проклятье!

Далѣе встрѣчается помѣтка: «Ангелъ говоритъ: море колеблется, и цвѣтокъ, отраженный его волнами, долженъ колебаться: скажи, отчего ты такъ безпокоенъ?»]

Посвящается А. М. Верещагиной.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньемъ и—тобой!

Я дни мои влачу тоскуя,
И, въ сердцѣ образъ твой храня,
Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья,
И поцѣлуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза—дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догораетъ,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто·видалъ
Твоихъ красавицъ, не забудетъ
Надменный пламень ихъ очей,
И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
Печальной повѣсти моей.

Есть Ангелъ Смерти: въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодны его лобзанья,
И страшенъ видъ его для глазъ
Безсильной жертвы; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно

Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались—сладостный удѣлъ:
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И бурныя смирялъ онъ страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ-нибудь
На мигъ надеждой обмануть.

Равно во всѣ края вселенной
Являлся Ангелъ молодой;
На все, что только прахъ земной,
Глядѣлъ съ презрѣніемъ нетлѣнный;
Его приходъ благословенный
Дышалъ небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Какъ полуночная звѣзда,
Манилъ онъ смертныхъ иногда;
И провожалъ онъ къ дверямъ рая
Толпы освобожденныхъ душъ,
И самъ былъ счастливъ.—Почему жъ
Теперь томитъ его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье?

Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ,
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да коршуны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подъѣхать въ сумракѣ ночномъ.
Прикрыта дикими кустами,
На немъ пещера есть одна—

Жилище змѣй—хладна, темна,
Какъ умъ, обманутый мечтами,
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
Какъ недосказанный очами
Убійцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада—мѣсяцъ полный;
Съ ней говорятъ морскія волны;
И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Давнымъ-давно въ ней жилъ изгнанникъ,
Пришелецъ, юный Зораимъ.
Онъ на землѣ былъ только странникъ,
Людьми и небомъ былъ гонимъ.
Онъ *могъ* * быть счастливъ—но блаженства
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ,
Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ—самъ былъ не лучше ихъ;
Искалъ великаго въ ничтожномъ;
Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрить никому не смѣлъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
И все въ природѣ... и людей...
Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
Но сердца пылкаго не могъ
Заставить также охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она—хоть презрѣна—все богъ.
Одно сокровище—святыню
Имѣлъ подъ небесами онъ:
Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
Но что жъ?—Всегда ли вѣренъ сонъ?

* Въ рукописи подчеркнуто самимъ поэтомъ.

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтви плюща обвились
Вокругъ его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій—
Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!...
Такъ, міру чуждый, Зораимъ
Не вовсе бѣденъ—Ада съ нимъ!
Она рѣзва, какъ лань степная,
Мила, какъ цвѣтъ душистый рая;
Все страстно въ ней—и грудь и станъ;
Глаза—два солнца южныхъ странъ.
И дѣвѣ было все забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанникъ блѣдный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье—
Огонь въ очахъ его родить,
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье.
И удалось ей. Зораимъ
Любилъ—съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
Судьбина ихъ соединила,
А разлучитъ—одна могила!...

На синихъ небесахъ луна
Съ звѣздами дальними сіяетъ,
Лучемъ въ пещеру ударяетъ;
И безпокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утесъ, бѣлѣя, обнимаетъ.
Я помню—въ этотъ самый часъ
Обыкновенно нѣжный гласъ,
Сопровождаемый игрою,
Звучалъ, теряясь за горою:

Онъ изъ пещеры выходилъ.
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?...

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжитъ ея ланиты,
И томный взоръ, полузакрытый,
Напрасно смотритъ на востокъ,
И утра ждетъ она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ солнца ужъ не нужно намъ.

У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ—колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнанника бѣлѣетъ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ее не грѣетъ.
«Но смерть», онъ мыслитъ, «не близка!
Рука—не жизнь; болѣзнь простая—
Все не кончина роковая!»
Такъ иногда надежды свѣтъ
Являетъ то, чего ужъ нѣтъ:
И намъ хотя не остается
Для утѣшенья ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангелъ нѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
И плачъ любви... и слабый стонъ...
И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.

Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй напечатлѣлъ:
Онъ дать не могъ другой отрады,
Или, быть можетъ, Зораимъ
Еще замѣченъ не былъ имъ...
Но скоро при огнѣ лампады
Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангелъ Смерти сожалѣнье
Въ душѣ почувствовалъ святой.
Скажу ли?—даже въ преступленьи
Онъ обвинялъ себя порой.
Онъ отнялъ все у Зораима:
Одна была лишь имъ любима;
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакалъ... Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангелъ зналъ—и какъ не знать?—
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!...

И Ангелъ мыслью пораженъ,
Достойною небесъ: желаетъ
Вознаградить страдальца онъ.
Ужель Создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь въ груди остылой
Опять волнуется, кипитъ;

И взоръ, волшебной полонъ силой,
Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
Такъ Ангелъ Смерти съединился
Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
Но умъ границамъ подчинился,
И власть—не та ужъ, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ;
Ихъ появленье Адѣ странно,
Какъ ночью метеора свѣтъ,
И ей смѣшна ея безпечность,
И ей грядущее темно...
И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои—
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!...

Однажды на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій, синій океанъ,
И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.
Большіе черные глаза
На друга дѣва устремляла—
Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разсѣянные взгляды
На красный западъ онъ кидалъ,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
И обратившись къ ней, сказалъ:
«Нѣтъ! не могу въ пустынѣ долѣ
Однообразно дни влачить:

Я воленъ—но душа въ неволѣ:
Ей должно цѣпи раздробить...
Что жизнь?—давай мнѣ чашу славы,
Хотя бы въ ней былъ смертный ядъ;
Я не вздрогну—я выпить радъ:
Не всѣ ль блаженства—лишь отравы?
Когда-нибудь все долженъ я
Оставить ношу бытія...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
И мнѣ спокойну быть?—о, нѣтъ!...
Взгляни: за этими горами
Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами
Стоятъ два грозные царя;
И завтра, только что заря
Успѣетъ въ облакахъ проснуться,
Труба войны и звукъ мечей
Въ пустынѣ нашей раздадутся.
И къ одному изъ тѣхъ царей
Итти, какъ воинъ, я рѣшился;
Но ты не жди, чтобъ возвратился
Я побѣжденнымъ—нѣтъ, скорѣй
Волна, гонимая волнами
По безконечности морей,
Въ пріютъ родимыхъ камышей
Воротится. Но если съ нами
Побѣда будетъ, я принесть
Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
Себѣ оставлю только честь...
И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройскій мечъ не презирала;
Но еслибъ даже ты желала...
Мой другъ, я долженъ видѣть кровь!

Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слѣпой.
Какъ? ты блѣднѣешь?... слезы! слезы!
О чемъ же плакать, ангелъ мой?»
И Ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
«Видалъ ли ты, какъ отражаетъ
Ручей склонившійся цвѣтокъ?—
Когда вода не шевелится,
Онъ неподвижно въ ней глядится;
Но если свѣжій вѣтерокъ
Волну зеленую встревожитъ,
И всколебается волна—
Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
Не колебаться, какъ она?
Мою судьбу съ твоей судьбою
Соединилъ такъ точно рокъ.
Волна—*твой* образъ, *мой*—цвѣтокъ;
Ты грустенъ—я грустна съ тобою.
Какъ знать?—быть можетъ, этотъ часъ
Послѣдній счастливый для насъ!...»

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышетъ ароматъ?
Зачѣмъ?... Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Другихъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день, какъ ночь, спокоенъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ,
И обагрить не можетъ кровь.

Чу!... топотъ... пыль клубится тучей,
И вотъ звучитъ труба войны,
И первый свистъ стрѣлы летучей
Раздался съ каждой стороны.
Новорожденное свѣтило
Съ лазурной неба вышины
Кровавымъ блескомъ озарило
Доспѣхи ратные бойцовъ.
Межъ тѣмъ войска еще сходились
Все ближе, ближе—и сразились;
И треску копій и щитовъ,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье—царь въ душахъ людей
И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,
И все тѣснилось. Кровь рѣкой
Лилась вездѣ, мечи блистали,
Какъ тѣни знамена блуждали
Надъ каждой темною толпой,
И съ крикомъ смерти роковой
На трупы трупы упадали...
Но отступаетъ наконецъ
Одна толпа... и побѣжденный
Ужъ не противится боецъ,
И по травѣ окровавленной
Скользитъ испуганный бѣглецъ.
Одинъ лишь воинъ, окруженный
Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ,
Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
Вокругъ него была ограда...
И тутъ остался онъ одинъ.
Онъ не былъ царь иль царскій сынъ,
Хоть одаренъ былъ силой взгляда

И гордой важностью чела.—
Но вдругъ коварная стрѣла
Пронзила витязя младова,
И шумно навзничь онъ упалъ,
И кровь струилась... и ни слова
Онъ, упадая, не сказалъ,
Когда побѣдный крикъ раздался,
Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
И мимо смѣлый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
И, грудь высоко подымая,
Боязнью сердце билось въ ней,
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полныя печали...
О, Боже! для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славой?
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки—путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ,
Не вѣдалъ ты, что Ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить;
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣднiй мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье.—Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты.
Возможно ль? Ангелъ красоты—
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты?...
Она глядитъ и ждетъ... но что же?
Давно ужъ въ полѣ тишина,

Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами
Долина битвы устлана...
Увы! гдѣ Ангелъ утѣшенья?...
Гдѣ вѣстникъ рая молодой?—
Онъ мучимъ страстію земной
И не услышитъ ихъ моленья!...
Ужъ солнце низко... Ада ждетъ!...
Все тихо вкругъ... онъ все нейдетъ!...

Она спускается въ долину,
И видитъ страшную картину...
Идетъ межъ труповъ, чуть дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью,
Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
Ея волнуется душа;
Она предчувствовать страшится,
И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала бъ; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...
—И вотъ недвижна!—Такова
Была бъ лилея надъ могилой!...
Гдѣ Зораимъ?—Что, если онъ
Убитъ?—Но чей раздался стонъ?...
Кто этотъ, раненый стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ?...
Онъ мертвыхъ окруженъ грядою,
Но часъ кончины и надъ нимъ...
Кто жъ онъ?—Свершилось!—Зораимъ!

«Ты здѣсь? теперь?—и ты ли, Ада?
О! твой приходъ мнѣ не отрада!
Зачѣмъ?... Для ужасовъ войны
Твои глаза не созданы,

Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда... что пользы въ этомъ?...
Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь,
И вижу... и приходъ мгновенья,
Когда усну безъ сновидѣнья...
Никто—я самъ тому виной...
Я гибну!—Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку.
Не бойся крови. Дай мнѣ руку:
Я виноватъ передъ тобой.
Прости! ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ ни крова...
И даже... на груди другова
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?...

Мой другъ! къ чему твои лобзанья
Теперь, столь полныя огня?
Они не оживятъ меня
И увеличатъ лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
О, если бъ, если бъ я забылъ,
Что въ мірѣ есть воспоминанья!
Я чувствую къ груди моей
Все ближе, ближе смертный холодъ...
О, кто бъ подумалъ! какъ я молодъ!
Какъ много я провелъ бы дней
Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,
Когда бъ сегодня рокъ жестокой
Не обманулъ надеждъ моихъ!...

Еще въ странѣ моей родимой
Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ—
И громкій подвигъ совершу я,

И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье, торжествуя,
Но...» Тутъ, какъ арфы дальней звонъ,
Его слова невнятны стали,
Глаза всю яркость потеряли,
И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужъ нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
Что поцѣлуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
Не озаряетъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.
Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда
Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна, какъ всегда,
И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Что̀ на землѣ онъ озаряетъ;
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.
И Зораимъ хотѣлъ напрасно
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать:
Все, все, что можетъ онъ сказать —
Уныло, мрачно, но не страстно.
Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
Ланиты хладныя, какъ ледъ,
Ужъ тихо каплетъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летаетъ коршунъ, гость незваный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвы милой,
Привсталъ—и вздрогнулъ—и вздохнулъ—

И умеръ.—Съ синими губами
И съ побѣлѣвшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей.

Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,
И долго виденъ слѣдъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангелъ Смерти, смертью тлѣнной
Отъ узъ земныхъ освобожденный!...
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ.
Тамъ все, что онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!...

Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье .
Къ землѣ оставила она:
За гибель *друга* въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ *нему*.
Все тотъ же онъ—и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка и даже вѣчность.
Но Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: «состраданья

Они не могутъ заслужить;
Не награжденье—наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть;
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...»
Такъ думалъ онъ—зачѣмъ же нѣтъ?...
Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ.
Тревожатъ насъ, какъ злой укоръ,
Его привѣтственныя рѣчи;
Какъ мечъ—его пронзаетъ взоръ;
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье!...

1831 г. сентября 4-го.

[Поэма имѣетъ автобіографическое значеніе. Зораимъ — самъ Лермонтовъ. Ада—это Варенька Л.... Одновременно съ сюжетомъ этой поэмы, Лермонтова занималъ тоже автобіографическій сюжетъ, на всѣ лады имъ испытанный и переработанный: это—поэма «Демонъ», особенно въ первыхъ редакціяхъ. (Сравн. статью мою: «Литературная дѣятельность Лермонтова въ университетскіе годы»—«Русская Мысль» апрѣль 1884 г.). Между набросками «Ангела Смерти» находится замѣтка: „*Написать длинную сатирическую поэму приключенія Демона.*“ Это осталось не выполненнымъ, если не считать попыткою стихотвореніе «Пиръ Асмодея» (т. I стр. 145)].

[Кромѣ поэмъ, написанныхъ въ 1831 году, въ тетрадяхъ находится слѣдующій планъ къ поэмѣ]:

При дворѣ князя Владиміра, былъ одинъ молодой витязь, варягъ, прекрасный, умный, но честолюбивый и гордый; пылкость его была во всемъ; онъ много наслаждался, и все начинало ему надоѣдать; говорили, что онъ не христіанинъ, и что волшебная сила надъ нимъ владѣетъ; (но это не правда, ибо, хотя онъ рѣдко являлся въ церковь, но носилъ чугунный крестъ на груди своей); * однажды ночью онъ стоялъ на часахъ у дворца; при свѣтѣ лампады вдругъ является тѣнь дѣвы и зоветъ его жалобно, умоляя спасти ее;

* Что поставлено въ скобки, зачеркнуто самимъ поэтомъ.

онъ слѣдуетъ за нею; выходитъ изъ воротъ; она исчезла, взявъ отъ него клятву, что онъ спасетъ ее, и сказавъ, что она подъ властью чародѣя. На другой день витязь уѣзжаетъ, ни съ кѣмъ не простившись, ибо онъ былъ сирота;—ѣдетъ витязь степью, лѣсомъ и горами и видитъ крестъ на холмѣ и нѣсколько пещеръ, и слышитъ звонъ; подъѣзжаетъ, и видитъ одинъ *инокъ* звонитъ, читаетъ молитву, а двое копаютъ могилу; тутъ на травѣ лежитъ мертвая женщина, прекрасная и блѣдная. Онъ взглянулъ, и сердце его забилось; онъ не заплакалъ, но чувство, полное муки и тайнаго удовольствія, пролилось по его сердцу;—онъ любитъ мертвую?—нѣтъ, это одно разстройство воображенія; витязь удаляется; подъѣзжаетъ къ рѣкѣ; и вечеромъ засыпаетъ при свѣтѣ молодого мѣсяца и при пѣснѣ лебедя; видитъ страшный сонъ.

По утру его будитъ поцѣлуй; дѣва, которая манила его, стоитъ передъ нимъ, и ведетъ въ свой хрустальный чертогъ; тамъ все полно нѣги, но витязь не любитъ ее; мысли его летятъ къ умершей, сердце ноетъ, и онъ долженъ подавлять его.—Дѣва разсказываетъ ему свою повѣсть, какъ царь Стамфулъ превратилъ ее въ лебедя, и какъ она посредствомъ старухи избѣгнула его любви; онъ уходитъ отъ нея, чтобъ достать цвѣтокъ жизни въ замкѣ Стамфула, который за рѣкой великой; онъ пускаетъ коня и садится въ лодку, пловецъ этотъ (?) ему разсказываетъ свою повѣсть и за что онъ осужденъ всегда ѣздить и не можетъ вылѣзть.

Переѣхавъ рѣчку, витязь видитъ двухъ вороновъ, которые все вокругъ него летаютъ; «что? ужели вы мнѣ предвѣщаете смерть» сказалъ онъ имъ; «нѣтъ, витязь», говоритъ одинъ воронъ, «я хочу тебѣ помочь, я тебя проведу, куда надо». Витязь идетъ за ворономъ, и спрашиваетъ, отчего онъ говоритъ, какъ человѣкъ; воронъ разсказываетъ ему, что ихъ два брата было, и за что Стамфулъ превратилъ ихъ въ вороновъ; онъ разсказываетъ, какъ достать цвѣтокъ жизни; они подходятъ къ древнему замку; ворота отперты; все пусто; воронъ просилъ витязя ничего, кромѣ цвѣтка, не трогать. Витязь взялъ въ садахъ цвѣтокъ и, возвращаясь, видитъ мечъ золотой на воротахъ, и едва прикоснулся, какъ раздался шумъ и звонъ; онъ выходитъ изъ замка быстро. Стрѣла летитъ за нимъ и поражаетъ ворона; витязь оборачивается. Стамфулъ на него несется; послѣдній принимаетъ разные виды, наконецъ сраженъ. Витязь бросаетъ его тѣло въ море, ибо замокъ на берегу моря; и видитъ мертваго ворона, а надъ нимъ другой умеръ (?). Витязь примѣчаетъ, что его преслѣдуетъ что-то свыше. Онъ помнитъ умершую дѣву и чувствуетъ, что любитъ ее. На дорогѣ онъ видитъ издали пыль и (слышитъ) крикъ и звонъ мечей, подходитъ—и что же? Горсть воиновъ обороняется противъ толпы враговъ; онъ бросается въ бой, и освобождаетъ ихъ; они ведутъ его къ своему царю; царь угощаетъ витязя; но самъ печаленъ; и разсказываетъ, что у него была одна дочь; но что умерла на 17 году, и что когда ее похоронили, то разсказываютъ, что три чернеца съ крестами унесли ее тѣло Богъ вѣсть куда; царь показываетъ витязю портретъ дочери своей, говоря, что ей было предсказано паломникомъ, зато, что она его напоила и накормила, что она выдетъ замужъ за такого-то витязя. Нашъ витязь слышитъ свое имя, и трепещетъ; но когда увидалъ портретъ, то упалъ безъ чувствъ, ибо узналъ

умершую дѣву, которую любилъ;—онъ тотчасъ удаляется изъ дворца, взявъ только лошадь; не беретъ проводниковъ, хотя гроза свирѣпствуетъ на дворѣ;—родъ бѣшенства или сумасшествія овладѣваетъ имъ. Наконецъ онъ пріѣзжаетъ къ берегамъ рѣчки, гдѣ лебедь, и бросаетъ ему цвѣтокъ жизни; лебедь тотчасъ дѣлается дѣвицей; она выходитъ изъ воды; онъ отвергаетъ ея ласки, говоря, что не любитъ ее; онъ проситъ одинъ поцѣлуй прощанья, и только что поцѣловала, какъ она исчезаетъ съ хохотомъ и визгомъ. Прекрасное мѣстоположеніе перемѣнилось въ дикое: розовые кусты, рѣка исчезли; оврагъ или пропасть, скалы однѣ остались и вихрь едва не увлекъ туда героя; луна встала; витязь сидитъ на берегу пропасти, вдругъ на облакѣ является ему старецъ; и говоритъ, что онъ его отецъ; что онъ былъ язычникъ и оттого долго мучился. Но теперь Богъ ему простилъ, и что злой духъ преслѣдуетъ витязя, ибо онъ язычникъ. Витязь обѣщаетъ креститься; а отецъ его даетъ ему крестъ и говоритъ, что онъ чудотворный; онъ ѣдетъ къ извѣстной могилѣ; роетъ;—и вдругъ видитъ не гробъ, но широкое подземелье; и дѣва при блескѣ свѣчей спитъ на подушкѣ; она спитъ, ибо дышитъ; онъ выноситъ ее оттуда въ изступленіи любви; кладетъ на лошадь и скачетъ въ Кіевъ; пріѣзжаетъ туда вечеромъ, и приноситъ ее въ церковь, гдѣ народъ слушаетъ вечерню; прикладываетъ крестъ къ ея груди, и она оживаетъ и падаетъ въ ея (его) объятья; ихъ вѣнчаютъ; но онъ позабылъ креститься. Когда кончился обрядъ, и онъ выходилъ изъ церкви, чей-то голосъ ему напомнилъ вдругъ объ этомъ, говоря: «ты не будешь счастливъ»! На другой день свадьбы она умерла; онъ скрылся.

———

1831—1832.

Аулъ Бастунджи.

[«Аулъ Бастунджи» впервые небольшимъ отрывкомъ (всего 4 первыхъ строфы) былъ напечатанъ Дудышкинымъ въ «Собраніи сочиненій Лермонтова» изданія 1860 года съ примѣчаніемъ, въ коемъ въ краткихъ словахъ,— не совсѣмъ, впрочемъ, точно,—передается содержаніе поэмы. Во всѣхъ изданіяхъ затѣмъ перепечатывался тотъ же отрывокъ съ тѣмъ же примѣчаніемъ. Г. Дудышкинъ пользовался спискомъ г. Хохрякова, теперь находящимся въ Публичной библіотекѣ. Онъ былъ писанъ рукою писаря и помѣченъ 1832 годомъ. Я имѣлъ въ рукахъ еще два списка, изъ коихъ одинъ помѣченъ 1831 годомъ. Другой поступилъ въ Лермонтовскій Музей. Списки отличаются другъ отъ друга незначительными варіантами или, вѣрнѣе, исправленіями текста.

«Аулъ Бастунджи» писанъ немного раньше «Измаила-Бея». Оба произведенія принадлежатъ къ эпохѣ пребыванія поэта въ Московскомъ университетѣ. Многія картины, и мысли, и цѣлыя строфы изъ «Аула Бастунджи» перешли въ «Измаила-Бея». Рожденіе Измаила-Бея, напримѣръ (часть II, строфа IV и V) описывается совершенно такъ, какъ рожденіе Селима въ «Аулѣ Бастунджи». Картина выползающей одинокой змѣи, такъ часто затѣмъ употребляемая поэтомъ—еще и въ «Мцыряхъ», и въ «Демонѣ», является впервые въ «Аулѣ Бастунджи» (часть I, строфа 3) и потомъ въ «Измаилѣ-Беѣ» (часть I, строфа XX). Въ предлагаемой нами поэмѣ (часть II, строфа 19) въ первый разъ также выражена мысль, встрѣчающаяся потомъ въ знаменитой черкесской пѣснѣ Лермонтова изъ поэмы «Измаилъ-Бей»:

Не женися молодецъ,
Слушайся меня!
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!

Въ обѣихъ поэмахъ героиня называется Зарою. Для изучающаго поэта «Аулъ Бастунджи» представляетъ много любопытнаго. На поэмѣ вполнѣ отразилось еще общее 1830 и 1831 годамъ настроеніе поэта, описывающаго враждующихъ братьевъ изъ-за любви къ одной и той же женщинѣ. Частью мотивъ этотъ былъ навѣянъ вліяніемъ Шиллера, какъ, напримѣръ, въ поэмѣ «Два брата». (См. предисловіе мое къ первому изданію поэмы въ «Русской Мысли“ 1883 г.—февр. кн.].

Посвященіе.

1.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стихъ небрежный:
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ раннихъ лѣтъ кипитъ въ моей крови
Твой жаръ и буръ твоихъ порывъ мятежный;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ—твой, всегда и всюду твой!...

2.

Твоихъ вершинъ зубчатые хребты
Меня носили въ царствѣ урагана,
И принималъ меня, лелѣя, ты
Въ объятія изъ синяго тумана.
И я глядѣлъ въ восторгѣ съ высоты,
И надо мной, какъ остовъ великана,
Въ степи, обросшей мохомъ и травой,
Лежали горы грудой вѣковой.

3.

Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
Свивались облака твои сѣдыя,
Когда по нимъ, гремя, катился громъ
И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
Пещеры откликалися кругомъ...
Я понималъ ихъ звуки роковые;
Я въ край надъ снѣжной бѣлою горой
Леталъ на колесницѣ громовой!...

4.

Моей души не понялъ міръ,— ему
Души не надо; въ мракъ ея глубокой,
Какъ вѣчности таинственную тьму,
Ничье живое не проникнетъ око.

И въ ней-то, недоступныя уму,
Живутъ воспоминанья о далекой
Святой землѣ... Ни свѣтъ ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ... Я—твой! Я всюду твой!...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ, горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ сброшенныхъ грозой...

---

* Это посвященіе, которое въ передѣланномъ видѣ было потомъ отнесено поэтомъ къ поэмѣ „Демонъ“ въ переработкѣ 1840 и 41 года, имѣетъ и еще варіантъ, рукопись коего находится у П. И. Бартенева. Напечатанъ варіантъ этотъ былъ вь изд. Стих. 1887 г., т. I, стр. 535. — Первыя его четыре строки тѣ же, а далѣе:

Еще ребенкомъ, чуждый и любви
И думъ честолюбивыхъ, я безпечно
Бродилъ въ твоихъ ущельяхъ. Грозный, вѣчный,
Угрюмый великанъ! меня носилъ
Ты бережно, какъ пѣстунъ, юныхъ силъ
Хранитель вѣрный.....
Мысль моя свободно и легко
Бродила по утесамъ, гдѣ, блистая
Лучемъ зари, сбирались облака,
Туманныя вершины омрачая,
Волнуяся, какъ перья шишака;
А вдалекѣ, какъ вѣчныя ступени
Съ земли на небо, въ край моихъ видѣній,
Зубчатою тянулись полосой
Таинственнѣй, синѣй одна другой,
Все горы, чуть примѣтныя для глаза,
Сыны и братья вѣчнаго Кавказа.

2.

Ни бранный шумъ ни пѣсня молодой
Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ;
И въ знойный лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ, по волѣ;
И безъ оглядки, съ пикой за спиной,
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орелъ,
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

3.

И тамъ, когда вечерняя заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ,—пустынная змѣя
Изъ-подъ камней тихонько выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ; какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ,
Въ густой травѣ, на полѣ роковомъ.

4.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой объ немъ разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: «скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?»

5.

Въ аулѣ томъ, безъ ближнихъ и друзей,
Дни проживали два родные брата;
И въ Пятигорьѣ не было грознѣй
И не было отважнѣй Акбулата.
Меньшой былъ слабъ и нѣженъ съ юныхъ дней;
Какъ цвѣтъ весенній подъ лучомъ заката,
Чуждался битвъ и крови онъ и зла,
Но искра въ немъ таилась и ждала.

6.

Отецъ ихъ былъ убитъ въ чужомъ краю,
А мать Селимъ убилъ своимъ рожденьемъ,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ, преступленьемъ.
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
Онъ никому не могъ быть утѣшеньемъ;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!...

7.

Онъ росъ одинъ, на волѣ, безъ заботъ,
Какъ птичка межъ землей и небесами.
Блуждая съ дѣтства средь родныхъ высотъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ безбрежный сводъ;
Порой въ степи, застигнутый мечтами,
Одинъ сидитъ до поздней ночи онъ,
И вкругъ него чудесный рѣетъ сонъ...

8.

А земляки—зачѣмъ, то знаетъ Богъ—
Чуждались ихъ бесѣды; особливо
Паслись ихъ кони, и за ихъ порогъ
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селимъ не могъ,
Свой тонкій станъ, высокій и красивый,
Въ бешметъ шелкòвый, праздничный одѣвъ,
Привлечь одной улыбки горныхъ дѣвъ.

9.

Сбиралась ли ватага удальцовъ
Отбить табунъ, иль бранною забавой
Потѣшиться, оставя бѣдный кровъ,
Имъ вслѣдъ съ усмѣшкой горькой и лукавой
Смотрѣли братья сумрачны, безъ словъ,
Какъ смотритъ облакъ иногда двуглавой,
Засѣвъ межъ скалъ, на свѣтлый бѣгъ луны,
Одинъ исполненъ грозной тишины

10.

Дивились всѣ взаимной ихъ любви,
И не любилъ никто ихъ... оттого ли,
Что никому они дѣла свои
Не повѣряли и надменной воли
Склонить предъ чуждой волей не могли,—
Не знаю; тайна ихъ угрюмой доли
Темнѣе строкъ, начертанныхъ рукой
Прохожаго на плитѣ гробовой...

11.

Была ихъ сакля меньше всѣхъ другихъ,
И съ плоской кровли мохъ висѣлъ зеленой.
Рядкомъ блистали, на стѣнахъ простыхъ,
Арканъ, сѣдло съ насѣчкой воронёной,
Два башлыка, двѣ шашки боевыхъ,
Да два ружья, которыхъ стволъ граненый,
Едва прикрытый шерстянымъ чехломъ,
Былъ закопченъ въ дыму пороховомъ.

12.

Однажды Акбулата ждалъ Селимъ
Съ охоты. Было поздно. На долину
Туманъ ложился, какъ прозрачный дымъ,
И сквозь него, прорѣзавъ половину
Косматыхъ скалъ, какъ буркою, густымъ
Одѣтыхъ мракомъ,—дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозрѣвалъ задумчивый Бешту.

13.

Вдали тянулись розовой стѣной,
Прощаясь съ солнцемъ, горы снѣговыя;
Машукъ, склоняся лысой головой
Черезъ струи Подкумка голубыя,—
Казалось, думалъ тяжкою стопой
Перешагнуть въ владѣнія чужія.
Съ мечети слѣзъ мулла. Аулъ дремалъ.
Лишь въ крайней саклѣ огонекъ блисталъ...

14.

И ждетъ Селимъ: сидитъ онъ часъ, и два...
Гуляя въ полѣ, горный вѣтеръ плачетъ
И подъ окномъ колышется трава.
Но, чу!... далекій топотъ. Кто-то скачетъ...
Примчался. Фыркнулъ конь, заржалъ... Сперва
Спрыгнулъ одинъ, потомъ другой... Что значитъ?
То не сайгакъ, не волкъ, не звѣрь лѣсной,—
Онъ прискакалъ съ добычею иной.

15.

И въ саклю молча входитъ Акбулатъ,
Самодовольно взорами сверкая.
Селимъ къ нему: «Ты загулялся, братъ!
И, чай, съ тобой не дичь одна лѣсная».
И любопытно онъ взглянулъ назадъ,
И видитъ онъ: черкешенка младая
Стоитъ въ дверяхъ, мила, какъ херувимъ,—
И поблѣднѣлъ невольно мой Селимъ.

16.

И въ немъ, какъ будто пробудясь отъ сна,
Зашевелилось сладостное что-то...
—«Люби её: она—моя жена!—
Сказалъ тогда Селиму братъ.—Охотой
Родной аулъ покинула она.
Нашъ бѣдный домъ хранимъ ея заботой
Отнынѣ будетъ.—Зара! вотъ моя
Отчизна, все богатство, вся семья...»

17.

И Зара улыбнулась, и уста
Хотѣли вымолвить слова привѣта,
Но замерли. Вдоль по челу мечта
Промчалась тѣнью. По словамъ поэта,
Казалось, вся она была слита,
Какъ гурія, изъ сумрака и свѣта;
Бѣлѣй и чище раннихъ облаковъ
Являлась грудь, поднявшая покровъ.

18.

Черны глаза у серны молодой,
Но у нея глаза чернѣе были;
Сквозь тѣнь рѣсницъ, исполнены душой,
Они блаженствомъ сердцу говорили.
Высокій станъ искусною рукой
Былъ стройно перетянутъ безъ усилій;
Сквозь черный шелкъ витого кушака
Блистало серебро исподтишка.

19.

Змѣились косы на плечахъ младыхъ,
Оплетены тесемкой золотою,
И мраморъ плечъ, бѣлѣя изъ-подъ нихъ,
Былъ разрисованъ жилкой голубою.
Она была прекрасна въ этотъ мигъ,
Прекрасна вольной, дикой простотою,
Какъ южный плодъ румяный, золотой,
Обрызганный душистою росою.

20.

Селимъ смотрѣлъ. Высоко билось въ немъ
Встревоженное сердце страстью новой.
Она горѣла... Пламеннымъ челомъ
Припалъ бы онъ къ груди ея перловой...
Онъ вздрогнулъ, вышелъ, сумраченъ лицомъ,
Кинжалъ рукою стиснувъ... На шелковой
Подушкѣ молча Акбулатъ лежалъ,
Курилъ и думалъ... О, когда бъ онъ зналъ!...

21.

Промчался день, другой... и много дней.
Они живутъ, какъ прежде, нелюдимо.
Но разъ... шумѣла буря; все чернѣй
Утесы становились. Съ воемъ мимо,
Подобно стаѣ мчащихся звѣрей,
Толпою рѣзвыхъ, жадныхъ псовъ гонимой,
Неслися другъ за другомъ облака,
Косматыя, какъ перья шишака

22.

Очами Акбулатъ ихъ провожалъ
Задумчиво съ порога сакли бѣдной.
Вдругъ шорохъ. Онъ глядитъ: предъ нимъ стоялъ
Селимъ безъ шапки, насмурный и блѣдный;
На поясѣ его висѣлъ кинжалъ;
Рука блуждала по оправѣ мѣдной;
Слова кипѣли смутно на устахъ,
Какъ бьется пѣна въ тѣсныхъ берегахъ.

23.

И юношѣ съ участіемъ живымъ
Братъ молвилъ: «Что съ тобой—не понимаю.
Скажи!—Я гибну!—отвѣчалъ Селимъ,
Сверкая смутнымъ взоромъ.—Я страдаю,
Одною думой день и ночь томимъ...
Я гибну!... Ты ревнивъ, ты вспыльчивъ,—знаю.
Безумца не захочешь ты спасти,—
Такъ я виновенъ... Но... прости, прости!...»

24.

—«Скажи, тебя обидѣлъ кто-нибудь?...
Обиду злобы кровью смыть могу я!
Иль конь пропалъ?... Забудь о немъ, забудь,—
Въ горахъ коня красивѣе найду я.
Иль отъ любви твоя пылаетъ грудь
И чуждой дѣвы хочешь поцѣлуя?...
Ее увезть легко во тьмѣ ночной,
Она—твоя... Но молви: что̀ съ тобой?»

25.

—«Легко спросить, но тяжко разсказать
И чувствовать!... Молился я Пророку,
Чтобъ ангеламъ велѣлъ онъ ниспослать
Хоть каплю влаги пламенному оку...
Ты видишь, есть ли слезы?... О, не трать
Молитвъ напрасныхъ! Къ яркому Востоку
И Западу взывалъ я; но... въ моей
Душѣ все шевелится грусть, какъ змѣй!...»

26.

«Я проклялъ небо. Осѣдлавъ коня,
Пустился въ степь. Безъ цѣли мы блуждали.
Не различалъ ни ночи я, ни дня...
Но вслѣдъ за мной мечты мои скакали.
Я гибну, братъ... Пойми, спаси меня!
Твоя душа не крѣпче бранной стали...
Когда я былъ ребенкомъ, ты любилъ
Ребенка,—помнишь это, иль забылъ?...»

27.

«Послушай: бурно молодость во мнѣ
Кипитъ, какъ жаркій ключъ въ скалахъ Машука!
Но ты... Въ твоей суровой сѣдинѣ
Видна усталость жизни, лѣнь и скука.
Пускай ты можешь въ полѣ на конѣ
Звенящую стрѣлу бросать изъ лука,
Догнать оленя и врага сразить;
Но... такъ, какъ я, не можешь ты любить!»

28.

«Не можешь ты безмолвно цѣлый часъ
Смотрѣть на взоръ живой, но безотвѣтный,
И утопать въ сіяньи милыхъ глазъ,
Тая въ груди, какъ месть, огонь завѣтный!
Обнявши Зару, я видалъ не разъ,
Какъ ты томился скукою примѣтной...
Я бъ отдалъ жизнь за поцѣлуй одинъ
Прекрасныхъ устъ, но ты—ихъ властелинъ!...»

29.

Какъ облакъ, бурей черною гонимъ,
Сталъ мраченъ ликъ суровый Акбулата;
Дрожь пробѣжала по усамъ сѣдымъ,
Взоръ покраснѣлъ, какъ зарево заката.
—«Что жъ произнесть рѣшился ты, Селимъ?!»—
Воскликнулъ онъ. Селимъ не слушалъ брата:
Какъ бѣдный рабъ, онъ палъ къ его ногамъ
И волю далъ страданью и мольбамъ

30.

—«Ты видишь, я погибъ... Спасенья нѣтъ...
Отчаянье, любовь—вездѣ, повсюду!...
О, ради прежней дружбы прежнихъ лѣтъ,
Отдай мнѣ Зару, уступи!... Я буду
Твоимъ рабомъ... Послушай: сжалься!... Нѣтъ,
Нѣтъ, ты меня, какъ ветхую посуду,
Съ презрѣньемъ гордымъ кинешь за порогъ...
Но... видишь: вотъ—кинжалъ, а тамъ есть Богъ!...»

31.

«Когда бъ хотѣлъ, я бъ могъ давно, повѣрь,
Упиться счастіемъ, презрѣть святое.
Но я подумалъ: нѣтъ, какъ лютый звѣрь,
Онъ растерзаетъ сердце молодое...
И вотъ пришло раскаянье теперь,—
Пришло, но поздно! Я ошибся вдвое...
И я—глупецъ, какъ хочешь назови—
Одинъ теперь, безъ дружбы и любви!..»

32.

«Что медлить? Я готовъ. Не размышляй!
Одинъ ударъ и—мы спокойны оба.
Увы, минута съ ней—небесный рай,
Жизнь безъ нея—скучнѣй, страшнѣе гроба!...
Я здѣсь, у ногъ твоихъ... Рѣшись, иль знай:
Любовь хитрѣй, чѣмъ ревность или злоба.
Я вырву Зару изъ твоихъ когтей.
Она—моя, и быть должна моей!...»

33.

Умолкъ. Блѣднѣй снѣговъ склонился онъ;
Въ очахъ дрожали слезы изступленья;
Межъ губъ слова слились въ невнятный стонъ,
Мучительный, ужасный... Сожалѣнье
Угрюмый братъ почувствовалъ.—«Какъ сонъ,
Пройдетъ,—сказалъ онъ,—время заблужденья!
Есть много звѣздъ—одна другой свѣтлѣй;
Красавицъ много безъ жены моей!»

34.

«Что далъ мнѣ Богъ, того не уступлю;
А что сказалъ я, то исполню свято.
Пророкъ зритъ мысль и слышитъ рѣчь мою.
Меня не тронутъ ни мольбы ни злато!»—
—«Прощай!... Но если, если... я люблю,
Люблю ее?—сказалъ Селимъ, объятый
Тоской и злобой.—Я просилъ, скорбѣлъ...
Ты не хотѣлъ... Такъ помни жъ: не хотѣлъ!...»

35.

Его уста скривилъ холодный смѣхъ.
Онъ продолжалъ: «Все кончено отнынѣ!
Нѣтъ для меня ни дружбы ни утѣхъ...
Благодарю тебя!... Ты, какъ объ сынѣ,
О мнѣ заботился,—сказать не грѣхъ...
По волѣ нѣжилъ ты цвѣтокъ въ пустынѣ,
По волѣ оборвалъ его листы...
Я буду помнить, помни же и ты!...»

36.

Онъ отвернулся и исчезъ, какъ тѣнь.
Стоялъ недвижимъ Акбулатъ смущенный,
Мрачнѣй, чѣмъ громомъ опаленный пень.
Шумѣла буря. Вѣтромъ наклоненный,
Скрипѣлъ полуразрушенный плетень;
Да иногда, грозою заглушенный,
Изъ бѣдной сакли раздавался вдругъ
Безпечной, нѣжной, вольной пѣсни звукъ...

37.

Такъ иногда одна въ степи чужой
Залетная пѣвица, птичка Юга,
Поетъ на вѣткѣ дикой и сухой,
Когда вокругъ шумитъ, бушуетъ вьюга,
И путникъ внемлетъ съ тайною тоской
И думаетъ: то, вѣрно, голосъ друга.
Его душа, живущая въ раю,
Сошла печаль привѣтствовать мою...

38.

Селимъ сѣдлаетъ вѣрнаго коня,
Гребенкой мѣдной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещетъ; крѣпко обвивая
Сѣдло съ конемъ, сцѣпились два ремня;
Стремена равны; плетка шелковая
На арчагѣ мотается. Храпитъ,
Косится, конь... Пора! Садись, джигитъ!

39.

Горячъ и статенъ конь твой вороной!
Какъ раскаленный уголь, блещетъ око.
Нога стройна, косматый хвостъ трубой,
И лоснится хребетъ его высокой,
Какъ черный камень, сглаженный волной.
Какъ саранча, легко въ степи широкой
Несется онъ подъ ловкимъ сѣдокомъ,
И голосъ твой давно ему знакомъ!...

40.

Вотъ молча на коня вскочилъ Селимъ,
Нагайкою махнулъ, привсталъ немного
На стременахъ... Затрепеталъ подъ нимъ
И захрапѣлъ товарищъ быстроногой.
Скачекъ, другой... ноздрями паръ, какъ дымъ,
И полетѣлъ знакомою дорогой,
Какъ пыльный листъ, оторванный грозой,
Летитъ, крутясь, по степи голубой!...

41.

Размашисто скакалъ онъ, и кремни,
Какъ брызги, разсыпясь, трещали
Подъ звонкими копытами. Они
Сырую землю мѣрно поражали;
И долго вслѣдъ ущелія одни
Другъ другу этотъ звукъ передавали,
И въ голубой дали онъ замиралъ,
Какъ будто бѣгъ коня ослабѣвалъ...

42.

Какъ духъ изгнанія, Селимъ исчезъ
За пеленой волнистаго тумана...
У табуна сторожевой черкесъ,
Дивяся, долго вслѣдъ ему съ кургана,
Смотрѣлъ и думалъ: «Много есть чудесъ...
Великъ Аллахъ!... Ужасна власть шайтана!
Кто скажетъ мнѣ, что этого коня
Хозяинъ мрачный—сынъ земли, какъ я?»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Межъ виноградныхъ лозъ нагорный ключъ,
Отъ мирнаго аула недалеко,
Бѣжалъ по камнямъ, свѣтелъ и гремучъ.
Небесъ восточныхъ золотое око
Глядѣлось въ немъ, и плавалъ жаркій лучъ
Въ его волнѣ студеной и глубокой;
И мелкій дождь серебряныхъ цвѣтовъ
Въ него съ прибрежныхъ сыпался деревъ.

2.

Въ урочный часъ, когда на водопой
Бѣжитъ къ потоку сернъ пугливыхъ стая,
Шумя по листьямъ и травѣ густой,
По склону скалъ черкешенка младая
Идетъ купаться тайною тропой.
Нагую ножку въ воду погружая,
Она дрожитъ, смѣется... и вокругъ
Кидаетъ взглядъ, гдѣ дышитъ страсть и югъ...

3.

Не бойся, Зара,—всюду тишина!
Присядь на камень, сбрось покровъ узорный!
Вода въ ручьѣ, прозрачна, холодна,
Смиритъ волненья въ груди непокорной

И освѣжитъ твой смуглый станъ она.
Но, чу!... Постой!... Чей это шагъ проворный
Не въ добрый часъ раздался межъ кустовъ?...
Святой Пророкъ!... Скорѣй, гдѣ твой покровъ?...

4.

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватаетъ руку Зары. Страстенъ, молодъ
Огонь руки сей... Сакля далека...
Что дѣлать?.. Въ грудь ея смертельный холодъ
Проникъ, какъ пуля мѣткаго стрѣлка,
И сердце громко билось въ ней, какъ молотъ...
«Селимъ, ты здѣсь?... Злой духъ тебя принесъ!
Зачѣмъ пришелъ ты?»—«Я?... Какой вопросъ!...»

5.

—«Селимъ!... О, я погибла!»—Можетъ быть;
Такъ что жъ?-—«Ужель ни капли сожалѣнья?
Чего ты хочешь?»—Я хочу любить,
Хочу? Ты видишь, какъ любви томленья
Меня измучили... Ахъ, скучно жить,
Какъ звѣрю, одинокимъ,—нѣтъ терпѣнья...
Насталъ послѣдній срокъ! Я снова здѣсь,
Я твой навѣкъ—душой и тѣломъ, весь!...»

6.

«Я зналъ что вашъ Пророкъ—не мой пророкъ,
Что люди—мнѣ чужіе, а не братья!...
Я странствовалъ въ пустынѣ одинокъ
И мраченъ, какъ печальный духъ проклятья.
Безъ страха я давно бъ въ могилу легъ,
Но холодны сырой земли объятья...
Ахъ, я мечталъ хоть мигъ одинъ заснуть,
Мою главу склонивъ къ тебѣ на грудь!...»

7.

«Бѣги со мной?... Оставь свой бѣдный домъ!
Я молодъ, свѣжъ,—твой мужъ—старикъ суровый...
Рѣшись, спѣши: мнѣ тайный путь знакомъ;
Мое ружье вѣрнѣй стрѣлы громовой;

Кинжалъ мой блещетъ гибельнымъ лучемъ;
Моя рука быстрѣй, чѣмъ взглядъ и слово;
И у меня жилище есть въ горахъ,
Гдѣ отыскать насъ можетъ лишь Аллахъ!»

8.

«Мой домъ изрытъ въ разсѣлинахъ скалы.
Въ немъ до меня два барса дружно жили;
Узнавъ пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянувъ, бросились, завыли...
Я ихъ убилъ, и въ тотъ же день орлы
Кровавые останки растащили;
А шкуры ихъ у входа, по бокамъ,
Висятъ теперь на страхъ другимъ звѣрямъ».

9.

«Тамъ ложе есть изъ моха и цвѣтовъ;
Родникъ бѣжитъ по камнямъ разноцвѣтнымъ,—
Его питаетъ влага облаковъ,
И по лугамъ змѣится онъ привѣтнымъ...
Бѣги со мной—и никому слѣдовъ
Твоихъ не разыскать въ краю завѣтномъ!
И только мѣсяцъ съ солнцемъ золотымъ
Узнаютъ, какъ и кто тобой любимъ!...»

10.

Обнявши станъ ея полунагой,
Едва дыша, склонившись къ ней устами,
Онъ ждалъ отвѣта съ страхомъ и тоской...
Она молчала. Тонкими вѣтвями
Чуть вѣтеръ шелестилъ, и па́рилъ зной,
И тѣни листьевъ пестрыми рядами
Играли на челѣ ея... Она
Стоитъ недвижная, безъ словъ, блѣдна...

11.

—«Рѣшись же, Зара,—ждать я не могу!
Ты поблѣднѣла?... Что такое: слезы?
Но развѣ здѣсь ты предана врагу?
Иль рѣчь любви похожа на угрозы?

Иль ты меня не любишь?... Нѣтъ, я лгу,—
Твои уста, нѣжнѣй Иранской розы,
Жестокаго не могутъ произнесть!...
Пусть нѣтъ въ тебѣ любви, но... жалость есть!...»

12.

«О, какъ бы я былъ счастливъ, какъ богатъ
Подъ звѣздами Аллы одинъ съ тобою!...
Скажи: тебя не любитъ Акбулатъ?
Онъ золъ, ревнивъ, онъ пасмуренъ душою
И рѣчь его хладнѣе, чѣмъ булатъ!
Онъ для тебя постылъ!... Бѣги со мною!...
Но ты качаешь молча головою,—
Не онъ тобой любимъ!... Такъ кто жъ такой?»

13.

«Скорѣй отвѣтствуй, кто онъ,—назови!
Я вытержу зловѣщее названье.
Я обниму, какъ брата, и... въ крови
Запечатлѣю братское лобзанье.
Кто жъ онъ—счастливецъ, царь твоей любви?
Пускай придетъ, презрѣвъ мое страданье,
При мнѣ тебя и нѣжить и ласкать!...
Я радъ смотрѣть, клянусь тебѣ—молчать!...»

14.

И онъ склонилъ мятежную главу,
И онъ закрылъ лицо свое руками;
И видно было ей, какъ на траву
Упали двѣ слезы двумя звѣздами.
Безъ смысла и безъ звука, на яву—
Какъ бы во снѣ, онъ шевелилъ устами
И, наконецъ, припалъ къ землѣ сырой,
Самъ, какъ земля, холодный и нѣмой....

15.

И стало жаль Селима ей... И вдругъ
Заговорила голосомъ печали:
—«Отецъ мой былъ великій воинъ: Югъ
И Сѣверъ, и Востокъ объ немъ слыхали.

Онъ былъ свирѣпый врагъ, но вѣрный другъ,
И низкой лжи уста его не знали.
Я—дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну, но... не измѣню!»

16.

«Оставь меня,—я счастлива съ другимъ!»—
—«Не вѣрю я!.. Ты счастлива?»—«Конечно».—
—«Онъ мой злодѣй, мой врагъ!!»—«Селимъ! Селимъ!
Кто жъ виноватъ?... Скажи, ужели вѣчно
Не примиритесь вы?»—«Мириться, съ нимъ?...
Да кто же я, чтобъ мукою сердечной
Дразнить людей и небо?»—«Ты жестокъ!»
—«Какъ быть, такую душу далъ мнѣ рокъ!...»—

17.

—«Прощай,—ужъ поздно».—«Богъ разсудитъ насъ!
Но если я съ тобой увижусь снова,
То это будетъ, знай, въ послѣдній разъ!...»
Онъ быстро всталъ и болѣе ни слова
Онъ не сказалъ и скрылся... День угасъ;
Лишь блѣдный лучъ изъ-за Бешту крутого
Едва скользилъ прощальной полосой
Вдоль по челу черкешенки младой.

18.

Селимъ не возвращался. Акбулатъ
Спокоенъ,—онъ не видитъ, что порою
Его жены доселѣ ясный взглядъ
Туманится невольною слезою...
Вотъ разъ съ охоты ѣхалъ онъ назадъ;
Аулъ дремалъ въ тѣни, таясь отъ зною;
Сходя съ мечети тихою стопою,
Ему мулла киваетъ головой

19.

И говоритъ: «Куда спѣшишь, мой сынъ?
Не лучше ли гулять въ широкомъ полѣ?
Черкесъ прямой всегда, вездѣ одинъ
И служитъ только родинѣ, да волѣ!

Черкесъ—землѣ и небу господинъ,
И чуждый врагъ ему не страшенъ болѣ,
Какъ только онъ, послушавшись меня,
Жену покинулъ и купилъ коня!»

20.

—«Молись Пророку и Аллѣ, мулла,
И не мѣшайся ты въ дѣла чужія;
Твой вѣренъ глазъ,—моя вѣрнѣй стрѣла!
За весь табунъ твой не отдамъ жены я!»
Мулла жъ въ отвѣтъ: «Я не желаю зла...
Самъ вспомнишь ты совѣты золотые!»
Смутился Акбулатъ, потупилъ взоръ
И скачетъ онъ скорѣй къ себѣ на дворъ.

21.

Съ дрожащимъ сердцемъ въ саклю входитъ онъ;
Глядитъ—на ложѣ смятомъ и разрытомъ
Кинжалъ знакомый блещетъ изъ ножонъ...
Любимый конь не ржетъ, не бьетъ копытомъ,
Нейдетъ на встрѣчу Зара... Мертвый сонъ
Повсюду, лишь на очагѣ забытомъ
Сверкаетъ пламень... Онъ невзвидѣлъ дня:
Нѣтъ ни жены ни лучшаго коня!...

22.

Безъ силъ, безъ думъ, недвижимъ, какъ мертвецъ,
Пронзенный сзади пулею несмѣлой,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ,
Присѣлъ онъ на порогъ, и чтó кипѣло
Въ его груди, то знаетъ лишь Творецъ!
Часы бѣжали. Небо потемнѣло;
Съ росой на землю пала тишина;
Изъ тучъ косматыхъ глянула луна.

23.

Блѣднѣй луны сидѣлъ недвижимъ онъ...
Вдругъ слышитъ топотъ—ближе, все яснѣе...
Вотъ мчится въ полѣ конь; какъ легкій дымъ,
Волною грива хлещетъ вдоль по шеѣ,

И вьется что-то бѣлое надъ нимъ,
Какъ покрывало... Конь летитъ быстрѣе...
Знакомый бѣгъ... Вотъ близко, прискакалъ,
Но вдругъ затрясся, захрипѣлъ и палъ.

24.

Недвижно, безъ дыханья конь лежитъ...
На немъ, колеблясь, плещетъ покрывало,
По вѣтру развѣваясь, и бѣжитъ
Кровь, чуть примѣтно, струйкой алой...
Къ коню въ смущеньи Акбулатъ спѣшитъ;
Лицо надеждой снова заблистало:
—«Спасибо, другъ, не выдалъ ты меня!»—
И гладитъ онъ издохшаго коня.

25.

Вотъ покрывала бѣлаго конецъ
Нетерпѣливой приподнялъ рукою.
Склонился. Мѣсяцъ свѣтитъ: о, Творецъ!
Чей блѣдный трупъ онъ видитъ предъ собою?
Глубоко въ грудь, какъ скорпіонъ, свинецъ
Впился, насытясь кровью молодою;
Ремень, обвившій нѣжный станъ кругомъ,
Къ сѣдлу надежнымъ прикрѣпленъ узломъ.

26.

Какъ ранній снѣгъ, бѣла и холодна,
Безчувственно рука ея лежала,
Обрызганная кровью, и луна,
По гладкому челу скользя, играла;
Съ безцвѣтныхъ устъ, какъ слабый призракъ сна,
Послѣдняя улыбка исчезала
И, опустивъ, рѣсницы бахромой
Бездушный взоръ таили подъ собой.

27.

Узналъ ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой,
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою чарой,

Плѣнялъ еще тому лишь день назадъ?!..
Все стало ясно—и надъ мертвой Зарой
Терзаетъ грудь и рветъ одежды онъ,
Зоветъ ее, но... крѣпокъ мертвыхъ сонъ!...

28.

И въ ту же ночь, за часъ передъ зарей,
Съ мечети грянулъ вѣщій звукъ набата.
Народъ сбѣжался: какъ маякъ ночной,
Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокругъ нея огонь вился змѣей,
Кидая къ небу съ трескомъ искры злата,
И чей-то смѣхъ, мучительный и злой,
Сквозь дымъ и пламя вылеталъ порой.

29.

И ницъ упалъ испуганный народъ..
«Молитесь, дѣти!... Это—смѣхъ шайтана!»—
Сказалъ мулла таинственно, и вотъ
Какой-то тайный стихъ изъ Алкорана
Запѣлъ онъ громко... Но огонь реветъ
И мечется сильнѣе урагана,
И, не внимая жалобнымъ мольбамъ,
Расходится по крышамъ и стѣнамъ.

30.

И зарево на дальнихъ высотахъ
Трепещущимъ румянцемъ отразилось,
И серна горъ, лежавшая въ кустахъ,
Послышавъ крикъ, вздрогнула, пробудилась,—
Ее невольно обнялъ смутный страхъ,—
И быстрымъ бѣгомъ въ горы устремилась;
И, спавшіе подъ сѣнію скалы,
Взвилися съ крикомъ дикіе орлы.

31.

Да упадетъ проклятіе людей
На жизнь Селима! Пусть въ степи палящей
Отъ глазъ его сокроется ручей!
Пускай булатъ въ рукѣ его дрожащей

Измѣнитъ въ битвѣ, и въ кругу друзей
Тоска туманитъ взоръ его блестящій!
Пускай одинъ, бродя во тьмѣ ночной,
Онъ чей-то шагъ все слышитъ за собой!

32.

Да упадетъ проклятіе Аллы
На голову убійцы молодого!
Пускай умретъ не въ битвѣ—отъ стрѣлы,
А дома—отъ разбойника ночного,
Иль полумертвый на хребтѣ скалы
Три ночи и три дня лежитъ безъ крова!
Пусть зной палитъ, и бьетъ его гроза,
И хищный коршунъ выклюетъ глаза!...

33.

Когда придетъ, покинувъ выси горъ,
Его душа къ обѣщанному раю,—
Пускай Пророкъ свой отворотитъ взоръ
И грозно молвитъ: «О, тебя я знаю!...»
Тогда, понявъ язвительный укоръ,
Воскликнетъ онъ: «Прости мнѣ, умоляю!...»
И снова скажетъ грѣшнику Пророкъ:
«Ты былъ жестокъ—и я съ тобой жестокъ!»

34.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ;
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь иногда, въ туманный день, черкесъ,
Объ немъ вздохнувъ, разсказываетъ нынѣ,
При малыхъ дѣтяхъ... И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: «Скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?...»

1832.

Измаилъ Бей.

(Восточная повѣсть).

[Въ первый разъ напечатана была съ пропусками въ Отеч. Зап. 1843 г. № 3. Затѣмъ одними и тѣми же издателями сочиненій Лермонтова переносилась изъ одного тома въ другой, будучи причисляема то къ слабымъ, то къ лучшимъ произведеніямъ поэта. Какъ судить о ней—редактировавшій изданія не зналъ. Это видно изъ того напримѣръ, что въ примѣчаніяхъ къ I-му тому изд. 1880 г. господинъ редакторъ говоритъ: «Поэма эта въ предыдущихъ изданіяхъ печаталась въ дополнительномъ томѣ, какъ ненапечатанная при жизни Лермонтова. Мы перенесли ее въ I-ый т. (т. е. отнесли къ лучшимъ произведеніямъ) на основаніи достовѣрнаго указанія о томъ, что Лермонтовъ желалъ, но не могъ напечатать ее по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ». Однако въ этомъ *достовѣрномъ указаніи* редакторъ изданія самъ разувѣряется, перенося въ изд. 1887 года Измаила-Бея опять въ томъ слабыхъ произведеній. Строгій къ своимъ сочиненіямъ Лермонтовъ, не былъ доволенъ Измаилъ-Беемъ, не смотря на отдѣльныя красоты, и потому тѣмъ, что считалъ хорошимъ, пользовался позднѣе, а всю поэму напечатать отдумалъ. Такъ пѣсню «Мѣсяцъ плыветъ и тихъ и спокоенъ»... онъ переноситъ въ поэму «Бѣглецъ». О значеніи Измаилъ-Бея см. конецъ статьи моей: Литерат. дѣятельность Лермонтова въ университетскіе годы. Русск. Мысль, 1884 г. апрѣль].

So moved on earth Circassia's daughter.
The loveliest bird of Frangestan!
L. Byron (The giaour.)

Посвященіе.

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.
Такъ посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,

Блестя лазоревымъ крыломъ;
Пускай реветъ, бушуетъ вьюга,
Она поетъ лишь объ одномъ —
Она поетъ о солнцѣ юга...
И ты, звѣзда любви моей,
Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
Послушай пѣсни прежнихъ дней:
Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ.
Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
Не измѣнила власть разлуки:
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты въ другихъ.

M. Lerma.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой;
Онѣ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни пріучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.
Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся, какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья—и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые,

Какъ стражи, окликаются ночные;
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ,
Душистую головку поднимая,
Блистаетъ, какъ цвѣты небесъ и рая!...
Въ вечерній часъ, дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ:
Лиловыя, съ багряными краями,
Одни еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный замокъ, чудо древнихъ дней,
Растетъ въ минуту; но еще скорѣй
Его разсѣетъ вѣтра дуновенье.
Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнье,
Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
Межъ тѣмъ бѣлѣй, чѣмъ горы снѣговыя,
Идутъ на западъ облака другія
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,
Другъ черезъ друга свѣтлыя глядятъ
Такъ весело, такъ пышно и безпечно,
Какъ будто жить и нравиться имъ вѣчно!...

III.

И дики тѣхъ ущелій племена;
Имъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье;
Тамъ за добро—добро, и кровь—за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

IV.

Темны преданья ихъ. Старикъ чеченецъ,
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,
Когда меня чрезъ горы провожалъ,

Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбэка,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто бы удержанный Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ.
Онъ весь обросъ зеленою травою;
И не боясь, что камень упадетъ,
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогодъ,
Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,
Склоняясь въ жаръ на длинный стебелекъ,
Растетъ воспоминанія цвѣтокъ.
И подъ столѣтней, мшистою скалою,
Сидѣлъ чеченъ однажды предо мною;
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть можетъ, онъ о родинѣ молился;
И, странникъ чуждый, я прервать страшился
Его молчанье, и молчанье скалъ:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ.

V.

Его разсказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенесть на сѣверъ дальный:
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю,
Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы, какъ тайна, онъ погибъ со мною;
Пускай ему не внемлютъ—до конца
Я доскажу. Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила....

VI.

Давнымъ-давно у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,

Гдѣ за Машукомъ день встаетъ,
А за крутымъ Бешту садится, *
Близъ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли;
Гордились дружбою взаимной;
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный:
Черкесъ счастливъ и воленъ былъ.
Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ.
Весельемъ пѣсни ихъ дышали;
Они тогда еще не знали
Ни золота ни русской стали.

VII.

Не все судьба голубитъ насъ:
Всему свой день, всему свой часъ.
Однажды—солнце закатилось,
Туманъ бѣлѣлъ ужъ подъ горой,
Но въ эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада тѣснились и шумѣли,
Арбы тяжелыя скрипѣли;
Трепеща, жены близъ мужей
Держали плачущихъ дѣтей.
Отцы ихъ, бурками одѣты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на кострѣ высокомъ жгли,
Что̀ взять съ собою не могли;
Когда же день новорожденный
Завѣтный озарилъ курганъ,
И мокрый утренній туманъ
Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,

* Машукъ и Бешту—двѣ главныя горы.

Онъ обнажилъ подошвы горъ,
Пустой аулъ, пустое поле,
Едва дымящійся костеръ
И свѣжій слѣдъ колесъ—не болѣ.

VIII.

Но что могло заставить ихъ
Покинуть прахъ отцовъ своихъ,
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужихъ?
Гнѣвъ Мухаммеда? Прорицанье?
О, нѣтъ! примчалась какъ-то вѣсть,
Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громамъ его подвластно,
Что силъ его нельзя и счесть.—
Черкесъ удалый въ битвѣ правой
Умѣетъ умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть—кинжалъ двойной;
И страхъ насильства и могилы
Не могъ бы изъ родныхъ степей
Ихъ удалить: позоръ цѣпей
Несли къ нимъ вражескія силы.
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
«Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
Оставимъ мы утесы горъ;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуютъ надѣть оковы!»
Такъ думалъ каждый, и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ злобно онъ взираетъ
Иль облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту.

IX.

Межъ тѣмъ летятъ за годомъ годы,
Готовятъ мщеніе народы,
И пятый годъ ужъ настаетъ,
А кровь джяуровъ не течетъ.
Въ необитаемой пустынѣ
Черкесъ бродящій отдохнулъ,
Построенъ новый былъ аулъ
[Его слѣдовъ не видно нынѣ],
Старикъ и воинъ молодой
Кипятъ отвагой и враждой.
Ужъ Росламбэкъ съ бреговъ Кубани
Князей союзныхъ поджидалъ;
Лезгинецъ, слыша голосъ брани,
Готовитъ стрѣлы и кинжалъ;
Скопилась месть ихъ роковая
Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ;
Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
Цвѣтами радуги блистая,
Виситъ, прохладу обѣщая,
Надъ беззаботнымъ табуномъ.

X.

Въ тотъ самый годъ, осеннимъ днемъ,
Между Желѣзной и Змѣиной, *
Гдѣ чуть примѣтный путь лежалъ,
Цвѣтущей, узкою долиной
Тихонько всадникъ проѣзжалъ.
Кругомъ налѣво и направо,
Какъ бы остатки пирамидъ,
Подъемлясь къ небу величаво,
Гора изъ-за горы глядитъ;
И далѣ царь ихъ пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной.

* Двѣ горы, находящіяся рядомъ съ Бешту.

XI.

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило;
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью пораженъ,
Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ—
Чего-то, мнится, не находитъ,
То пуститъ онъ коня стремглавъ,
То остановитъ и, привставъ
На стремена, дрожитъ, пылаетъ—
Все пусто. Онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняетъ,
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ бы отдалъ цѣлый.

XII.

Кто жъ этотъ путникъ? Русскій? Нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой;
И перетянутъ онъ ремнемъ,
И шашка чуть звенитъ на немъ.
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ въ шерстяномъ чехлѣ.
И какъ же горца на сѣдлѣ
Не различить мнѣ съ казаками?
Я не ошибся—онъ черкесъ.
Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и вьюга

И холодъ сѣверныхъ небесъ,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что онъ черкесъ.
Густыя брови, взглядъ орлиный,
Рѣсницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны.
Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
Не брилъ бородки и усовъ,
И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у бреговъ.
Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ
Своей отчизны не оставилъ...
Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?

XIII.

Какъ наши юноши, онъ молодъ,
И хладенъ блескъ его очей;
Поверхность темную морей
Такъ покрываетъ ранній холодъ
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ, но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ.
Пусть будетъ это сердце камень—
Ихъ пробужденный адскій пламень
И камень углемъ раскалитъ.

XIV.

И все прошедшее явилось,
Какъ тѣнь умершаго, ему.
Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
Богъ вѣсть, и какъ и почему.
Онъ въ поле выѣхалъ пустое—
Вдругъ слышитъ выстрѣлъ—что̀ такое?
Какъ будто насмѣхъ, звукъ одинъ
Жилецъ ущелій и стремнинъ
Трикраты отзывъ повторяетъ.
Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ,
И вотъ съ винтовкой безъ штыка
Въ кустахъ онъ видитъ казака;
Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
Росою съ листьевъ окропленный,
Блистая радужнымъ хвостомъ,
Лежалъ въ травѣ, пробитъ свинцомъ.
И ближе путникъ подъѣзжаетъ,
И чистымъ русскимъ языкомъ:
«Казакъ, скажи мнѣ», вопрошаетъ,
«Давно ли пусто здѣсь кругомъ?»
— «Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устрашился
Неустрашимый твой народъ;
Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся...
Тому сегодня пятый годъ.»

XV.

Казакъ умолкъ. Но что съ тобою,
Черкесъ? Зачѣмъ твоя рука
Подъята съ шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказанье:
Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
Лежитъ насмѣшливый казакъ.
Черкесъ глядитъ на ликъ холодный,
Въ немъ пробудился духъ природный:
Онъ пощадить не могъ никакъ,
Онъ удержать не могъ удара.

Какъ въ тучахъ зарево пожара,
Какъ лава Этны по полямъ,
Больной румянецъ по щекамъ
Его разлился; и блистали,
Какъ лезвіе кровавой стали,
Глаза его—и въ этотъ мигъ
Душа и адъ—все было въ нихъ!
Оборотясь съ улыбкой злобной,
Черкесъ на сѣверъ кинулъ взглядъ—
Ничто, ничто смертельный ядъ
Передъ улыбкою подобной.
Волною поднялася грудь;
Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть;
Холодный потъ съ чела крутова
Катился, но изъ устъ—ни слова.

XVI.

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
Къ лукѣ припалъ, коня толкнулъ,
Одно мгновенье на курганѣ
Онъ черной птицею мелькнулъ,
И скоро скрылся весь въ туманѣ.
Чрезъ камни конь его несетъ,
Онъ не глядитъ и не боится.
Такъ быстро скачетъ только тотъ,
За кѣмъ раскаяніе мчится.

XVII.

Куда черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь
И усмирится думъ волненье?
Черкесъ не хочетъ отдохнуть:
Ужели отдыхаетъ мщенье?
Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ селъ—
Все уничтожилъ русскій воинъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ онъ спокоенъ,
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,

Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолей
И такъ отмститъ за униженье
Любезной родины своей.
«Я знаю васъ,—онъ шепчетъ,—знаю!
И вы узнаете меня;
Давно ужъ васъ я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только съ нынѣшняго дня...»
Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
И конь летитъ, какъ вѣтеръ степи;
Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
И ужъ въ виду зубчаты цѣпи
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,
И Шатъ подъемлется за ними
Съ двумя главами снѣговыми,
И путникъ мнитъ: «недалеко;
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко.»

XVIII.

Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны, какъ мечты,
То разойдутся, то сольются...
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ нѣтъ—
Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣтъ.
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужъ солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады,
А все пустынныя громады,
Хотя и выше и темнѣй,
Еще загадка для очей.

XIX.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:

Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй;
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло;
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился.
Межъ скалъ незыблемыхъ, одинъ,
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что̀ испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ.

XX.

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучемъ зари освѣщены;
Давно разсѣлины темны;
Катясь чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, нѣжится лѣниво,

И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною;
Такъ сталь кольчуги иль копья
[Когда забыты послѣ бою
Они на полѣ роковомъ],
Въ кустахъ найденная луною,
Блистаетъ въ сумракѣ ночномъ.

XXI.

Ужъ поздно. Путникъ одинокой
Одѣлся буркою широкой;
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась; вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпитъ, какъ будто гибель чуетъ,
И сталъ. Дивится, слѣзъ сѣдокъ
И видитъ пропасть предъ собою,
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Воど мракѣ бѣшеной волною
Шумитъ [слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенный,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошенной].
Въ недоумѣньи надъ скалой
Остался странникъ утомленный;
Вдругъ видитъ онъ: въ дали пустой
Трепещетъ огонекъ—и снова
Садится на коня лихова;
И черезъ силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтится огонь.

XXII.

Не духъ коварства и обма́на
Манилъ трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана
Свѣтилися въ ущельѣ томъ:
Двѣ сакли бѣлыя, простыя,
Таятся мирно за холмомъ;

Чернѣютъ крыши земляныя;
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленой бахромой;
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя;
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обветшалый.
Все въ мертвый сонъ погружено—
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой;
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ. «Великій Мухаммедъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.
Кто здѣсь?»—«Я странникъ!»—былъ отвѣтъ—
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Вкругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ,
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII.

Межъ тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Пріѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый,
И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ,
И носятся въ мечтахъ живыхъ

Они къ грядущему, къ былому;
Проходитъ непримѣтно часъ—
Они сидятъ, и въ первый разъ,
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

XXIV.

Онъ самъ лезгинецъ; ужъ давно
[Такъ было небомъ суждено]
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ;
При нихъ молчитъ еще кручина
И бѣдный милъ ему прiютъ.
Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихiе сыновья.
Живетъ добычей вся семья.
Они повсюду страхъ приносятъ;
Украсть, отнять—имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна ли, изъ станицы
Любого уведутъ коня;
Они боятся только дня
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы.
Сегодня дома лишь одинъ,
Его любимый, старшiй сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришелецъ; онъ почти не дышитъ,
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденья метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданiе земли и рая,
Стояла пери молодая.

XXV.

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ

Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, въ движеньи черныхъ глазъ—
Все, что̀ такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что̀ встрѣчаемъ въ жизни только разъ—
Не отличить отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что̀ сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей.
Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаетъ:
Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная видна въ ланитахъ кровь;
Но только удалится образъ милый—
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что̀ было;
И заблужденью онъ повѣритъ вновь.

XXVI.

Нѣжна, какъ пери молодая,
Созданіе земли и рая,
Мила—какъ намъ въ краю чужомъ
Межъ звуковъ языка чужова
Знакомый звукъ, родныхъ два слова;
Такъ утѣшительно мила,
Какъ древле узнику была
На сумрачномъ окнѣ темницы
Простая пѣсня вольной птицы,
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ. Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ-подъ него до груди нѣжной
Двѣ косы темныя небрежно
Бѣгутъ—ужъ вѣрно часъ она

Ихъ расплетала, заплетала;
Она понравиться желала—
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVII.

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиренный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйти хотѣла, и не знала
Идти ли! Грудь ея порой
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что̀ скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвіе
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ... Смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ:
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ;
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутитъ онъ; но хладный,
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ—ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесъ ловилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ;
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились,
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились,
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!...
Довольно! этого удара

Вторично дѣва не снесетъ;
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ, она уйдетъ...

XXVIII.

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ,
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И, какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей—
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужъ за счастье,
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится. Онъ улыбкой
Слезу старается встрѣчать,
Улыбкѣ хладно отвѣчать;
Коль обласкаетъ—такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ,
Ужъ и себѣ не вѣритъ онъ;
Душѣ высокой не довольно
Остатковъ юности своей,
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣтъ пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла:
Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла.
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ;
И часто думаютъ они,
Что ихъ излѣчитъ край далекій,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни;

Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все внѣшнее подвластно!

XXIX.

Ужъ милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
Черкесъ глядитъ ей долго вслѣдъ
И мыслитъ: «нѣжное созданье!
Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
А есть ужъ слезы и желанья!
Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
На темной тучѣ не гори:
На ней твой блескъ лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится».

XXX.

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,
Но битвамъ, родинѣ и волѣ
Обречена судьба моя.
Я бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
Тебя любить, но надъ тобой
Хранитель, вѣрно, неземной;
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли грѣть моимъ объятьямъ?
Тебя ли станутъ цѣловать
Уста, привыкшія къ проклятьямъ?...»

. . . .

XXXI.

Пора! яснѣетъ ужъ востокъ;
Черкесъ проснулся, въ путь готовый.
На пепелищѣ огонекъ
Еще синѣлъ. Старикъ суровый
Его раздулъ, пшено сварилъ,
Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхаго порога
Радушно гостя проводилъ.
И странникъ медленно выходитъ

Печалью тайной угнетенъ:
О юной дѣвѣ мыслитъ онъ...
И кто жъ коня ему подводитъ?

XXXII.

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
«Твой конь готовъ; моей рукой
Надѣта бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блеститъ кубанская насѣчка,
И бурку черную ремнемъ
Я привязала за сѣдломъ.
Мнѣ это дѣло вѣдь не ново,
Любезный странникъ, все готово.
Твой конь прекрасенъ; не страшна
Ему утесовъ крутизна;
Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
Въ немъ дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Какъ камень, сглаженный потокомъ;
Какъ уголь, взоръ его блеститъ,
Лишь наклонись—онъ полетитъ;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
Отъ вражьей шашки и кинжала
Въ степи глухой, въ недобрый часъ.»

XXXIII.

«Но погоди въ стальное стремя
Ступать поспѣшною ногой:
Послушай, странникъ молодой,
Какъ знать? быть можетъ, будетъ время,
И ты на милой сторонѣ
Случайно вспомнишь обо мнѣ;
И если чаша пированья

Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони отъ сердца поскорѣй;
Но если эта мысль родится,
Но если образъ мой приснится
Тебѣ въ страдальческую ночь—
Услышь, услышь мое моленье:
Не презирай то сновидѣнье,
Не отгоняй тѣ мысли прочь.»

XXXIV.

«Пріютъ нашъ малъ, зато спокоенъ;
Его не тронетъ русскій воинъ.
И что имъ взять?—пять-шесть коней
Да наши грубыя одежды?...
Повѣрь ты скромности моей,
Откройся мнѣ, куда надежды
Тебя коварныя влекутъ?
Чего искать?—Останься тутъ,
Останься съ нами, добрый странникъ!
Я вижу ясно: ты изгнанникъ,
Ты отъ земли своей отвыкъ,
Ты позабылъ ея языкъ.
Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
И что тамъ ждетъ тебя—не знаю.
Пусть мой отецъ твердитъ порой,
Что безъ малѣйшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны—
По мнѣ отчизна только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ.»

XXXV.

«Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ,
Послушай, часъ одинъ, не болѣ
Пробудь, жестокій, близъ меня;

Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжетъ,
Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ;
А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
Главу мнѣ на руку склони:
Твоихъ рѣчей услышать звуки
Еще желала бъ я хоть разъ;
Не удержу вѣдь счастья часъ,
Не прогоню вѣдь часъ разлуки?...»
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣтъ,
Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
Увы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужъ ѣхать онъ приготовлялся,
Но обернулся—испугался,
И, состраданьемъ увлеченъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

«Не обвиняй меня такъ строго;
Скажи, чего ты хочешь—слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ.
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, чтó меня хоть малость любитъ,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ;
Щадить—мнѣ власти не дано.
И не простого человѣка
[Хотя въ одеждѣ я простой],
Утѣшься, Зара, предъ собой
Ты видишь брата Росламбэка.

Я въ жертву счастье долженъ принести...
О, не жалѣй о томъ... Прости, прости!...»

XXXVII.

Сказалъ, махнулъ рукой, и звукъ подковъ
Раздался, въ отдаленьи умирая.
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность ея унесъ съ собою.
О Зара, Зара, краткою мечтою
Ты дорожила—гдѣ жъ твоя мечта?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!
Одно мгновенье тяжелѣй другова;
Все, что прошло, ты оживляешь снова!...
По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
Гдѣ скрылася любви ея звѣзда;
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродитъ;
Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
Вскочивъ, дрожитъ и ждетъ его она—
И, постепенно вѣтромъ разносимый,
Все ближе, ближе топотъ—и все мимо...
Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
И ждешь—и близокъ онъ—и вдругъ погасъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

High minds, of natife pride and force
Most deeply feel thy pangs, Remorse!
Fear, for their scourge, mean villains have
Thou art the torturer of the brave!
Marmion. S. Walter.-Scott.

I.

Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,

Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится.
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ—волна не дремлетъ,
Пусть темнота вокругъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь.

II.

На берегу ея кипучихъ водъ
Недавно изгнанный врагомъ народъ
Аулъ построилъ свой и ждалъ мгновенья,
Когда свершить придуманное мщенье;
Черкесъ готовилъ дерзостный набѣгъ,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбэкъ,
Склонялся передъ русскими смиренно;
А между тѣмъ съ отважною толпой
Станицы разорялъ во тьмѣ ночной;
И, возвратясь въ аулъ, на пиръ кровавый
Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ,
И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
И головы рубилъ имъ для забавы.

III.

Легко народомъ править, если онъ
Одною общей страстью увлеченъ;
Не должно только слишкомъ завлекаться,

Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ равняться;
Не должно мыслей открывать своихъ,
Иль спрашивать у подданныхъ совѣта
И забывать, что лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта.
Старайся первымъ быть вездѣ, всегда;
Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
Не трогай суевѣрій никогда
И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
Страшись сначала много успѣвать,
Страшись народъ къ побѣдамъ пріучать,
Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
И почиталъ нуждою—принужденья;
Умѣй отважно пользоваться всѣмъ,
И не проси никакъ вознагражденья;
Народъ ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
Не покушайся вырвать—но украдь.

IV.

У Росламбэка братъ когда-то былъ;
О немъ жалѣютъ шайки удалыя;
Отцомъ въ Россію посланъ Измаилъ,
И ихъ надежду отняла Россія.
Четырнадцати лѣтъ оставилъ онъ
Края, гдѣ былъ воспитанъ и рожденъ,
Чтобъ знать законы и права чужія.
Не подъ персидскимъ шелковымъ ковромъ
Родился Измаилъ, не пѣснью нѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ:
Его баюкалъ бури вой мятежной.
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза.
Въ пещерѣ темной—гдѣ, гонимый братомъ,
Убійцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,
Его отецъ таился много лѣтъ—
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ

V.

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не знавалъ.
Не у груди—подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣта;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ;
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,
И лишь орлы да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою...
Но къ русскимъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры извѣстья нѣтъ о немъ...

VI.

Горой отъ солнца заслоненный,
Пріютъ изгнанниковъ смиренный,
Между кизиловыхъ деревъ
Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою;
Стоитъ отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь въ лѣтній день, въ полдневный жаръ,
Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ,
Черкесъ усталый отдыхаетъ;
Межъ тѣмъ сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;

И облака родныхъ небесъ
Въ мечтаньяхъ видитъ ужъ черкесъ:
Тамъ лугъ душистѣй, день свѣтлѣе,
Роса перловая свѣжѣе;
Тамъ разноцвѣтною дугой,
Развеселясь, нерѣдко дивы
На тучахъ строятъ мостъ красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы...

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ земными облаками
Земныя звѣзды; но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

VIII.

Ужъ скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула; темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.
На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
Нарядъ войны ему не нуженъ,
Онъ гордъ и бѣденъ—онъ пѣвецъ.

Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины:

IX.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
Съ ними жить—завидна доля,
Но еще милѣе воля.
  Не женися, молодецъ,
    Слушайся меня:
  На тѣ деньги, молодецъ,
    Ты купи коня.

Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ худой избралъ удѣлъ:
Съ русскимъ въ бой онъ не поскачетъ.
Отчего?—жена заплачетъ?
  Не женися, молодецъ,
    Слушайся меня:
  На тѣ деньги, молодецъ,
    Ты купи коня.

Не измѣнитъ добрый конь:
Съ нимъ—и въ воду и въ огонь;
Онъ—какъ вихрь въ степи широкой;
Съ нимъ—все близко, что́ далеко.
  Не женися, молодецъ,
    Слушайся меня:
  На тѣ деньги, молодецъ,
    Ты купи коня.

X.

  Откуда шумъ? Кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходитъ князь

И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
Три узденя за ними вслѣдъ.
«Великъ Алла и Мухаммедъ!»
Воскликнулъ князь. «Сама могила
Покорна имъ! Въ странѣ чужой
Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой:
Вы узнаете ль Измаила?...
Между врагами онъ возросъ,
Но не призналъ онъ ихъ святыни,
И въ наши синія пустыни
Одну лишь ненависть принесъ.»

XI.

И по долинѣ восклицанья
Восторга дикаго гремятъ;
Благословляя часъ свиданья,
Вкругъ Измаила старъ и младъ
Тѣснятся, шепчутъ. Поднимая
На плечи маленькихъ ребятъ,
Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
На князя новаго глядятъ.
Гдѣ жъ Росламбэкъ, кумиръ народа?
Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода?—
Одинъ, забытъ, передъ огнемъ,
Поодаль, съ пасмурнымъ челомъ,
Стоялъ онъ, жертва злой досады.
Давно ли привлекалъ онъ самъ
Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
Давно ли по его слѣдамъ
Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
Давно ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла?
И что же вышло?—Измаилъ,
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ
Своимъ пріѣздомъ—и властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,
Вниманья черни безтолковой

Къ себѣ привлечь уже не могъ.
Ей все плѣнительно, что́ ново.
«Простынетъ!» мыслитъ Росламбэкъ.
Но если злобный человѣкъ
Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
Совсѣмъ забыть ее никакъ:
Ея насмѣшливый призракъ
И днемъ и ночью духъ тревожитъ.

XII.

Война!... знакомый людямъ звукъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
Промчался кликъ: война! война!
И пробудились племена;
На смерть идутъ они охотно.
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движенье стана—
Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
Вотъ удовольствія байрана!
«Смотри, какъ всякій биться радъ
За дѣло чести и свободы!...
Такъ точно было въ наши годы,
Когда насъ велъ Ахметъ-Булатъ!»
Съ улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки.
Пора! кипятъ они досадой,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

XIII.

Зима проходитъ; облака
Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,
Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,

Крутясь, какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбкѣ неба своего,
И бѣлыхъ путниковъ его,
Межъ тѣмъ, упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы, какъ стѣна,
По берегамъ темнѣютъ горы;
Ихъ крутизна, ихъ вышина
Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры;
Къ вершинамъ ихъ прицѣплена
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожитъ сердце: такъ, порой,
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тронѣ, окруженный
Льстецовъ толпою униженной,
Грустить о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему.

XIV.

Завоевателю преграда
Положена въ долинѣ той:
Изъ камней и деревъ громада
Аргуну давитъ подъ собой.
Къ аулу нѣтъ пути инова;
И мыслятъ горцы: «врагъ лихой!
Тебѣ могила ужъ готова?»
Но прямо врагъ идетъ на нихъ,
И блескъ орудій громовыхъ
Далеко сквозь туманъ играетъ.
—И Росламбэкъ совѣтъ сзываетъ;
Онъ говоритъ: «въ тиши ночной
Мы нападемъ на ихъ отряды,
Какъ упадаютъ водопады
Въ долину сонную весной...
Погибнутъ молча наши гости,
И ихъ разбросанныя кости,

Добыча врановъ и волковъ,
Сгніютъ, лишенныя гробовъ.
Межъ тѣмъ съ боязнію лукавой
Начнемъ о мирѣ договоръ,
И втайнѣ местію кровавой
Омоемъ долгій нашъ позоръ.»

XV.

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но не согласенъ Измаилъ.
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
«Я не разбойникъ потаенный;
Я видѣть, видѣть кровь люблю;
Хочу, чтобъ мною пораженный
Зналъ руку грозную мою!
Какъ ты, я русскихъ ненавижу,
И даже болѣе чѣмъ ты;
Но подъ покровомъ темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной странѣ,
Иную славу надо мнѣ!...»
И поединка ожидали
Межъ братьевъ мóлча уздени;
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ—всѣ еще молчали....

XVI.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ;
Тебя злой духъ, гласитъ преданье,
Построилъ дерзостной рукой,
Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
Забыть межъ небомъ и землей.

Здѣсь, три столѣтья очарованъ,
Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
Когда надменный съ новыхъ скалъ
Стрѣлой Пророку угрожалъ.
Какъ буркой, ельникомъ покрыта,
Сосѣднихъ горъ она чернѣй.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохомъ ни кустами
Не заростаетъ никогда;
Пестрѣя чудными слѣдами,
Она ведетъ Богъ вѣсть куда.
Олень съ вѣтвистыми рогами,
Между высокими цвѣтами,
Одѣтый хмѣлемъ и плющемъ,
Лежитъ полуобъятый сномъ;
И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
И чуетъ близкаго врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свѣжестью подышитъ,
Росу съ могучихъ плечъ стряхнетъ,
И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
Черезъ утесъ—и вотъ онъ мчится,
Терновъ колючихъ не боится
И хмѣль коварный грудью рветъ—
Но, вольный путь пересѣкая,
Предъ нимъ тропинка роковая...
Никѣмъ незримая рука
Царя лѣсовъ останавляетъ,
И онъ, какъ гибель ни близка,
Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII.

Кто жъ подъ ужасною горой
Зажегъ огонь сторожевой?
Треща, краснѣя и сверкая,
Кусты вокругъ онъ озарилъ.
На камень голову склоняя,

Лежитъ поодаль Измаилъ.
Его приверженцы хотѣли
Итти за нимъ—но не посмѣли.

XVIII.

Вотъ что ему родной готовилъ край!
Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай,
Гдѣ міръ такъ юнъ, природа такъ богата;
Но люди, люди—что̀ природа имъ?
Едва успѣлъ обнять изгнанникъ брата,
Ужъ клевета и зависть—все надъ нимъ!
Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
За что̀ бъ другой Творца благодарилъ,
Все то ему дается въ наказанье...
Но для терпѣнья ль созданъ Измаилъ?
Бываютъ люди: чувства имъ—страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ древле въ море кинулъ царь алмазъ;
Но гордый камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами...
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ—и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ:
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

XIX.

«Безсмысленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?

Все прежнее, незнаемый молвой,
Ты бъ могъ забыть близъ Зары молодой,
Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ,
Ты бъ могъ любить, но не хотѣлъ—и нынѣ
Картины счастья живо предъ тобой
Проходятъ укоряющей толпой:
Ты жмешь ей руку; грудь ея и плечи
Цѣлуешь въ упоеньи; ласки, рѣчи,
Исполненныя счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый,
Волшебный взоръ—все предъ тобой, какъ было
Еще недавно; всѣ мечты твои
Такъ вѣроятны, что душа боится,
Не вѣря имъ, вторично ошибиться...
А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?»
Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.
Вдругъ выстрѣлъ, два, и много: онъ вскочилъ,
И слушаетъ... но все утихло снова.
И говоритъ онъ: «это сонъ больнова!»

XX.

Души волненьемъ утомленъ,
Опять на землю князь ложится,
Трещитъ огонь и дымъ клубится...
И что̀ же? Призракъ видитъ онъ:
Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
На саблю опершись рукой,
Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
Печальный, блѣдный и худой.
Спросить хотѣлось Измаилу:
Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
И свѣтъ дрожащаго огня,
Упавъ на смуглыя ланиты,
Черкесу придалъ видъ сердитый.
—«Чего ты хочешь отъ меня?—
Гостепріимства и защиты?»
Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
«Свой путь въ горахъ я потерялъ,

Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
И казаковъ моихъ убили,
И вѣрный конь подъ мною палъ.
Спасти, убить врага ночнова
Равно ты можешь. Не боюсь
Я смерти: грудь моя готова,
Твоей я чести предаюсь!
— Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь—садись и грѣйся».

XXI.

Тиха, прозрачна ночь была,
Свѣтила на небѣ блистали,
Луна за облакомъ спала,
Но люди ей не подражали.
Передъ огнемъ враги сидятъ,
Хранятъ молчанье и не спятъ.
Черты пришельца возбуждали
У князя новыя мечты:
Онѣ ему напоминали
Давно знакомыя черты.
То не игра воображенья!
Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаилъ:
—«Ты молодъ, вижу я. За славой
Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой.
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бѣдны мы, и волю,
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворимъ,
Чтó презираете вы хладно!
Не бойся, говори смѣлѣй:
Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ.

Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?»

XXII.

«Ты ошибаешься, черкесъ!»
Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ.
«Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
И водопадъ и темный лѣсъ;
Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
Встрѣчая пышную зарю,
И ваше племя я люблю;
Но одного я ненавижу:
Черкесъ онъ родомъ, не душой,
Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой—
Себѣ, иль князю Измаилу
Клялся я здѣсь найти могилу...
Къ чему опять ты мрачный взоръ
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мнѣ укоръ;
Но выслушай, ты все узнаешь,
И самъ досадой запылаешь»...

XXIII.

«Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ россійскомъ войскѣ Измаилъ,
Но, образованный межъ нами,
Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ виденъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался:
Для нашихъ женщинъ—онъ былъ ядъ!
Воспламенивъ воображенье,
Повелѣвалъ онъ безъ труда,
И за проступокъ наслажденье
Не почиталъ онъ никогда;
Не знаю, было то презрѣнье
Къ законамъ стороны чужой

Или испорченныя чувства...
Любовью женщинъ, ихъ тоской
Онъ веселился, какъ игрой;
Но избѣжать его искусства
Не удалося ни одной.

XXIV.

«Черкесъ! видалъ я здѣсь прекрасныхъ
Свободы нѣжныхъ дочерей:
Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
Ты не любилъ!... Ни словъ опасныхъ,
Ни устъ волшебныхъ не знавалъ:
Кудрями дѣвы золотыми
Ты въ упоеньи не игралъ;
Ты клятвамъ страсти не внималъ
И не былъ ты обманутъ ими...
Но я любилъ!... Судьба меня
Блестящей радугой манила,
Невольно къ безднѣ подводила...
И ждалъ я счастливаго дня!
Своей невѣстой дорогою
Я смѣлъ ужъ ангела назвать,
Невиннымъ ласкамъ отвѣчать
И съ райской дѣвой забывать,
Что рая нѣтъ ужъ подъ луною.
И вдругъ ударилъ страшный часъ—
Причина долголѣтней муки:
Призывъ войны, отчизны гласъ,
Раздался вѣстникомъ разлуки.
Какъ дымъ, разсѣялись мечты...
Тотъ день я буду помнить вѣчно...
Черкесъ, черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно,
Ни съ кѣмъ не разставался ты?...

XXV.

«Въ то время Измаилъ случайно
Невѣсту увидалъ мою,
И страстью запылалъ онъ тайно.

Межъ тѣмъ, какъ въ дальномъ я краю
Искалъ въ бояхъ конца, иль славы—
Сластолюбивый и лукавый,
Онъ сердце дѣвы молодой
Опуталъ сѣтью роковой.
Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
Къ себѣ довѣренность вселять,
Насмѣшкой скромность побѣждать,
И, побѣждая, видъ покорный
Хранить—иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать предъ ней!...
Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
Ея желанья; вѣдалъ онъ
Что быть не могъ ея супругомъ,
Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ—
И обольщенная упала
На грудь убійцы своего!
Кромѣ любви, она не знала,
Она не знала ничего...

XXVI.

«Но скоро скуку пресыщенья
Постигъ виновный Измаилъ.
Таиться не было терпѣнья,
Когда погасъ минутный пылъ;
Оставилъ жертву обольститель
И удалился въ край родной,
Забывъ, что есть на небѣ мститель,
А на землѣ еще другой!
Моя рука его отыщетъ
Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
И казни грозный мечъ просвищетъ
Надъ непреклонной головой.
Пусть ликъ одежда измѣняетъ;
Не взоръ—душа врага узнаетъ!...

XXVII.

«Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
Какъ справедлива месть моя.

Ужъ на устахъ твоихъ проклятья!
Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ!...
О, если бъ могъ пересказать я,
Изобразить ужасный часъ,
Когда прелестное созданье
Я въ униженьи увидалъ
И безотчетное страданье
Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!...
Она разсудокъ потеряла:
Рядилась, пѣла и плясала,
Иль сидя молча у окна,
По цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная,
Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
Ждала измѣнника она.
Вся жизнь погибшей дѣвы милой
Остановилась на быломъ;
Ея безумье даже было
Любовь къ нему и мысль о немъ...
Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!...»
И долго русскій говорилъ
Про месть, про счастье, про измѣну.
Его не слушалъ Измаилъ.
Лишь знаетъ онъ, да Богъ единый,
Что подъ спокойною личиной
Тогда происходило въ немъ.
Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали отъ небесъ отрады),
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ та земля, и мрачный и нѣмой.

XXVIII.

Видали-ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные,
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья

Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стóятъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь—и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея.
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ:
Все въ мірѣ есть—забвенья только нѣтъ...

XXIX.

Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъемлютъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистаго тумана
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь передъ зарей,
Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой.
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ бы счесть онъ все мечтою,
И по челу провелъ рукою;
Но грусть—жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

XXX.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ;
Не зная думать чтó о немъ,
Согласенъ юноша смущенный.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожитъ все: то птица
Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица

Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ.
Они все ниже, ниже сходятъ
И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшатъ, нагнувшись, безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли--
И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегѣ журавли,
Бѣлѣютъ смутно ужъ вдали.
Тогда черкесъ остановился,
За руку путника схватилъ—
И кто бы, кто не удивился?
По-русски съ нимъ заговорилъ.

XXXI.

«Прощай! ты можешь безопасно
Теперь итти въ шатры свои.
Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
Ты хочешь потопить въ крови
Свою печаль! Страшись; быть можетъ,
Раскаянье прибавишь къ ней.
Болѣзни этой не поможетъ
Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
Ты губишь прелесть юныхъ дней.
Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужъ рокомъ!
Онъ палачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя бъ рука не устрашила
Того, кто борется съ судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри жъ: онъ здѣсь передъ тобой!»
И съ видомъ гордаго презрѣнья
Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межъ уступовъ скалъ...
И долго русскій, безъ движенья,
Одинъ, какъ вкопаный, стоялъ.

XXXII.

Межъ тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ,
Расположась военнымъ станомъ,
Толпа черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вкругъ огней своихъ.
Они любили Измаила:
Съ нимъ вмѣстѣ слава иль могила,
Имъ все равно, лишь только бъ съ нимъ!
Но не могла бъ судьба однимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ безпокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбэкъ!
[Таковъ повсюду человѣкъ].

XXXIII.

Сидятъ наѣздники безпечно.
Курятъ турецкій свой табакъ;
И князя ждутъ они. «Конечно,
Когда исчезнетъ ночи мракъ,
Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
Смиритъ враждебныя дружины,
И вздрогнутъ передъ нимъ они,
Какъ Росламбэкъ и уздени!»
Такъ, пѣсню воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

XXXIV.

Безмолвно, грустно, въ сторонѣ,
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятежной,
Прекрасный юноша стоялъ—
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжный!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безпечно. Трепетъ тайный
Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, не случайный,
Не разъ изъ груди вылеталъ;
И онъ явился къ Измаилу,

Чтобъ раздѣлить съ нимъ—хоть могилу;
Увы! такая ли рука
Въ куски изрубитъ казака?
Такой ли взоръ, стыдливый, скромный,
Глядитъ на міръ, чтобъ видѣть кровь?
Зачѣмъ онъ здѣсь и ночью темной
Лицомъ прелестный, какъ любовь,
Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
Хотя страшился онъ сказать,
Не трудно было бъ отгадать,
Когда бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже,
Хранитъ причину отъ людей
Своихъ надеждъ, своихъ страстей,
И тайна юнаго Селима,
Чуждаясь устъ, ланитъ, очей,
Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
Въ груди сокрылась невредима.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

She told nor whence, nor why she left behind
Her all for one who seem'd but little kind.
Why did she lawe him? Curious fool!—be still—
Is human love the growth of human will?
L. Byron (Lara XXII).

I.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесъ! и западъ и востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ, и скажешь самъ надменно:
«Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
Настанетъ часъ—и новый, грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ.

II.

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты.
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Врывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей;
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою;
Но жены горъ не съ женскою душою:
За поцѣлуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ—
Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ.
«Отмсти, товарищъ!» и въ одно мгновенье
[Достойное за смерть убійцы мщенье]
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ—черкесской вольности костеръ.

III.

Въ аулѣ дальнемъ Росламбэкъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объятъ,
Но у него коварныя есть думы—
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ жъ Измаилъ?—Безвѣстными горами
Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками
И, заманивъ толпы ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться,
На крѣпости природныя взбираться;
Но отдохнуть черкесы не даютъ,
То скроются, то снова нападутъ;
Они—какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье,
И далеко и близко въ то жъ мгновенье.

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаилъ
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ

И не плѣнялся именемъ героя;
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ.
Недолгій жаръ погасъ; душой усталый,
Его бы не желалъ онъ воскресить:
И не родной аулъ—родныя скалы
Рѣшился онъ отъ русскихъ защитить.

V.

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...
Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
На блѣдномъ сводѣ. Чуть примѣтно
Орла на вышинѣ безцвѣтной;
Межъ скалъ блуждая, желтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ озарилъ,
И самъ на жителѣ могилъ
Передъ кончиной разыгрался,
И по разбросаннымъ костямъ,
Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ
Скользнулъ огнистой полосою,
Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ онъ двоихъ
Недвижныхъ также—но живыхъ...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они безпечны были оба.

VI.

Одинъ... такъ точно—Измаилъ.
Безвѣстной думой угнетаемъ,
Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
Какъ мы нерѣдко провожаемъ
Гостей докучливыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шеломъ,
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождю склоняетъ на колѣни;

Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота ни пени
Не слышалъ на его устахъ....
Боится онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ—
И веселъ трудъ ему и страхъ.

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрыли очи подъ собой;
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струей;
И на кольчугѣ боевой
Ему не жестко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
Такъ свѣтлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная, не знаетъ
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ коса, иль конь сомнетъ.

VIII.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ; но мирная душа
Взволнована; полусловами
Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнымъ ухомъ онъ склонился.
Быть можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ.
«Ты могъ забыть?—Любви не нужно

Одной лишь нѣжности наружной....
Оставь же!» сонный говорилъ.
—Кого оставить?—Князь спросилъ.
Селимъ умолкъ, но на мгновенье;
Онъ продолжалъ: «Къ чему сомнѣнье?
На всемъ лежитъ его презрѣнье....
Увы! чтó значатъ передъ нимъ
Простая дѣва иль Селимъ?
Такъ будетъ вѣчно между нами...
Зачѣмъ безцѣнными устами
Онъ это имя освятилъ?»
—Не я ль? подумалъ Измаилъ;
И, погодя, онъ слышитъ снова:
«Ужасно, Боже! для дѣтей
Проклятіе отца родного,
Когда на склонѣ позднихъ дней
Оставленъ ими... но страшнѣй
Его слеза!...» Еще два слова
Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ прощанья,
И улетѣлъ.—Изъ состраданья,
Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX.

И, вздрогнувъ, юноша проснулся,
Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся,
Когда онъ ясно увидалъ,
Что на колѣняхъ друга спáлъ.
Но, покраснѣвши, сновидѣнье
Пересказать стыдился онъ,
Какъ будто бы лукавый сонъ
Имѣлъ съ судьбой его сношеньє.
Не отвѣчая на вопросъ
[Примѣта явная печали],
Щипалъ онъ листья дикихъ розъ
И наконецъ двѣ капли слезъ
Въ очахъ склоненныхъ заблистали;
И, съ быстротой отворотясь,

Онъ слезы осушилъ рукою...
Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
Но не смутился онъ душою
И приписалъ онъ простотѣ,
Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
Конечно, самъ давно не зналъ онъ
Печалей сладостныхъ любви,
И самъ давно не предавалъ онъ
Слезамъ страданія свои.

X.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ—и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему...
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный;
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ;
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ,
Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ...

XI.

Селимъ встаетъ, на гóру всходитъ...
Сребристый стелется ковыль
Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль,
Желтѣя, поднялась въ лощинѣ,
И крикъ черкесовъ по зарѣ
Гудитъ, теряяся въ пустынѣ...
Селимъ все слышалъ на горѣ;
Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ:
«Они! они!» онъ восклицаетъ,

И князя нѣжною рукой
Влечетъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показался;
Онъ, мнилось, изъ земли рождался,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой—
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, если бъ два коня столкнулись,
Назадъ бы оба не вернулись,
И не могли бъ впередъ итти.

XII.

Толпа джигитовъ * удалая,
Передъ горой остановясь,
Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь—
И все утихло; уваженье
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе—не страхъ,
Не власть его основа—мнѣнье;
«Какія вѣсти?»—Русскій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому Полю,
Имъ льститъ и бѣдность нашихъ странъ!
Ихъ много! «Кто не любитъ волю?»
Молчатъ. «Такъ дайте жъ отдохнуть
Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
Въ бою мы рады лечь костями;
Чего же лучшаго намъ ждать?
Но въ цвѣтѣ жизни умирать,
Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!...»

XIII.

Блѣднѣетъ юноша и взоръ
Понятно выразилъ укоръ.
«Нѣтъ, говоритъ онъ: я повсюду
Въ изгнаньѣ, въ битвѣ—спутникъ твой;
Нѣтъ! клятвы я не позабуду—

---

* Наѣздники.

Угаснуть или жить съ тобой.
Не робокъ я подъ свистомъ пули—
Ты видѣлъ это, Измаилъ!
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною былъ.
И съ твоего чела не я ли
Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бѣжали,
Чьи рѣчи, ласки прогоняли
Суровый мракъ твоей печали?
Мои слова, моя любовь!
Возьми, возьми меня съ собою!
Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
Могу... И что́ мнѣ смерть! О, нѣтъ!
Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
Моя душа не дорожила;
Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ—
Но не оставлю Измаила!»

XIV.

Взглянулъ на небо молча князь,
И наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку;
И крѣпко тотъ ее пожалъ
Зато, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщалъ.
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
Когда бъ не скрылся онъ опять.

XV.

По косогору ходятъ кони;
Колчаны, ружья, сѣдла, брони
Въ пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блеститъ краснѣя; погруженъ

Въ мечтанье горестное онъ;
И отъ страстей, какъ отъ недуга,
Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: «навѣрно,
Тебя терзаетъ духъ пещерной!
Дай, пѣсню я тебѣ спою;
Нерѣдко дѣва молодая
Ее поетъ въ моемъ краю,
На битву друга отпуская.
Она печальна; но другой
Я не слыхалъ въ странѣ родной;
Ее пѣвала мать родная
Надъ колыбелію моей.
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навѣютъ звуки
Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней.»
Селимъ запѣлъ, и ночь кругомъ внимаетъ,
И пѣсню ей пустыня повторяетъ:

ПѢСНЯ СЕЛИМА.

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ
И дѣва ему говоритъ:

«Мой милый! смѣлѣе
Ввѣряйся ты року,
Молися Востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Любви будь вѣрнѣе!

«Всегда награжденъ,
Кто любитъ до гроба;
Ни зависть ни злоба
Ему не законъ;
Пускай его смерть и погубитъ:
Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!

«Любви измѣнившій—
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши—
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ!»
Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ...

«Прочь эту пѣсню!» какъ безумный
Воскликнулъ князь: «зачѣмъ упрекъ?...
Тебя ль послушаетъ Пророкъ?...
Тамъ, облитъ кровью, въ битвѣ шумной,
Твои слова я заглушу,
И разорву ея оковы,
И память въ сердцѣ удушу...
Вставайте?... Какъ? Вы не готовы?...
Прочь пѣсни! крови мнѣ! пора!...
Друзья, коней!... Вы не слыхали?
Удары, топотъ, визгъ ядра,
И крикъ и трескъ разбитой стали.
Я слышалъ... О, не пой, не пой!
Тронь сердце, какъ дрожитъ! И что же?
Ты недовольна? Боже, Боже!...
Зачѣмъ казнить ея рукой?...»
Такъ рѣчь его оторвалася
Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
Невнятно, какъ далекій громъ.
Неровнымъ, трепетнымъ огнемъ
До половины освѣщенный,
Ужасенъ, съ шашкой обнаженной,
Стоялъ недвижимъ Измаилъ,
Какъ призракъ злой, отъ сна могилъ
Волшебнымъ словомъ пробужденный.
Онъ взоръ всей силой устремилъ

Въ пустую степь, грозилъ рукою,
Чему-то страшному грозилъ:
Иначе, какъ бы Измаилъ
Смутиться твердой могъ душою?—
И понялъ наконецъ Селимъ,
Что витязь говорилъ не съ нимъ...
Неосторожный! онъ коснулся
Душевныхъ струнъ—и звукъ проснулся,
Расторгнувъ хладную тюрьму...
И самъ искусству своему
Селимъ невольно ужаснулся...

XVI.

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей...
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье—
Все дышитъ буйствомъ и войной;
Во всемъ приличія незнанье,
Отвага дерзости слѣпой.

XVII.

Свѣтлѣетъ небо полосами;
Заря межъ синими рядами
Ревнивыхъ тучъ ужъ занялась.
Вдоль по лощинѣ ѣдетъ князь.
За нимъ черкесы цѣпью длинной.
Признаться, конь по сѣдоку:
Бѣжитъ и будто вѣтръ пустынный,
Скользящій шумно по песку,
Крутится, вьется на скалу;
Онъ былъ, какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
Его замѣтить могутъ очи.
Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
Отягощенъ своимъ нарядомъ,
Селимъ проворный ѣдетъ рядомъ,

На кобылицѣ вороной.
Такъ бѣлый облакъ въ полдень знойной,
Плыветъ отважно и спокойно —
И вдругъ, по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимый,
Какъ черный лоскутъ мчится мимо;
Но, какъ не бейся, въ вышинѣ
Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ.

XVIII.

Ужъ близко роковое поле.
Кому-то пасть рѣшитъ судьба?...
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ все болѣ, болѣ;
И пушки голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою:
«Впередъ!» воскликнулъ онъ: «за мною!»
Сказалъ и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель:
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Кто бъ не послѣдовалъ за нимъ?

XIX.

Межъ тѣмъ, съ безпечною отвагой,
Отрядъ могучихъ казаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ.
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ непріязненныхъ шатровъ,
Ихъ часовые увидали —
И пушка грянула по нимъ.
И витязи спѣшатъ на встрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ

Они поддерживали сѣчу,
Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился:
Одинъ подъ саблею свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось—надежды нѣтъ;
Черкесъ, читай свои молитвы!
Въ крови твой шелковый бешметъ,
Тебѣ другой не видѣть битвы...
Вдругъ пыль и крикъ—онъ имъ знакомъ:
То крикъ родной, не безполезный!
Глядятъ—и видятъ надъ холмомъ
Стоитъ ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

XX.

Недолго Измаилъ стоялъ!
Вздохнуть коню онъ только далъ,
Взглянулъ и ринулся, и смялъ
Враговъ, и путь за нимъ кровавый
Межъ ихъ рядами виденъ сталъ,
Вездѣ, налѣво и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ:
Не видятъ блескъ ея враги
И беззащитно умираютъ.
Какъ юный левъ, разгорячась,
Въ средину ихъ врубился князь;
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули;
Но что̀ жъ? Его хранитъ Пророкъ!
Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ погибель разсыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долинѣ той

XXI.

Далеко отъ сраженья, межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлыхъ трамскихъ табуновъ,
Разсѣдланный, хладѣя постепенно,
Лежалъ издохшій конь, и передъ нимъ,
Участіемъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесъ. Соратника лишенный,
Крестомъ сжавъ руки и кидая взглядъ
Завистливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ.
Его печаль—была печаль героя.
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугѣ подскакалъ Селимъ,
[Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы].

XXII.

— Бѣда! сказалъ онъ: князя не видать!
Куда онъ скрылся? «Если хочешь знать,
Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
Гдѣ гуще пыль, и смерти крикъ сильнѣе,
Гдѣ кровью облитъ мертвой и живой,
Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой.
Онъ тамъ... Смотри: летитъ какъ съ неба пламя.
Его шишакъ и конь—вотъ наше знамя!
Онъ тамъ; какъ духъ, разитъ и невредимъ,
И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!»
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лесть была чужда степей свободы.

XXIII.

Кто этотъ русскій съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ·
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
И казаковъ примѣромъ ободряетъ;
Онъ ищетъ Измаила—и нашелъ,
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ... напрасно; обманулся
Его свинецъ!—но выстрѣлъ роковой

Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: «ты вновь передо мной!...
Свидѣтель Богъ: не я тому виной!...»
Воскликнулъ онъ: и шашка зазвенѣла,
И отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова, и конь ретивый
Вставъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Недолго это сердце увядало,
И миръ ему! въ единый мигъ оно
Любить и ненавидѣть перестало:
Не всѣмъ такое счастье суждено.

XXIV.

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки:
Спасая дни свои, тѣснятся,
Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки.
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воемъ имъ во слѣдъ,
И никому пощады нѣтъ.
Но что жъ? Побѣда измѣнила.
Раздался вдругъ нежданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И предъ глазами Измаила
На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей...
Какъ градъ посыпалась картеча.
Пальбу услышавъ издалеча,
Направя синіе штыки
Спѣшатъ ширванскіе полки...
Навстрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаилъ;
Но за̀ поводъ коня схватилъ

Черкесъ, и въ горы за собою—
Какъ не противился сѣдокъ—
Коня могучаго увлекъ.
И ни малѣйшаго движенья
Среди всеобщаго смятенья
Не упустилъ младой Селимъ:
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызетъ.
Жизнь побѣжденнымъ не награда...
Онъ на друзей не кинулъ взгляда
И, мнится, ихъ не узнаетъ.

XXV.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастье
Къ другому міру, хоть и тамъ
Судьбы примѣтно самовластье,
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья;
И украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,
Мы забываемъ свѣтъ, и вдаль
Душа и мысли улетаютъ,
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣней прежнихъ лѣтъ.
Но умъ, сомнѣньемъ охлажденный,
И спорить съ рокомъ пріученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страданія желаетъ,
И если иногда мечтаетъ,
То онъ мечтаетъ—побѣдить.

И, зная собственную силу,
Пока не сбросить прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу.

XXVI.

Онъ раненъ; кровь его течетъ,
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, храпитъ и пышитъ;
Одинъ Селимъ не отстаетъ:
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ;
Боязни блѣдность на челѣ;
Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее «прости»
Его бы съ жизнью разлучило.
Будь передъ міромъ онъ злодѣй—
Что́ для любви слова людей?
Что́ ей небесъ опредѣленье?
Нѣтъ, охладить любовь—гоненье
Еще ни разу не могло:
Она сама свое добро и зло.

XXVII.

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони;
Между проваломъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой,
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока,
И безполезная рука
Ужъ не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты

Висятъ, за шапки задѣвая;
И съ неприступной высоты,
На новыхъ путниковъ взирая,
Чернѣетъ серна молодая...
Налѣво—пропасть; по краямъ
Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Внизу свирѣпъ и одинокъ,
Никѣмъ невѣдомый потокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,
Бѣжитъ гремучею волной;
То блещетъ бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Какъ двѣ семьи враждебный генiй—
Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синiй небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желанiе и взглядъ
Сквозь облака, которыхъ тѣни
По нимъ мелькаютъ и спѣшатъ:
Смѣняя въ зависти другъ друга,
Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
И мнится, что подъ солнцемъ юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ.

XXVIII.

Ужъ полдень. Измаилъ слабѣетъ...
Пылаетъ солнце высоко,
Но есть надежда: дымъ синѣетъ,
Родной аулъ недалеко...
Тамъ, гдѣ кустарникомъ покрыты,
Встаютъ красивые граниты
Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, бѣлѣющiй заборъ,
Аргуны воды голубыя,

Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ...
Достигнутъ поворотъ желанный;
Вотъ и вѣнецъ горы туманной,
Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой;
И бѣлый конь сильнѣй рванулся...
Но вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упалъ всей тягостью своей.

XXIX.

И всадникъ, кровью истекая,
Лежалъ безъ чувства на землѣ;
Въ устахъ недвижность гробовая
И блѣдность муки на челѣ;
Казалось, часъ его кончины
Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
Изъ человѣка сдѣлать прахъ.
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
Склонясь въ отчаяньи надъ нимъ,
Какъ въ бурю ива молодая
Надъ падшимъ гнется алтаремъ—
Снималъ онъ панцырь и шеломъ;
Но сердце къ сердцу прижимая,
Не слышитъ жизни ни въ одномъ.
И если бъ страшное мгновенье
Всѣ мысли не убило въ немъ.
Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
И проклиналъ бы провидѣнье...

XXX.

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ:
Все неподвижно передъ нимъ.
Зоветъ—и тучка дождевая

Летитъ на зовъ его одна,
По вѣтру крылья простирая,
Какъ смерть темна и холодна.
Вотъ наконецъ сырымъ покровомъ
Одѣла путниковъ она—
И юноша въ испугѣ новомъ!
Прижавшись къ другу съ быстротой;
«О, пощади его... постой!»
Воскликнулъ онъ: «я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишить
Того, кого люблю такъ страстно,
Кого слабѣй нельзя любить;
Ступай, ищи другихъ по свѣту;
Всѣ жертвы бога твоего!...
Ужель меня несчастнѣй нѣту,
И нѣтъ виновнѣе его?»

XXXI.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
Хотя не понялъ онъ моленій,
Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
Когда жъ Селимъ взглянуть посмѣлъ—
Онъ былъ далеко. Освѣженный
Его прохладою мгновенной,
Очнулся блѣдный Измаилъ.
Вздохнулъ, потомъ глаза открылъ.
Онъ слабъ: другую ищетъ руку,
Его дрожащая рука;
И, каждому внимая звуку,
Онъ пьетъ дыханье вѣтерка,
И все, что̀ близко, отдаленно,
Предъ нимъ яснѣетъ постепенно...
Гдѣ жъ другъ послѣдній, гдѣ Селимъ?
Глядитъ... и что же передъ нимъ?
Глядитъ... уста оледенѣли,
И мысли зрѣньемъ овладѣли...
Не могъ бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ.

XXXII.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ?
На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ:
Раскрылась грудь, на шолковый бешметъ
Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ —
Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ.
Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
О, небо, небо! есть ли въ кущахъ рая
Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
Оставить — страшно, уничтожить — жаль?
Скажи мнѣ: есть ли Зара молодая
Межъ дѣвъ твоихъ, и плачетъ ли она,
И любитъ ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣстно подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

XXXIII.

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Поцѣловалъ онъ нѣжныя ланиты —
И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила;
Смущаютъ Зару ласки Измаила;
Но сердцу какъ ума не соблазнить?
И какъ любви стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи — пламень; вѣчная пустыня
Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли — святыня
И только для людей порокъ она;
Во всей природѣ дышитъ сладострастье,
И только люди покупаютъ счастье.

Прошло два года, все кипитъ война;
Безплоднаго Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
И въ знойный день, и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.

Казалося, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая месть и къ родинѣ любовь.
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селимъ
Теперь уже не слѣдуетъ за нимъ?
Куда лезгинка нѣжная сокрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть онъ недостоинъ былъ?
Измѣна ли причина ихъ разлуки?
Жива ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее «прости» съ слезами муки
Сказали ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадитъ ее понынѣ—
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ:
Кто бъ Измаила смѣлъ спросить о томъ?
Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ.
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?
О чемъ бы онъ ни думалъ—Западъ дальной
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія вспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой...
Но чтò за выстрѣлъ?... Дымъ взвился бѣлѣя,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,

Друзьями окруженъ, любимецъ брани
Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваній.
Послѣдній лучъ зари еще игралъ
На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ, и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,
Когда душа отторгнулась отъ тѣла
Его лица оставить не успѣла.
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный;
Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой;
Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной...
Гремучій ключъ катился невдали,
Къ его струямъ черкесы принесли
Кровавый трупъ. Растегнутъ ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою,
И грудь обмыть они уже хотятъ...
Но почему ихъ омрачился взглядъ?
Чего они такъ явно ужаснулись?
Зачѣмъ, вскочивъ, такъ хладно отвернулись?
Зачѣмъ? Какой-то локонъ золотой
[Конечно талисманъ земли чужой],
Подъ грубою одеждою измятый,
И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой
Блистали на груди у мертвеца...
—«И кто бы отгадалъ!—джяуръ проклятый!
Нѣтъ, ты не стоилъ лучшаго конца;
Нѣтъ, мусульманинъ вѣрный—Измаилу,
Отступнику, не выроетъ могилу!...
Того, кто презиралъ людей и рокъ,
Кто смертію игралъ такъ своенравно,
Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой Пророкъ!
Пусть, не оплаканъ, онъ сгніетъ безславно,
Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, одинокъ!...»

[Оконченъ 10 мая 1832]. М. Лермантовъ.

1831—1832.

Каллы. *

(Черкесская повѣсть).

[Повѣсть эта писана была около 1832 года и рукопись ея, сохранившаяся въ Публичной библіотекѣ, писанная на бумагѣ 1826 года, носитъ на себѣ признаки ранняго творчества. Въ этомъ видѣ была она напечатана въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» 1882 года; но еще раньше того мною въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» того же года, въ исправленномъ видѣ, по списку начала 30-хъ годовъ, сохранившемуся въ бумагахъ г-жи Верещагиной. Надо полагать, что поэтъ исправлялъ поэму эту позднѣе—въ бытность свою въ Школѣ Гвардейскихъ Юнкеровъ, потому что въ спискѣ г-на Хохрякова въ концѣ набросано стихотвореніе:

Въ рядахъ стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга. (Т. I стр. 243).

Стихотвореніе очевидно относится къ «Товарищу улану» (вѣроятно къ Сиверсу, умершему въ школѣ въ 1833 году). Должно быть поэтъ, исправляя «Каллы», все-таки исправленіями не удовлетворился, и передѣлалъ поэму. Изъ этой передѣлки вышелъ «Хаджи Абрекъ», съ которымъ «Каллы» имѣетъ много общаго, какъ уже замѣчено мною при первомъ ея вышеупомянутомъ изданіи въ «Русской Мысли». Въ изданіяхъ стихотвореній Лермонтова поэма печаталась только въ небольшомъ отрывкѣ].

---

* Черкесскій убійца. М. Л.

'T is the clime of the East; 't is the land of the Sun—
Can he smile on such deeds as his children have done?
Oh! wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.
(The Bride of Abydos). Byron *.

I.

«Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты—Божій гласъ;
Клянись имъ слѣдовать душою...
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ
И отомстить за пораженныхъ.
Нѣтъ, не тебѣ принадлежатъ
Твои часы отъ дня рожденья:
Ты на землѣ—орудье мщенья,
Палачъ, а жертва—Акбулатъ...
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:

---

* Тотъ край—Востокъ, то—солнца сторона!
Въ ней дышетъ всё божественной красою;
Но люди тамъ съ безжалостной душою...
Земля, какъ рай... Увы! зачѣмъ она—
Прекрасная—злодѣямъ предана?
Въ ихъ сердцѣ—месть, ихъ повѣсти печальны,
Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.
Байронъ: «Невѣста Абидосская» (перев. Козлова).

Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ!
Такъ будь же ты суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой,—
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный и—поди!».
Такъ говорилъ мулла жестокій,
А кабардинецъ черноокій,
Безмолвно чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но чуждый страха,—онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

II.

Погаснулъ день. Угрюмо бродитъ
Аджи вкругъ сакли... Ужъ давно
Въ горахъ все тихо и темно.
Луна, какъ яркое пятно,
Изъ тучки въ тучку переходитъ:
То въ ней померкнетъ, то блеснетъ.
Какъ призракъ, юноша ползетъ
Беззвучно къ вражьему порогу,
Кинжалъ изъ кожаныхъ ноженъ
Освобождаетъ понемногу—

И вотъ дыханье слышитъ онъ...
Аджи не долго разсуждаетъ:
Врагу заснувшему онъ въ грудь
Кинжалъ убійственный вонзаетъ,
И въ ней спѣшитъ перевернуть.
Кому убійцей быть судьбина
Велитъ, тотъ будь имъ до конца...
Одинъ погибъ; но съ кровью сына
Смѣшать спѣшитъ онъ кровь отца.
Предъ нимъ старикъ: власы сѣдые,
Черты открытаго лица
Спокойны, и усы большіе
Уста закрыли бахромой;
Какъ на молитву сжаты руки...
Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
Аджи? Не совѣсти ли муки
Ты слышишь?... Вновь взмахнулъ рукой—
И съ ложа внизъ, окровавленный,
Скатился медленно старикъ;
Сталъ неподвиженъ блѣдный ликъ,
Лобзаньемъ смерти искаженный...
Но мщенья не свершенъ завѣтъ,—
Еще послѣдней жертвы нѣтъ...
Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышитъ,
Но не встрѣчаетъ ничего;
И только сердца своего
Біенье трепетное слышитъ.
А гдѣ жъ она?... Ужели нѣтъ?—
Жила же дочка съ Акбулатомъ!
И ждетъ ее въ семнадцать лѣтъ
Одна судьба съ отцомъ и братомъ...
И вотъ луны скользящій свѣтъ
Проникнулъ въ саклю, озаряя
Два трупа на полу сыромъ
И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
Спала лезгинка молодая.

III.

Мила, какъ сонный херувимъ,
Передъ убійцею своимъ
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сонъ мятежный,
Волнуя дѣвственную грудь,
Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
И вотъ, исполнены томленья,
Открылись черные глаза
И—тайный призракъ упоенья—
Блистала ярко въ нихъ слеза;
Но, не стряхнувши грёзы ночи,
Мгновенно вновь сомкнулись очи.
Увы, ни радость, ни любовь,
Ни грусть ихъ не откроютъ вновь...
Аджи глядитъ, и въ думахъ тонетъ
Его душа... Урочный часъ!...
Раздался стонъ... Кто такъ простонетъ,
Тотъ простоналъ въ послѣдній разъ.
Кому жъ пришлось такіе звуки
Услышать,—ихъ не позабыть,
И никогда не заглушить
Воспоминанья тяжкой муки.

IV.

Сидитъ мулла среди ковровъ,
Добытыхъ въ Персіи счастливой,
И въ дымкѣ легкихъ облаковъ
Кальянъ свой куритъ онъ лѣниво...
Вдругъ слышитъ быстрый шумъ шаговъ:
Въ крови, съ зловѣщими очами,
Аджи явился молодой;
Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой—

Окаймлена волосъ волнами,
Лезгинки юной голова.
«Свершилось! Вотъ тебѣ, мулла,
Подарокъ... Какъ вѣрны удары
Мои!...—Аджи ему сказалъ.—
Ну, что жъ, узналъ, узналъ ли старый?...»
И взмахъ руки—и ужъ торчалъ
Въ груди дымящійся кинжалъ.

V.

На вышинѣ горы священной,
Вечернимъ солнцемъ озаренный,
Какъ одинокій часовой,
Бѣлѣетъ памятникъ простой:
Изъ камня столбикъ округленный,
Чалмы подобіе на немъ *;
Шиповникъ стелется кругомъ...
Оттуда синія пустыни
И гребни самыхъ дальнихъ горъ—
Свободы вѣчныя твердыни—
Пришельца открываетъ взоръ.
Забывши міръ и имъ забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Подъ этимъ камнемъ спитъ мулла
И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
Другого любитъ безъ боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни
Ни мщенья ревности она.

* Эти могильные столбики въ изобиліи разсѣяны по Кавказу. Они ставятся на выдающихся, видныхъ скалахъ и возвышенностяхъ, или же на самомъ мѣстѣ преступленія. Подъ ними зарываются убитые, требующіе кроваваго отомщенія.

VI *.

И слѣдъ Аджи простылъ... Катился
За годомъ годъ, и вотъ въ горахъ
Абрекъ чужой всѣмъ появился,
Вселяя суевѣрный страхъ.
Какъ звѣрь онъ отъ толпы таился,
Встрѣчаться съ женщиной не могъ,—
Быть можетъ, совѣсти упрекъ
Въ ея чертахъ найти страшился...
Слѣды страданья и тревогъ
Не укрывались отъ вниманья;

---

* Въ спискѣ, находящемся въ Публичной библіотекѣ и попорченномъ, глава VI представляетъ слѣдующій видъ:

И въ это время слухъ промчался,
(Гласитъ преданье) что въ горахъ
Безвѣстный странникъ показался,
Опасный въ мирѣ и бояхъ,
Какъ дикій звѣрь, людей чуждался;
И женщинъ онъ ласкать не могъ!—
Быть можетъ
Въ его чертахъ
Слѣды страда
Но укрывал
Подъ башлы
И больше
Онъ не гост
И вѣрно бъ
На томъ къ
Встрѣчалъ ли
Ему открытъ был
Хранилъ онъ вѣчное молчанье;
Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье;
И онъ лишь знаетъ, почему
Каллы ужасное прозванье
Въ горахъ осталося ему.

[Другіе варіанты въ поэмѣ не значительны и указываютъ на исправленіе первоначальнаго текста, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивъ этотъ текстъ съ напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ»].

Подъ башлыкомъ упорный взоръ
Внушалъ лишь страхъ... Ни состраданья
Ни сожалѣнья—лишь укоръ
Судьбѣ читался въ немъ... Никто
Не признавалъ въ Абрекѣ друга,—
Онъ поражалъ, какъ бичъ недуга...
Встрѣчалъ ли ночью онъ кого,
Встрѣчалъ ли днемъ,—всегда его
Всѣ сторонились, избѣгали,
Какъ дней проклятья иль печали.
Ему открытъ былъ всюду путь...
Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье.
И зналъ одинъ онъ, почему
Каллы ужасное прозванье
Въ горахъ присвоили ему.

[Въ 1830 и 1831 году были написаны и второй и третій очерки «Демона». Ихъ напечатаемъ ниже].

1833—1834.

Хаджи-Абрекъ.

[Это первое изъ сочиненій Лермонтова было отнесено товарищемъ его редактору «Библіотеки для Чтенія» и появилось въ печати, въ журналѣ его, 1835 г. Т. XI, съ подписью «Лермантовъ»].

Великъ, богатъ аулъ Джематъ.
Онъ никому не платитъ дани,
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ брани,
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горячихъ паръ струится,
Орелъ, недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пустѣетъ,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
О чемъ ведетъ переговоры

Совѣтъ джематскихъ удальцовъ?
Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ ли русскаго отряда,
До крови лакомыхъ гостей?
Нѣтъ—только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрытъ одеждами чужими,
Сидитъ на камнѣ между ними
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И вкругъ себя блестящимъ окомъ
Печально водитъ онъ порой.
Разсказу стараго лезгина
Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
«Три нѣжныхъ дочери, три сына
Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
Но бури злыя разразились,
И вѣтви древа обвалились,
И я стою теперь одинъ,
Какъ голый пень среди долинъ.
Увы, я старъ! Мои сѣдины
Бѣлѣе снѣга той вершины,
Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!...
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
Въ плѣну сестры ея увяли,
Въ бою неравномъ братья пали:
Въ чужбинѣ двое, а меньшой
Пронзенъ штыкомъ передо мной.
Онъ улыбался, умирая!
Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рая
Къ нему слетѣла предъ концомъ,
Махая радужнымъ вѣнцомъ...

И вотъ пошелъ я жить въ пустыню
Съ послѣдней дочерью своей.
Ее хранилъ я, какъ святыню;
Все, что имѣлъ я, было въ ней;
Я взялъ съ собою лишь ее,
Да неизмѣнное ружье.
Въ пещерѣ съ ней я поселился,
Родимой хижины лишенъ;
Къ бѣдѣ я скоро пріучился;
Давно былъ къ волѣ пріученъ.
Но часъ ударилъ неизбѣжный—
И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный!...
Однажды ночь была глухая,
Я спалъ... Безмолвно надо мной,
Зеленой вѣткою махая,
Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
Вдругъ просыпаюсь!... слышу: шопотъ—
И слабый крикъ—и конскій топотъ...
Бѣгу и вижу—подъ горой
Несется всадникъ съ быстротой,
Схвативъ ее въ свои объятья.
Я съ нимъ послалъ свои проклятья.
О! для чего второй гонецъ
Настичь не могъ ихъ—мой свинецъ!
Съ кровавымъ мщеньемъ, вотъ здѣсь скрытымъ,
Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
И нѣтъ покоя для меня
Съ того мучительнаго дня...
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?»

«Я!» молвилъ витязь черноокій,
Схватившись за кинжалъ широкій

И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

«Я знаю князя. Я рѣшился!...
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня;
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣтъ мой позабудь,
И о душѣ моей Пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь».

Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый, надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышитъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору ѣдетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ;
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ;
И дальній отзывъ за горой
Уныло вторитъ пѣснѣ той.

Есть поворотъ—и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты

Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
Смиренный различитъ аулъ,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гулъ;
И на краю крутого ската
Отмѣтитъ саклю Бей-Булата.
И, какъ орелъ, съ вершины горъ
Вперитъ на крышу свѣтлый взоръ...
Въ тѣни прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидитъ.
Предъ нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядитъ.
Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
Съ заботой нѣжною такой?
Не другъ ли будетъ издалека?
Не братъ ли съ битвы роковой?
Отъ зноя утомясь дневного,
Твоя головка ужъ готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колѣна,
И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна;
Отяготѣлъ твой ясный взоръ,
Покрывшись влагою жемчужной;
Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
Играетъ пламя крови южной;
Уста волшебныя твои
Зовутъ лобзаніе любви.
Нѣмымъ встревожена желаньемъ,
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабымъ трепетаньемъ
Хотятъ покровы оттолкнуть.
О, гдѣ ты, сердца другъ безцѣнный!...
Но вотъ и топотъ отдаленный,
И пыль знакомая взвилась—
И дѣва шепчетъ: «это князь!»

Легко надежда утѣшаетъ;
Легко обманываетъ глазъ;
Ужъ близко путникъ подъѣзжаетъ..
Увы! она его не знаетъ,
И видитъ только въ первый разъ;
То странникъ, въ полѣ запоздалый,
Гостепріимный ищетъ кровъ;
Дымится конь его усталый;
И онъ спрыгнуть уже готовъ...
Спрыгни же, всадникъ!... Что же онъ
Какъ будто крова испугался?
Онъ смотритъ... Краткій, грустный стонъ
Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
Какъ листъ отъ вѣтви молодой,
Измятый лѣтнею грозой.
«Что медлишь, путникъ у порога?
Слѣзай съ походнаго коня.
Случайный гость—подарокъ Бога.
Кумысъ и медъ есть у меня.
Ты, вижу, бѣденъ; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поѣдешь въ путь,
Въ молитвѣ насъ не позабудь!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Аллахъ спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И отъ отца тебѣ поклонъ
За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕИЛА.

Какъ! мой отецъ? Меня понынѣ
Въ разлукѣ долгой не забылъ?
Гдѣ онъ живетъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ—
То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ

ЛЕИЛА.

Скажи: онъ веселъ? онъ счастливъ?
Скорѣй отвѣтствуй мнѣ...

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
Хотя порой дождямъ и стужѣ
Открыта голова его...
Но ты?...

ЛЕИЛА.

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ *(Тихо)*.

Тѣмъ хуже!

ЛЕИЛА.

А? что ты молвилъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Ничего!

Сидитъ пришелецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ
Стоятъ. Онъ страненъ въ самомъ дѣлѣ!
Какъ на челѣ его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручины
Проведены онѣ по немъ?

Развеселить его желая,
Леила бубенъ свой беретъ;
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза, какъ звѣзды, блещутъ,
И груди полныя трепещутъ.
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ,
Душа невинная объята.
Она кружится передъ нимъ,
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката—
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,

Вертитъ его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводитъ—и, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе—все мечта!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Довольно! Перестань, Леила!
На мигъ веселость позабудь:
Скажи: ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣчай!

ЛЕИЛА.

Нѣтъ! Что мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕИЛА.

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ.
Отечества для сердца нѣтъ!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка, вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ—счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Любовь!... Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрнѣй любови,
И только хочетъ слезъ да крови...
Въ немъ утѣшенье для людей,

Когда умретъ другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастье,
Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при насъ всегда, безсмѣнно;
То мучитъ, то ласкаетъ насъ...
Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселенной!

ЛЕИЛА.

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ—такъ было суждено—
Погибъ отъ пули Бей-Булата,
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной—врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ;
И занесенъ былъ мой кинжалъ...
Но я подумалъ: «это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
Онъ что-нибудь да въ мірѣ любитъ:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ!»
Свершилось наконецъ. Пора!
Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!...
Пора! я слышу голосъ брата...
Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, какъ адомъ, вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
Валлахъ! исполню клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
«Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
Нѣтъ, не смотри такъ! отвернись!
По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
Слова твои... О, Боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Отвѣтствуй! Ничего не значатъ
Невинныхъ слезы предъ тобой?
О, сжалься!... Говори—какъ плачутъ
Въ твоей родимой сторонѣ!...
Погибнуть рано, рано мнѣ!...
Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
Ты зналъ ли, что такое радость?
Бывалъ ли ты во цвѣтѣ лѣтъ
Любимъ, какъ я? О, вѣрно, нѣтъ!»

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
Ни слезъ, жестокій, не видать...
Ахъ!... Боже!... Ай!... дай подождать!...
Хоть часъ одинъ... одно мгновенье!...»

Блеснула шашка. Разъ—и два...
И покатилась голова...
И окровавленной рукою
Съ земли онъ приподнялъ ее,
И острой шашки лезвее
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, объятый

Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы, какъ стрѣла.

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно!
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится—мутный, сѣрый,
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы,
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокій!
Закройся буркою широкой,
Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни.
Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ ни дикій звѣрь,
Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы—теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ...
То змѣй блистаетъ чешуей...
Твоею гривой въ полѣ брани
Стиралъ я кровь съ могучей длани;
Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты спасъ.
Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ

Обвѣшу русскимъ серебромъ;
И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
Давно ль, давно ль ты измѣнился,
Скажи, товарищъ дорогой?
Что рано пѣною покрылся?
Что тяжко дышишь подо мной?
Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
Верхи деревъ осеребритъ,
И намъ откроется поляна,
Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ:
Заблещутъ, издали мелькая,
Огни джематскихъ пастуховъ,
И различимъ мы, подъѣзжая,
Глухое ржанье табуновъ;
И кони вкругъ тебя столпятся...
Но стоитъ мнѣ лишь приподняться—
Они въ испугѣ захрапятъ
И всѣ шарахнутся назадъ:
Они почуютъ издалека,
Что мы съ тобою дѣти рока!...»

Долины ночь еще объемлетъ,
Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ;
Одинъ старикъ лишь въ немъ не спитъ;
Одинъ, какъ памятникъ могильный,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ.
Его глаза на путь далекой
Устремлены съ тоской глубокой.

«Кто этотъ всадникъ? Бережливо
Съѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
Его товарищъ долгогривый
Поникъ усталой головой.
Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
Онъ что-то держитъ осторожно,
И бережетъ, какъ свѣтъ очей.»
И думаетъ старикъ согбенный:

«Подарокъ, вѣрно, драгоцѣнный
Отъ милой дочери моей!»

Ужъ всадникъ близокъ; подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;
Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ—и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ—Боже правый!
Своей Леилы голову!...
И онъ въ безумномъ восхищеньи
Къ своимъ устамъ ее прижалъ,
Какъ будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье.
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Въ немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно,
И неподвижныя морщины
Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился;
Взглянулъ на шашку, на коня,
И быстро въ горы удалился.

Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ
Два трупа смрадные, въ пыли,
Блуждая, путники нашли,
И схоронили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,

И ярко начертала злоба
Проклятіе на ихъ челѣ.
Обнявшись крѣпко, на землѣ
Они лежали, костенѣя,
Два друга съ виду,—два злодѣя!
Быть можетъ, то одна мечта,
Но бѣднымъ странникамъ казалось,
Что ихъ лицо порой мѣнялось,
Что все грозили ихъ уста.
Одежда ихъ была богата,
Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ;
Въ одномъ узнали Бей-Булата,
Никто другого не узналъ.

[Три поэмы: «Петергофскій Праздникъ», «Уланша» и «Госпиталь» принадлежатъ ко времени пребыванія Лермонтова въ Школѣ Гвардейскихъ Юнкеровъ и были имъ помѣщены въ рукописномъ товарищескомъ журналѣ: «Школьная Заря». Товарищи складывали написанное въ особо назначенный для того ящикъ, и изъ набравшагося матеріала составлялся номеръ журнала. Здѣсь описывались по большей части разныя событія, имѣвшія болѣе или менѣе общій интересъ для молодого разгульнаго товарищества, скованнаго рамками строгой дисциплины, разные пикантные случаи или проказы школьной и лагерной жизни и т. п. Лермонтовъ писалъ, по большей части, подъ псевдонимомъ графъ Діарбекиръ. Эти талантливыя, но нескромныя произведенія распространили невыгодную для поэта славу Многія лица, задѣтыя безпощаднымъ стихомъ, во всю жизнь не прощали Лермонтову его насмѣшекъ. Въ то время, какъ Михаилъ Юрьевичъ расточалъ свой талантъ на потѣху общему вкусу товарищей, онъ таилъ отъ огромнаго большинства ихъ настоящіе перлы своего творчества. Предлагаемые отрывки поэмъ печатались въ изданіяхъ сочиненій поэта. «Петергофскій Праздникъ» и «Уланша», съ небольшими пропусками вышли въ заграничныхъ изданіяхъ (стихотв.

М.Ю. Лермонтова, не вошедшія въ послѣднее изданіе. Berlin, Behr's Buchhandlung). Отрывокъ изъ «Госпиталя» былъ помѣщенъ въ Русск. Стар. 1882 г. августъ, кѣмъ-то, скрывшимъ свою фамилію подъ буквами N. N. Героями поэмы являются, главнымъ образомъ, кн. А. Ив. Барятинскій, Н. И. Поливановъ и Шубинъ. Вполнѣ въ первый разъ напечатана поэма заграницей безъ означенія мѣста [вѣроятно въ Берлинѣ] въ небольшой книжкѣ «Русскій Эротъ». Въ предисловіи стоитъ 1879 годъ, что невѣрно,—книга напечатана въ концѣ 80-хъ годовъ. Во всѣхъ трехъ поэмахъ слишкомъ нескромныя выраженія я позволилъ себѣ замѣнить другими, печатая ихъ въ скобкахъ и курсивомъ. Замѣнять ихъ точками было не всегда удобно—нарушалась плавность стиха. Къ этому способу прибѣгали и прежніе издатели, причемъ не всегда отмѣчали свои поправки].

Петергофскій Праздникъ.

Кипитъ веселый Петергофъ;
Толпа на улицахъ пестрѣетъ;
Печальный лагерь юнкеровъ
Замѣтно тихнетъ и пустѣетъ.
Туманъ ложится по холмамъ,
Окрестность сумракомъ одѣта—
И вотъ къ далекимъ небесамъ,
Какъ длиннохвостая комета,
Летитъ сигнальная ракета.
Волшебно озарился садъ,
Затѣйливо, разнообразно.
Толпа валитъ впередъ, назадъ,
Толкается, зѣваетъ праздно.
Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармы, бѣлые султаны,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,
Колеты кирасиръ мучные,
Лядунки, ментики златые,
Купчихъ парчевые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
Съ гнилыми фруктами лотки,
Старухи, франты, казаки,

Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
Венгерки мелкихъ штукарей,
. . . .
Толпы пріѣзжихъ иноземцевъ,
Татаръ, черкесовъ и армянъ;
Французовъ тощихъ, толстыхъ нѣмцевъ,
И долговязыхъ англичанъ—
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ темныхъ и густыхъ,
И сверху ярко освѣщалось
Огнями, стклянокъ росписныхъ.

Гурьбу товарищей покинувъ,
У моста Бибиковъ стоялъ,
И, каску на глаза надвинувъ,
Какъ юнкеръ истинный, мечталъ...
. . . .
Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ.
Стоитъ онъ, пасмурный и пьяный,
Уставъ одинъ бродить вездѣ,
Съ досадой глядя на фонтаны,
Ворчитъ . . . .
. . . . . . «Два года въ школѣ,
Да отъ роду, смѣшно сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ и даже болѣ,
А не могу еще по волѣ
Сидѣть въ палаткѣ иль гулять!...
Нѣтъ, видишь, гонятъ, какъ скотину—
Ступай-ка въ садъ, да губъ не дуй»,
. . . .

Умолкъ, поникнувъ головою;
Народъ толпясь шумитъ вокругъ;
Вотъ кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,

За фалду дернулъ, тронулъ каску.
Кутила вздрогнулъ изумленъ:
Романа чуднаго завязку
Ужъ предугадываетъ онъ;
И, слыша вновь прикосновенье,
Онъ обернулся съ быстротой...

. . . .

Въ платкѣ и шляпкѣ голубой,
Маня улыбкой сладострастной,
Предъ нимъ хорошенькая—*(глядь)*
Вдругъ вырвалась, и ну бѣжать;
Онъ вслѣдъ за нею—трудъ напрасный!
То по дорожкамъ, по мостамъ,
Легка, какъ мотылекъ воздушный,
Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
То удаляясь равнодушно,
Грозитъ насмѣшливо перстомъ,
Иль дразнитъ дерзко языкомъ.
Вотъ углубилася въ аллею,
Все дальше, глубже. Онъ за нею,
Схватясь за кончикъ палаша,
Кричитъ: «постой, моя душа!»
Куда! Красавица не слышитъ,
Свернула въ чащу, все бѣжитъ,
Высоко грудь младая дышитъ,
И шляпка на спинѣ виситъ.
Вдругъ пошатнулась, оступилась,
Въ травѣ запуталась густой...

. . . .

Кругомъ все тихо.

Уланша.

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей, пьяною толпою;
Повѣсъ усталыхъ клонитъ сонъ.
Ужъ поздно. Темной синевою
Покрылось небо, день погасъ.
Повѣсы ропщутъ: . . . .
. . . . эдакъ насъ
Прогонитъ черезъ всю Европу!
Ужель Ижорки * не видать?...
Ты, братецъ, придавилъ мнѣ ногу;
Да вправо! «Вотъ поднялъ тревогу!»
Дай трубку!... тише!... *(не кричать!)*
Но вотъ Ижорка, слава Богу!
Пора раскланяться съ конемъ.

Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ развернутымъ значкомъ;
Онъ по квартирамъ важно, чинно
Повелъ начальниковъ съ собой,
Хоть, признаюся, запахъ винной
Изобличалъ его порой.
Но безъ вина что жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана,
И кто два раза въ день не пьянъ,
Тотъ, извините, не уланъ.

Скажу вамъ имя квартирьера:
То былъ Лафа,** буянъ лихой,
Съ чьей молодецкой головой
Ни доппель-кюммель, ни мадера,

* Большая и малая Ижора—деревни близъ Петергофа.

** Н. И. Поливановъ —другъ и товарищъ поэта еще по Московскому университету [ср. стих. Н. И. Поливанову т. I, стр. 177].

И даже шумное аи
Ни разу сладить не могли...
Его коричневая кожа
Была въ сіяющихъ угряхъ,
И словомъ все: походка, рожа—
На сердце наводили страхъ.
Надвинувъ шапку на затылокъ,
Идетъ онъ; все гремитъ на немъ,
Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
Толкаясь въ ящикѣ большомъ.

Шумя, какъ бѣсъ, онъ въ избу входитъ.
Шинель, скользя, валится съ плечъ,
Глазами вкругъ онъ косо водитъ
И мнитъ. что видитъ сотню свѣчъ,—
Въ избѣ жъ всего одна лучина:
Треща предъ нимъ, горитъ она,
Но что за дивная картина
Ея лучемъ озарена?
Сквозь дымъ волшебный, дымъ табачный,
Мелькаютъ лица юнкеровъ.
Ихъ рѣчи пьяны, взоры страшны,
Кто въ сбруѣ весь, кто безъ...
Пируютъ... Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ,
И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
Пылаетъ синимъ огонькомъ.
«Народъ», сказалъ Лафа *(вставая)*,
«Что тутъ сидѣть! За мной ступай!
«Я поведу васъ въ двери рая!»...
«Идемъ-же!..» разъярясь, какъ звѣри,
Повѣсы загремѣли вдругъ,
Вскочили, ринулись, и съ двери
Слетѣлъ какъ разъ желѣзный крюкъ...
. . . .
. . . .
Они въ пылу самозабвенья

Ни слезъ, ни слабаго моленья,
Ни тяжкихъ стоновъ не поймутъ;
. . . .
Простите счастливые дни...
Вотъ голоса, стукъ, гамъ—они...
Земля дрожитъ... идутъ... о Боже!
. . . .
. . . .
Когда межъ сѣрыхъ облаковъ
Явилось раннее свѣтило,
Струи залива озарило
И кровли бѣдныя домовъ
Живымъ лучемъ позолотило,
Раздался крикъ: «вставай скорѣй!
Ужъ сборъ пробили барабаны!»
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней.
Мирзу не шпоритъ Разинъ * смѣлый;
Князь Носъ, ** сопя, къ сѣдлу прилегъ,
Никто рукою онѣмѣлой
Его не ловитъ за *курокъ*...
Идутъ и видятъ... изъ амбара
Выходитъ женщина: . . . . .
. . . .
Съ тѣхъ поръ промчалось много дней,
Но справедливое преданье
Навѣки сохранило ей
Уланши громкое названье.

---

* Товарищи Лермонтова и Поливанова: Александровъ, прозванный Стенькой Разинымъ.

** Кн.Шаховской Іосифъ; куркомъ называли товарищи его римскій носъ.

Госпиталь.

(Разсказъ).

1.

Друзья, вы помните конечно
Нашъ Петергофскій госпиталь;
И многимъ, знаю я, сердечно
Съ нимъ разставаться было жаль.
Тамъ, антресоли занимая,
Старушка дряхлая, слѣпая
Жила съ усатымъ деньщикомъ...
Но дѣло вовсе не о томъ.
Ея служанка молодая
Нескромной бойкостію словъ,
Огнемъ очей своихъ лазурныхъ
Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ
Неумолимыхъ юнкеровъ.
И то сказать: на эти очи,
На эту ножку, станъ и грудь
Однажды стоило взглянуть,
Чтобъ въ продолженьи цѣлой ночи
Не закрывать горящихъ глазъ
. . . .

2.

Однажды, послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари...
. . . .
«Шесть штукъ шампанскаго?»—«пожалуй!»
— И разошлись... Проходитъ день....

Заря угасла... Вечеръ ясный...
У тѣсной лѣстницы, какъ тѣнь,
Нашъ князь вертится ежечасно.
И вотъ на первую ступень
Онъ ставитъ трепетную ногу:
Доска проклятая скрипитъ;
Боится онъ поднять тревогу.
Какъ быть?—Вернуться?—Страхъ и стыдъ
. . . .
Courage, mon cher! allons скорѣй!»
Кричитъ Choubin * изъ-за дверей....
. . . .
. . . .

Но въ ту же ночь ихъ факторъ смѣлый,
Клянясь доставить ящикъ цѣлый,
Пошелъ Какушкинъ ** со двора
Съ пригоршней полной серебра.
И поутру смѣялись, пили
Внизу, какъ прежде... а потомъ?
Потомъ?! что спрашивать?.., забыли,
Какъ забываютъ обо всемъ.

---

* Шубинъ товарищъ Лермонтова еще и по Московскому университету.
** Служитель исполнявшій разныя порученія юнкеровъ.

1835—1836.

Монго.

[Въ этой шуточной поэмѣ Лермонтовъ описываетъ себя подъ школьнымъ именемъ «Маешки», а друга своего Ал. Столыпина подъ именемъ «Монго». Офицерами л.-гв. гусарскаго полка они изъ Краснаго села верхами пробрались на петергофскую дорогу, на дачу, гдѣ жила балерина Пименова. См. біографію. Напеч. было въ «Библіогр. Зап.» 1859 г. № 12 и въ берлинскомъ изданіи 1862 года].

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ дорогой столбовой
Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ.
Одинъ—высокъ и худощавъ—
Кобылу сѣрую собравъ,
То горячитъ нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой...
Храпя, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ—
Степей башкирскихъ сынъ счастливый....
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Коней пріѣзженныхъ размахомъ
Они любуются порой,
И рѣчь ведутъ между собой:
—Монго, послушай—тутъ направо!
Осталось только три версты!...
—Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
Грозятъ и смотрятъ такъ лукаво.
—Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучитъ это приключенье!

Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
—Нѣтъ, въ семь—я самъ читалъ приказъ!

Но прежде надо вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго—повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель—
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ—
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами;
Ходилъ немытый цѣлый день;
Носилъ фуражку набекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но, если вы когда ѣзжали
Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ...
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, .вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ обиженной его.

Маёшка былъ такихъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;

Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его,
И не щадилъ онъ никого.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый—вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ—на пирахъ.
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ—онъ былъ таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ—
Изжогой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады,
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ—
Мелькаютъ въ рядъ, изъ-за ограды,
Разнообразные фасады
И кровли пестрыя домовъ
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ—и онъ отъ вѣка
Зовется *Краснымъ Кабачкомъ*,
И тамъ—для блага человѣка—
Построенъ сумасшедшихъ домъ.
Вблизи пріютъ себѣ смиренный
Актриса юная нашла.
Краса и честь балетной сцены

На *(попеченіи)* была.
N. N., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожилъ,
Безъ объясненій, безъ признаній
[*Ее по-своему любилъ*].
—Мой другъ!—ему я говорилъ:
Ты не въ свои садишься сани;
Актрисой вздумалъ управлять!
Ну, гдѣ тебѣ? . . . .

Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ.
Они стоятъ въ густой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ;
И вотъ тропинкой потаенной
Они къ калиткѣ отдаленной
Спѣшатъ, подобно двумъ ворамъ.
На землю сумракъ ниспадаетъ,
Сквозь вѣтви брезжетъ лунный свѣтъ,
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполетъ.
Впередъ отправился Маёшка,
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесъ,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ—
Судьба окончитъ остальное.

Облокотившись у окна,
Межъ тѣмъ актриса молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно, и, зѣвая,
Такъ, тихо, думала она:
Чудна судьба! о томъ ни слова:

На матушкѣ моей чепецъ
Фасона самаго дурного,
И мой отецъ—простой кузнецъ;
А я—на шелковомъ диванѣ
Ѣмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
На сценѣ—знаю ужъ заранѣ—
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
Теперь со мной плохія шутки—
Меня сударыней зовутъ,
И за меня три раза въ сутки
Каналью повара дерутъ.
Мой Pierre не слишкомъ интересенъ,
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любитъ смѣху онъ, ни пѣсенъ,
Зато богатъ и глупъ.....
Теперь не то, что было въ школѣ:
Ѣмъ за троихъ, порой и болѣ,
И за обѣдомъ пью люнель.
А въ школѣ, Боже! вотъ мученье!
Днемъ танцы, выправка, ученье,
А ночью—жесткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,
Бренчитъ ужъ въ залѣ фортепьяно,
Поютъ всѣ врозь, трещитъ въ ушахъ;
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь какъ аистъ на часахъ.
Флёри хлопочетъ, бьетъ тревогу...
Но вотъ одиннадцатый часъ—
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры
Стоятъ всѣ въ рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь.
Зато, вернулись лишь домой—
Директоръ поретъ на убой!

Ни взглядъ не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй;
А самъ—прости ему, Всевышній!—
Вѣдь ужъ какой. . . . .

Но тутъ въ окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маёшка.
«Что это значитъ, господа?
И кто васъ звалъ прійти сюда?
Ворваться къ дѣвушкѣ—безчестно!»
— Намъ, право, это очень лестно!...
«Я васъ прошу: подите прочь!»
— Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы...
«Вы неучи!»—Вы очень милы!—
«Чего хотите вы теперь?
Ей-Богу, я не понимаю!»
— Мы просимъ только чашку чаю!
«Панфишка, отвори имъ дверь!»

Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки,
Ну, словомъ, весь любезный вздоръ...
И нѣжный вздохъ прилично-томный
Порхнулъ изъ груди молодой...
. . . .

Маёшка, другъ великодушный,
Засѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.

Чужое счастіе намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье

. . . .

(Быть) адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонеромъ
Или кадровымъ офицеромъ.
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ.

Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ...
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ:
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка—
Неотразимый гнѣвъ боговъ!...
То былъ N. N. съ своею свитой:
Степаномъ, Ѳедоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ...
Идутъ, шумятъ, орутъ.—Содомъ!
Всѣ пьяны, прямо изъ трактира
И на устахъ *(о, стыдъ сказать)*...
Но нѣтъ, постой, умолкни лира!
Тебѣ ль, поклонницѣ мундира,
Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать?

Въ истерикѣ младая дѣва:
Какъ защититься ей отъ гнѣва,
Куда гостей своихъ дѣвать—
Подъ столъ, въ комодъ, иль подъ кровать!
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью,
(Полны картонки) подъ кроватью...
Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...

Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы;
Но въ мигъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ—и были таковы!...
. . . .
. . . .*

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбья и любви,
Повѣсы на коней вскочили,
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ,
Они *(порою)* спотыкались,
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда же въ комнатѣ дежурной
Они сошлися по утру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ много шутокъ, смѣху было,
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило...

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами;
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами....

---

* Точки въ рукописи.

1835—1836.

Сашка.

«Нравственная поэма».

[Первый разъ напечатана въ «Русск. Мысли», янв. 1882, съ моимъ предисловіемъ. Оригиналъ находится у Б. Поэма задумана не раньше 1833 и поэтъ тогда же набрасывалъ отрывки ея, но серьезно принялся за выполненіе въ концѣ 1835 г. См. примѣчанія въ концѣ книги].

I.

Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалокъ, — все пиши
Ему про казни, цѣпи, да изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто дни свои воспоминаньемъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
И видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазамъ;
Но нынче я не тотъ ужъ, какъ бывало, —
Пою смѣясь. — Герой мой добрый малый.

II.

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ хлопотъ,
Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился;
Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ,
Но я за то нимало не сердился
И поступалъ не лучше въ свой чередъ;
Печаленъ ли, бывало, тотчасъ скажетъ,
Когда же веселъ, счастливъ — глазъ не кажетъ.
Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ *ты;*
Хвалилъ во мнѣ, что прочіе хвалили,
И былъ мой вѣчный визави въ кадрили.

III.

Онъ былъ мой другъ. * Ужь нѣтъ такихъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Не тронуто никѣмъ, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ не понялъ ни единый.

IV.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга, — **
Какъ разгадать? Что можетъ въ часъ такой
Наполнить сердце, жившее такъ много
И такъ недолго съ смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять
И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
Твои мечты, дѣла и приключенья —
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V.

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!
Кто бъ ни былъ ты: внукъ Евы иль Адама,
Разумникъ ли, шалунъ ли молодой, —

---

* Вмѣсто прежнихъ трехъ строкъ было:
«Онъ прострѣлилъ мнѣ руку на дуэли
И ровно мѣсяцъ отъ моей постели
Не отходилъ.»

** Эти четыре строки и предшествующія десять перенесены въ 1839 году въ стихотвореніе памяти А. И. Одоевскаго.—Кн. Одоевскаго, декабриста, звали Сашей, какъ и поэта Полежаева, къ которому здѣсь относится Лермонтовъ, считавшій его погибшимъ.

Картина будетъ; это — только рама!
Отъ правилъ утвержденныхъ стариной
Не отступлю, — я уважаю строго
Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
Не правда-ль, кто не старъ въ 18-ть лѣтъ,
Тотъ вѣрно не видалъ людей и свѣтъ, —
О наслажденьяхъ знаетъ лишь какъ слухъ
И самъ лишь ѣстъ и пьетъ да давитъ мухъ? *

VI.

Герой нашъ былъ москвичъ, и потому
Я врагъ Невѣ и невскому туману.
Тамъ [я весь міръ въ свидѣтели возьму]
Веселье вредно русскому карману,
Занятья вредны русскому уму.
Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
Москва — не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Тамъ я впервые въ дни надеждъ и счастья
Былъ боленъ отъ любви и любострастья.

VII.

Москва, Москва!... люблю тебя какъ сынъ,
Какъ русскій, — сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣриться главою и — обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ — онъ упалъ!
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.

---

* Прежде было:
«О наслажденьяхъ знаетъ лишь по слухамъ
И преданъ былъ учителямъ и мукамъ.»

VIII.

Ты живъ!... Ты живъ и каждый камень твой —
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало, я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
Кружатся, вьются, чуждыя людей.
И я, такъ полный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безъизвѣстной,
Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX.

Я не философъ — Боже сохрани! —
И не мечтатель. За полетомъ пташки
Я не гонюсь, хотя въ былые дни
Не вовсе чуждъ былъ глупой сей замашки.
Ну, муза, — ну, скорѣе, — разверни
Запачканный листокъ свой подорожный!
Не завирайся, — тутъ зоилъ безбожный...
Куда теперь намъ ѣхать изъ Кремля?
Воротъ вѣдь много, велика земля!
Куда? — «На Прѣсню погоняй, извозчикъ!» —
«Старуха, прочь!... Сворачивай, разносчикъ!»

X.

Луна катится въ зимнихъ облакахъ,
Какъ щитъ варяжскій или сыръ голландскій.
Сравненье дерзко, но люблю я страхъ
Всѣ дерзости, по вольности дворянской.
Спокойствія рачитель на часахъ
У будки пробудился, восклицая
«Кто ѣдетъ?» — «Муза!» — «Что за чортъ! Какая?»
Отвѣта нѣтъ. Но вотъ уже пруды...
Бѣлѣетъ мостъ, по сторонамъ сады
Подъ инеемъ пушистымъ спятъ унылы;
Луна сребритъ желѣзныя перилы.

XI.

Гуляка праздный, пьяный молодецъ,
Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
Держась за нихъ, бредетъ — и вотъ конецъ
Периламъ. — «Все направо!» — Заскрипѣли
Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
По мрамору... Лачуги цѣпью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
«Держи къ воротамъ... Стой, — сугробъ глубокъ!...
Пойдемъ по снѣгу, муза, только тише,
И платье подними какъ можно выше».

XII.

Калитка—скрыпъ... Дворъ теменъ. По доскамъ
Итти неловко... Вотъ, насилу, сѣни
И лѣстница; но снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожащія ступени
Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
Взошли. Толкнули дверь — и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: «что угодно вамъ?»
Но, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...

XIII.

Но, несмотря на это, мы взойдемъ:
Вы знаете, для музы и поэта,
Какъ для хромого бѣса, каждый домъ
Имѣетъ входъ особый; ни секрета
Ни запрещенья нѣтъ для насъ ни въ чемъ...
У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
Сидѣли двѣ... дѣвицы — не дѣвицы...
Красавицы... названье тутъ какъ разъ!...
Чѣмъ выгоднѣй, узнать прошу я васъ
Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,
Красавицею быть или дѣвицей?

XIV.

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывали карты и гадали
О будущемъ; и умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды: — то, что мы и всѣ видали.
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный
Вдругъ обливалъ и потолокъ, и стѣны.
Въ углу переднемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ,
И верба, наклоненная надъ ними,
Блистала вдругъ листами золотыми.

XV.

Одна изъ нихъ [красавицъ] не вполнѣ
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
И то заснувъ — о небесахъ мечтая!
Слегка головку приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
Она сидѣла нѣсколько небрежно.
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое «нѣтъ» иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

XVI.

Она была затѣйливо мила,
Какъ польская затѣйливая панна;
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
Она бъ на судъ неправедный пошла
Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взоромъ;
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ.
Вы въ томъ должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ,
А мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
И лжи тутъ нѣтъ, какъ въ томъ, что мы — варяги.

XVII.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
Ея отецъ служилъ у насъ шпіономъ
И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ, вдоль по бастіонамъ,
Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ.
И многіе, вздохнувъ, сказали: «жалкій,
Несчастный жидъ,—онъ умеръ не подъ палкой!»
Его жена пять мѣсяцевъ спустя
Произвела на Божій свѣтъ дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по волѣ одного корнета.

XVIII.

Подъ рубищемъ простымъ она росла,
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая,
Прохожимъ не замѣчена,—ни зла
Ни гордой добродѣтели не зная.
Но часъ настала,—пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказалъ два слова:
Она въ объятья божества земного
Упала; но, увы, прошло дней шесть,
Ужъ полубогъ успѣлъ ей надоѣсть;
И съ этихъ поръ, чтобъ избѣжать ѳшибки,
Она дарила всѣмъ свои улыбки...

XIX.

Мечты любви умчались, какъ туманъ.
Свобода стала ей всего дороже.
Обманомъ сердце платитъ за обманъ
[Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже].
Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ
Изображался рѣзко. Не наемный
Огонь горѣлъ въ очахъ, безъ цѣли томно;
Покрыты свѣтлой влагой иногда,
Они блуждали: такъ порой звѣзда

По небесамъ блуждаетъ, — и, конечно,
Былъ это знакъ тоски нѣмой, сердечной.

XX.

Безвѣстная печаль смѣнялась вдругъ
Какою-то веселостью недужной...
[Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ!]
Волной вставала грудь, и пламень южный
Въ ланитахъ рдѣлъ, и бѣлый полукругъ
Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локонъ и на ликъ младой
Лоснясь катился черною струей;
И ножка, разрѣзвясь, не зная плѣна,
Безстыдно обнажалась до колѣна.

XXI.

Когда шалунья навзничь на кровать,
Шумя, смѣясь, роскошно упадала,
Поспорю: мудрено ее понять, —
Она сама себя не понимала, —
Ей было трудно сердцу приказать,
Какъ баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь съ невѣдомою сплой
Явиться и привѣтливой душой
Его согрѣть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаемъ,
Все это мы современемъ узнаемъ.

XXII.

Теперь къ ея подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались во едину
И мысли ихъ встрѣчалися во всемъ.
О, если бъ знали, сколько въ этомъ званьѣ
Сердецъ отличныхъ, добрыхъ! Но вниманье
Увлечено блистаньемъ модныхъ дамъ.
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...

Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть ихъ... въ кредитъ изъ модной лавки!

XXIII.

Она была свѣжа, бѣла, кругла,
Какъ снѣжный шарикъ; щеки, грудь и шея,
Когда она смѣялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснѣя,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидѣла юпка; но плутовка
Поднять умѣла грудь, открыть плечо,
Ласкать умѣла буйно, горячо,
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

XXIV.

Она звалась Варюшею... * Но я
Желалъ бы дать другое ей названье:
Скажу, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя;
И ползаетъ, какъ та среди развалинъ,
По жиламъ сердца. Я тогда печаленъ,
Сердитъ, — молчу, или браню весь домъ,
И радъ прибить за слово чубукомъ.
Итакъ, для избѣжанья зла, мы нашу
В[арюшу] здѣсь перекрестимъ въ Парашу.

XXV.

Увы, минувшихъ лѣтъ безумный сонъ
Со смѣхомъ повторить не смѣетъ лира!
Живой водой печали окропленъ,
Какъ трупъ давно застывшаго вампира,
Грозя перстомъ, поднялся молча онъ,
И мысль къ нему прикована... Ужели

---

* Въ одной рукописи имени не выставлено, а лишь прописная буква В и затѣмъ точки.

Въ моей груди изгладить не успѣли
Столь много лѣтъ и столько мукъ иныхъ —
Волшебный станъ и пару глазъ большихъ?
Хоть, признаюсь вамъ, разбирая строго,
Получше ихъ видалъ я послѣ много.

XXVI.

Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
Съ тѣхъ поръ отяготѣло надо мною;
Но перваго восторга чудный звукъ
Въ груди не умираетъ, — и порою,
Сквозь облако заботъ, когда недугъ
Мой слабый умъ томитъ неугомонно,
Ея глаза мнѣ свѣтятъ благосклонно.
Такъ въ часъ ночной, когда гроза шумитъ
И бродятъ облака, — звѣзда горитъ
Въ дали эфирной, не боясь ихъ злости,
И шлетъ свои лучи на землю въ гости.

XXVII.

Предъ нагорѣвшей сальною свѣчой
Красавицы раздумавшись сидѣли,
И заставлялъ ихъ вздрагивать порой
Унылый свистъ играющей метели.
И какъ и вамъ, читатель милый мой,
Имъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знака
Условнаго, залаяла собака
И у калитки брякнуло кольцо.
Вотъ чей-то голосъ... Идутъ на крыльцо...
Параша потянулась и зѣвнула
Такъ, что едва не бухнулась со стула *.

XXVIII.

А Тирза быстро выбѣжала вонъ.
Открылась дверь. Въ плащѣ, закиданъ снѣгомъ,
Явился гость... Насмѣшливый поклонъ
Отвѣсилъ и, какъ будто долгимъ бѣгомъ

* Вар. «Такъ что едва не уронила стула».

Или волненьемъ былъ онъ утомленъ,
Упалъ на стулъ... Заботливой рукою
Сняла Параша плащъ, потомъ другою
Стряхнула иней съ шелковыхъ кудрей
Пришельца. Видно, нравился онъ ей...
Все нравится, что молодо, красиво,
И въ чемъ мы видимъ прибыль особливо.

XXIX.

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
Изящно былъ причесанъ и такъ далѣ.
На пальцахъ перстни изливали свѣтъ
И галстукъ надушонъ былъ, какъ на балѣ.
Ему едва ли было двадцать лѣтъ,
Но блѣдностью казалися покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты
[Не знаю, мукъ иль бурь послѣднихъ слѣдъ,
Но мнѣ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ] —
И на устахъ его, опаснѣй жала
Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала.

XXX.

Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошемъ, т.-есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился, что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ безплодно на паркетѣ;
Въ глазахъ его открытыхъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюденій дальнихъ
Презрѣнье, гордость хоть онъ не былъ гордъ,
Какъ глупый турокъ, иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ.

XXXI.

Борьба рождаетъ гордость. Воевать
Съ людскими предразсудками труднѣе,
Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
Иль со штыкомъ на вражьей батареѣ
За бѣлый крестикъ жизнью рисковать...

Клянусь, имѣть великій надо геній,
Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣжденій,
Какъ сбросилъ бы я платье, если бъ вдругъ
Изъ сѣвера Всевышній сдѣлалъ югъ.
Но нынѣ насъ противное пугаетъ:
Неаполь мерзнетъ, а Нева не таетъ.

XXXII.

Да кто же этотъ гость?... Pardon, сейчасъ!...
Разсѣянность... Messieurs, рекомендую:
Герой мой, другъ мой — Сашка!... Жаль для насъ,
Что случай свелъ въ минуту васъ такую
И въ этомъ мѣстѣ... Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье.
Я говорилъ, — онъ слушалъ, онъ былъ весь
Вниманье... Глядь, а вечеромъ ужъ здѣсь!...
И я нашелъ, что мнѣ его исправить
Труднѣе въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить.

XXXIII.

Герой мой Сашка тихо развязалъ
Свой галстукъ... «Сашка» — старое названье!
Но «Сашка» тотъ печати не видалъ
И недозрѣвшій онъ угасъ въ изгнаньѣ. *
Мой Сашка межъ друзей своихъ не зналъ
Другого имя, — дурно ль, хорошо ли,
Разувѣрять друзей не въ нашей волѣ.
Онъ галстукъ снялъ, разсѣянно перстомъ
Провелъ по лбу, поморщился, потомъ
Спросилъ: «Гдѣ Тирза?» — «Дома». — «Что жъ не видно
Ея?» — «Уснула». — «Какъ ей спать не стыдно!»

XXXIV.

И онъ поспѣшно входитъ въ тотъ покой,
Гдѣ часто съ Тирзой пламенныя ночи

* Рѣчь идетъ о поэмѣ Полежаева «Сашка», да и о немъ самомъ, котораго тоже звали Александромъ и Сашкой

Онъ проводилъ... Все полно тишиной
И сумракомъ волшебнымъ; прямо въ очи
Недвижно смотритъ мѣсяцъ золотой
И на столѣ въ узоры ледяные
Кидаетъ искры, блески огневые,
И голубымъ сіяніемъ стѣна
Игриво и свѣтло озарена.
И онъ—(не мѣсяцъ), но мой Сашка—слышитъ,
Въ углу на ложѣ кто-то слабо дышитъ.

XXXV.

Онъ руку протянулъ,—его рука
Попала въ стѣну; протянулъ другую,—
Ощупалъ тихо кончикъ башмачка,
Схватилъ потомъ и ножку, но какую?!...
Такъ миньятюрна, такъ нѣжна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумалъ онъ, не сдѣлалъ ли ей больно.
. . . .
. . . . *

XXXVI.

Блаженная минута!... Закипѣлъ
Мой Александръ, склонившись къ дѣвѣ спящей
Онъ поцѣлуй на грудь напечатлѣлъ
И станъ ея обвилъ рукой дрожащей.
Въ самозабвеньи пылкомъ онъ не смѣлъ
Дохнуть... Онъ думалъ: «Тирза дорогая!
И жизнію и чувствами играя,
Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей,—
Какъ ты, одинъ съ свободою моей
Не знаю въ людяхъ ни врага ни друга,—
Живу, чтобъ жить какъ ты, моя подруга!

XXXVII.

«Судьба вчера свела случайно насъ,
Случайно завтра разведетъ навѣчно,—

* Здѣсь и ниже точками замѣщены строки неудобныя къ печати.

Не все ль равно, что годъ, что день, что часъ,
Лишь только бъ я провелъ его безпечно?...»
И не сводилъ онъ яркихъ черныхъ глазъ
Съ своей жидовки и не зналъ, казалось,
Что рѣзвое созданье притворялось.
Межъ тѣмъ почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Какъ надлежало... Страхъ и удивленье
Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье.

XXXVIII.

И, прежде потеревъ глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?»—«Я, твой Саша!»—
«Неужто?... Видишь, баловникъ какой!
Ступай, давно тамъ ждетъ тебя Параша!
Нѣтъ, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это былъ скорѣе поцѣлуй.
Да, мерзкій критикъ, что ты не толкуй,
А есть уста, которыя украдкой
Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!...

XXXIX.

Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
То вѣрно бъ свой престолъ украсилъ сю,-
У ногъ ея и царство, и законъ,
И славу позабылъ бы... Но не смѣю
Васъ увѣрять затѣмъ, что не рожденъ
Владыкой и не знаю въ низкой долѣ,
Какъ люди цѣнятъ вещи на престолѣ;
Но знаю только то, что Сашка мой
За цѣлый міръ не отдалъ бы порой
Ея улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

XL.

«Откуда ты?»—«Не спрашивай, мой другъ!
Я былъ на балѣ!»—«Балъ! Что то такое?»—

«Невѣжда милый!—говоръ, шумъ и стукъ,
Толпа глупцовъ, веселье городское,—
Наружный блескъ, обманчивый недугъ.
Кружатся дѣвы, чванятся нарядомъ,
Притворствуютъ и голосомъ, и взглядомъ.
Кто ловитъ душу, кто пять тысячъ душъ...
Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
И какъ ни уважаю добродѣтель,
А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣтель».

XLI.

Какимъ-то новымъ чувствомъ смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смѣшна
Жизнь городскихъ красавицъ, но... сначала.
Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
Могла бъ кружиться ловко предъ толпою,
Терзать мущинъ надменной красотою,
Въ высокія смотрѣться зеркала
И уязвлять, но не желая зла;
Соперницъ гордо презирать и въ свѣтѣ
Блистать, да ѣздить четверней въ каретѣ.

XLII.

Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
Такъ жмется къ вѣткѣ, бурю ожидая.
Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ,
Уста полураскрытыя, пылая,
Шептали что-то. Съ головы до ногъ
Она горѣла. . . . .
. . . .
Но... есть во мнѣ къ стыдливости вниманье—
И цѣлый часъ я пропущу въ молчаньѣ.

XLIII.

Все было тихо въ домѣ. Облака
Нескромный мѣсяцъ дымкою одѣли,
И только раздавались иногда
Сверчка ночного жалобныя трели;

Да мышь въ тѣни родного уголка
Скреблась въ обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о томъ,
Что небеса грозили близкимъ днемъ,
Что ночь... Вы на вѣку своемъ едва ли
Такихъ ночей десятокъ насчитали...

XLIV.

Но Тирза вдругъ молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь всѣ шутки!
Какая мысль мнѣ странная пришла:
Что если бъ ты, откинувъ предразсудки,—
(Она его тутъ крѣпко обняла),—
Что если бъ ты, мой милый, мой безцѣнный,
Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,
То завтра или даже въ день иной
Меня въ театръ повезъ бы ты съ собой.
Извѣстно мнѣ, все для тебя возможно,
А отказать въ бездѣлицѣ безбожно».

XLV.

—«Пожалуй»!—отвѣчалъ ей Саша. Онъ
Изъ словъ ея разслушалъ половину,—
Его клонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ,
Какъ птица клонитъ слабую тростину.
Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рожденъ
Съ безсонницей. Въ теченьи долгой ночи
Бывало безпокойно бродятъ очи,
И жжетъ подушка влажное чело.
Душа грустить о томъ, что ужъ прошло,
Блуждая въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лаззарони, а по-русски—нищій...*

XLVI.

И жадный червь ее грызетъ,—грызетъ,
Я думаю, тотъ самый, что когда-то

* Въ другой рукописи: «какъ лаззарони или русскій нищій».

Терзалъ Саула; но порой и тотъ
Имѣлъ отраду: арфы звукъ крылатый,
Какъ ангела таинственный полетъ,
Въ немъ воскрешалъ и слезы, и надежды;
И опускались пламенныя вѣжды,
Съ гармоніей сливалася мечта,
И злобный духъ бѣжалъ, какъ отъ креста.
Но этихъ звуковъ нѣтъ ужь въ поднебесной,—
Они исчезли съ арфою чудесной...

XLVII.

И все исчезнетъ. Вѣрить я готовъ,
Что нашъ безлучный міръ—лишь прахъ могильный
Другого,—горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
Случайно уцѣлѣвшая и сильно
Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
Свѣтила ей двоюродные братья,
Хоть носятъ шлейфы огненнаго платья,
Да иногда имѣютъ въ добрый часъ
Вліянье благотворное на насъ...
А дай сойтись, такъ заварится каша,—
И въ кулаки... прощай планета наша.

XLIII.

И пусть они блестятъ до той поры,
Какъ ангеловъ вечернія лампады.
Придетъ конецъ воздушной ихъ игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Люблю я съ колокольни иль съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взорами средь цѣпи ихъ огнистой,—
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь давно измѣренный душой,—
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта.

XLIX.

Итакъ, герой нашъ спитъ. Пріятный сонъ!
Покойной ночи! Вы жъ, читатель милый,

Пожалуйте, — иначе принужденъ
Я буду васъ удерживать (здѣсь) силой...
Романъ, впередъ!... Не хочетъ?—Ну, такъ онъ
Пойдетъ назадъ. Герой нашъ спитъ. Покуда,
Хочу я разсказать, кто онъ, откуда,
Кто мать его была, и кто отецъ,
Какъ онъ на свѣтъ родился, наконецъ,
Какъ онъ попалъ въ позорную обитель,
Кто былъ его лакей, и кто учитель.

L.

Его отецъ—симбирскій дворянинъ,
Иванъ Ильичъ N. N—овъ, мужъ дородный,
Богатаго отца любимый сынъ.
Былъ самъ богатъ. Имѣлъ онъ умъ природный
И, что ума полезнѣй, важный чинъ.
Съ четырнадцати лѣтъ служилъ, и съ миромъ
Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ;
А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
Былъ человѣкъ, и слѣдственно уменъ.
Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ
Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI.

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ,
Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья.
Спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ;
Ни на кого не обращалъ вниманья
И не носилъ приличія веригъ.
Однако же предъ знатью горделивой
Умѣлъ онъ гнуться скромно и учтиво.
Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ
Неумолимо требовалъ поклонъ;
А кланяться закону иль вельможѣ—
Считалося тогда одно и то же.

LII.

Онъ старшихъ уважалъ, зато и самъ
Почтительность вознаграждалъ улыбкой

И, ревностный хотя угодникъ дамъ,
Женился, по словамъ его, ошибкой.
Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что былъ онъ грустенъ на другой день свадьбы,
И что печаль его была одна
Изъ тѣхъ, какими жизнь мужей полна.
По мнѣ, они большіе эгоисты,—
Все женъ винятъ, какъ будто сами чисты.

LIII.

Благодари меня, о женскій полъ!
Я—Демосѳенъ твой: за твою свободу
Я радъ шумѣть; я непомѣрно золъ
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть имъ далъ?... Возстаньте,—часъ пришелъ!
Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда всѣ дѣвы! Прочь терпѣнье!
Конецъ всему есть! Беззаботно явно
Идите вслѣдъ за Марьей Николавной!
Понять меня, я знаю, вамъ легко,
Вѣдь въ вашихъ жилахъ—кровь, не молоко,
Ну, и краснѣть умѣете ужъ кстати
Отъ взоровъ и намековъ нашей братьи...

LIV.

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
По старому обычаю. Безъ лести
Сказать, онъ велъ себя, какъ я люблю,
По правиламъ тогдашней старой чести.
Проказница жъ жена, не утаю,
Читать любила нѣжные романы,
Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны,
Въ бесѣдкѣ темной сидя до утра.
А мѣсяцъ и романы до добра
Не доведутъ,—отъ нихъ мечты родятся...
А искушенью только бъ подобраться!

LV.

Она была прелакомый кусокъ
И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлью.
Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
А не на камень. Чувствамъ и веселью
Казенныхъ не назначено дорогъ.
Но въ брачной жизни * Марья Николавна
Была, какъ надо, ласкова, исправна.
Но, говорятъ,—хоть, можетъ-быть, и лгутъ,—
Что долгъ супруги—только лишній трудъ.
Мужья у женъ подобныхъ (не въ обиду
Будь сказано), какъ вывѣска, для виду.

LVI.

Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
На самой на горѣ, противъ собора.
При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ,
И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора,
Какъ инвалидъ съ георгіевскимъ крестомъ.
Но нѣкогда съ кудрявыми главами
Вдоль стѣнъ колонны высились рядами;
Прозрачною рѣшеткой окруженъ,
Какъ клѣтка, между нихъ висѣлъ балконъ,
И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
Виднѣлися гардинъ прозрачныхъ складки.

LVII.

Внутри все было пышно; на столахъ
Пестрѣли разноцвѣтныя клеёнки,
И люстры отражались въ зеркалахъ,
Какъ звѣзды въ лужѣ; моськи и болонки
Встрѣчали шумно каждаго въ дверяхъ,
Одна другой несноснѣе, и далѣ
Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
Кричалъ безстыдно: «Кто пришелъ?... Дуракъ!»
А гость съ улыбкой думалъ: «какъ не такъ!»

* Въ одной изъ рукописей: «на брачномъ ложѣ».

И, ласково хозяйкой принимаемъ,
Чрезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

LVIII.

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
Налѣво, то-есть къ западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потомъ
Межъ ними церковь съ круглыми главами,
И кое-гдѣ въ тѣни отрада днемъ,
Уютный садъ, обсаженый рябиной,
Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной,
Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
Угодно, или, какъ межъ знатныхъ дамъ
Румяная крестьянка—дочь природы,
Испуганная блескомъ гордой моды.

LIX.

Подъ глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, какъ табунъ, тѣснились
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
Натянутый *. Краснѣющій закатъ
Изъ-за горы кидалъ свой лучъ прощальный
На гребни сизыхъ волнъ и берегъ дальній.

LX.

И странный говоръ грубыхъ голосовъ
Между судовъ перебѣгалъ порою;
Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ плавцовъ—
Все въ гулъ одинъ сливалось надъ водою.
И Марья Николавна, хоть суровъ

* Варіантъ: «. . . . . И, сѣрой мглой объятъ,
Виднѣлся дальній берегъ, и бѣлѣли
Вкругъ острова края песчаной мели».

Казался вѣтеръ, день былъ на закатѣ,
Накинувъ шаль или капотъ на ватѣ,
Съ французской книжкой часто, сѣвъ къ окну,
Слѣдила взоромъ сизую волну,
Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы.

LXI.

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой,
И все не тѣсны были ей корсеты.
Ея ль сложенье было въ томъ виной,
Или его не молодыя лѣты?...
Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
Иванъ Ильичъ имѣть желалъ бы сына
Законнаго: хоть правомъ дворянина
Онъ пользовался часто, но дѣтей,
Внѣ брака прижитыхъ, злодѣй
Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
Страшась съ своей деревней породниться.

LXII.

Какая радость въ мысли: я отецъ!
И въ той же мысли сколько муки тайной—
Оставить въ мірѣ слѣдъ и, наконецъ,
Исчезнуть! Быть злодѣемъ, и случайно,—
Злодѣемъ потому, что жизнь—вѣнецъ
Терновый, тяжкій,—такъ по крайней мѣрѣ
Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
Но, исключая два-три дня да дѣтство,
Она, безспорно, скверное наслѣдство.

LXIII.

Бывало, этой думой удрученъ,
Я прежде много плакалъ и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,

Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ,
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и бурь тѣхъ,
Одинъ лишь отзывъ—звучный, горькій смѣхъ...
Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежатъ кремни—и блещутъ, но не живы!

LXIV.

Прилично было бъ мнѣ молчать о томъ,
Но я привыкъ итти противъ приличій
И, говоря всеобщимъ языкомъ,
Не жду похвалъ.—Поэтъ природы птичьей,
Любовникъ розъ надъ розовымъ кустомъ
Урчитъ и свищетъ межъ листовъ душистыхъ.
О чемъ? Какая цѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ?—
Прошу хоть разъ спросить у соловья.
Онъ вамъ отвѣтитъ пѣснью... Такъ и я
Пишу, что мыслю, что придется,
И потому мой стихъ такъ плавно льется.

LXV.

Два года миновало. Третій годъ
Обрадовалъ супруговъ безнадежныхъ:
Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
Предметъ заботъ мучительныхъ и нѣжныхъ,
У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
Былъ восхищенъ, и три дня были пьяны
Всѣ на подборъ, отъ кучера до няни.
А между тѣмъ печально у воротъ
Всю ночь собаки выли напролетъ,
И, что страшнѣе этого, ребёнокъ
Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣжонокъ.

LXVI.

Старухи говорили: это знакъ,
Который много счастья обѣщаетъ.
И про меня сказали точно такъ,
А правда ль это вышло?—Небо знаетъ!
Къ тому же полуночный вой собакъ

И страшный шумъ на чердакѣ высокомъ—
Примѣты злыя; но, не бывъ пророкомъ,
Я только покачаю головой.
Гамлетъ сказалъ: «Есть тайны подъ луной
И для премудрыхъ»,—какъ же мнѣ поэту
Не вѣрить можно тайнамъ и Гамлету?...

LXVII.

Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ:
Живые глазки, бѣлыя ручонки
И русый волосъ, вьющійся кольцомъ—
Плѣняли всѣхъ знакомыхъ; ужъ пеленки
Рубашечкой смѣнилися на немъ;
И, первыя проказы начиная,
Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая...
Года неслись, а Саша росъ и въ пять
Добро и зло онъ началъ понимать;
Но, вѣрно, по врожденному влеченью,
Имѣлъ большую склонность къ разрушенью.

LXVIII.

Онъ росъ... Отецъ его бранилъ и сѣкъ—
Затѣмъ, что самъ былъ въ дѣтствѣ часто сѣченъ,
А, слава Богу, вышелъ человѣкъ:
Ни стыдъ семьи, ни тупъ, ни изувѣченъ.
Понятья были низки въ старый вѣкъ...
Но Саша съ гордой былъ рожденъ душою
И желчнаго сложенья,—предъ судьбою,
Передъ бичомъ язвительной молвы
Онъ не склонялъ и послѣ головы.
Умѣлъ онъ помнить, кто его обидѣлъ,
И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX.

Великій грѣхъ!... Но чѣмъ теплѣе кровь,
Тѣмъ раньше зрѣютъ въ сердцѣ безпокойномъ
Всѣ чувства—злоба, гордость и любовь,
Какъ дерева подъ небомъ юга знойнымъ.
Шалунъ мой хмурилъ маленькую бровь,

Встрѣчаясь съ нѣжнымъ папенькой; отъ взгляда
Онъ вздрагивалъ, какъ будто бъ капля яда
Лилась по жиламъ. Это, можетъ-быть,
Смѣшно,—что жъ дѣлать!—онъ не могъ любить,
Какъ любятъ всѣ гостиныя собачки
За лакомства—побои и подачки.

LXX.

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
Его родную съ пѣньемъ уложили.
Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
Читалъ большую книгу, что кадили
И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньи,
И что, когда послѣднее лобзанье
Ему велѣли матери отдать,
То сталъ онъ громко плакать и кричать,
И что отецъ, немного съ нимъ поспоря,
Велѣлъ его посѣчь... конечно, съ горя.

LXXI.

Онъ не имѣлъ ни брата ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный,
И въ немъ терялся мыслію послушной.
Таковъ средь океана островокъ:
Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;
Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты жъ на немъ незнаемы увянутъ...

LXXII.

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безпечность.
Они летали надъ его главой,

Какъ царская корона; но безъ власти
Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
Впервыя пробудясь, живымъ огнемъ
Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
Достойной жертвы,—и въ пустынѣ свѣта
На дружный зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

LXXIII.

О, если бъ могъ онъ, какъ безплотный духъ
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами,
И обнимать ихъ перси, какъ супругъ,—
Въ глуши степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
О, если бъ могъ онъ, въ молнію одѣтъ,
Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!...
Но, къ счастію для васъ, читатель милый,
Онъ не былъ одаренъ подобной силой.

LXXIV.

Я не берусь вполнѣ, какъ психологъ,
Характеръ Саши выставить наружу
И вскрыть его, какъ съ трюфлями пирогъ.
Скорѣй судей молчаньемъ я принужу
Къ рѣшенію... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ,
Зачѣмъ тотъ плачетъ, а другой хохочетъ!...
Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
Былъ Саша,—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
Хотя, божусь, пріятель мой, повѣса,
Взбѣсилъ бы иногда любого бѣса.

LXXV.

Его учитель чистый былъ французъ,
Marquis de Tess. Педантъ полузабавный,
Имѣлъ онъ длиный носъ и тонкій вкусъ
И потому бралъ деньги преисправно.
Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ.

Онъ сочинялъ сонеты, хоть порою
По часу бился съ риѳмою одною;
Но каламбуровъ полный лексиконъ,
Какъ талисманъ, носилъ въ карманѣ онъ
И, бывъ увѣренъ въ дамской благодати,
Не размышлялъ, что̀ кстати, что̀ некстати.

LXXVI *.

Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ, парижскій Адонисъ,
Оставивъ прахъ родителя судьбинѣ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
И натощакъ отправился въ походъ,
И, наконецъ, едва живой отъ муки,
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

LXXVII.

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный милліонъ
Кричалъ, смѣясь: «да здравствуетъ законъ!»
И, въ недостаткѣ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

LXXVIII.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ;
Прелестная на звучныя ступени

---

* Пять слѣдующихъ строфъ изъ тетради поэта почти въ томъ же видѣ помѣщены подъ оглавленіемъ «Отрывокъ» въ пер. разъ въ изд. соч. Лерм. 1880 г. т. II, стр. 420.

Всходила женщина *... Слѣды заботъ,
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызеній
Виднѣлись на лицѣ ея. Народъ
Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя
Посыпались на плечи молодыя;
Вотъ голова, носившая вѣнецъ,
Склонилася на плаху... О, Творецъ!
Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи!...
И голова отторгнута отъ шеи...

LXXIX.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
И загремѣла жадная сѣкира...
И ты, поэтъ, высокаго чела
Не уберегъ! ** Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считалъ своей душою—
Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
Напрасно!... Ты прошелъ кровавый путь,
Не отомстивъ, и творческую грудь
Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодный
Не посѣтилъ—и ты погибъ безплодно...

LXXX.

И Франція упала за тобой
Къ ногамъ убійцъ, бездушныхъ и ничтожныхъ.
Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
Никто не вышелъ съ твердою душой, ***—
Межъ тѣмъ какъ втайнѣ взоръ Наполеона
Ужъ зрѣлъ ступени будущаго трона...
Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
Но истина—не въ модѣ, а писать

---

* Марія Антуанета.

** Андрей Шенье.

***. Далѣе были двѣ строчки:
«Трехцвѣтныя знамена величаво
Изъ стана въ станъ неслись на пиръ кровавый».

О томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
Смѣшно, тѣмъ болѣ о такихъ предметахъ.

LXXXI.

Къ тому же я совсѣмъ не моралистъ,—
Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
Я палачу не дамъ похвальный листъ
И клеветой героя не унижу,—
Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
Не созданы для мертвыхъ. Царь иль воинъ
Хоть похвалы порою и достоинъ,
Но отъ кадильницъ дыма и свѣчей
Не каждому здоровилось, ей-ей!
И, длиннымъ одамъ внемля, поневолѣ
Зѣвалъ кто въ комнатѣ, кто на престолѣ.

LXXXII.

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнесть мой трупъ въ пустыню и высокій
Курганъ надъ нимъ насыпать и любви
Символъ ненарушимый — одинокій
Поставить крестъ: быть-можетъ издали,
Когда туманъ протянется въ долинѣ,
И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
Гостепріимный нищій пѣшеходъ
Его замѣтитъ, медленно придетъ
И, отряхнувши посохъ безнадежнѣй,
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней —

LXXXIII.

И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
Людей и небо, время и природу,—
И проклянетъ грозы безсильный вой
И пылкихъ мыслей тщетную свободу...
Но нѣтъ, къ чему мнѣ слушать плачъ людской?
На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница?
Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица,
И звѣрь, и огонь, и вѣтеръ, и земля —
Раздѣлятъ прахъ мой, и душа моя

Съ душой вселенной, какъ эфиръ съ эфиромъ,
Сольется и развѣется надъ міромъ!...

LXXXIV.

Пускай отъ сердца полнаго тоской
И желчью тайныхъ, тщетныхъ сожалѣній,
Подобно чашѣ ядомъ налитой,
Слѣдовъ не остается... Безъ волненій,
Я, выпивъ ядъ по каплѣ, ни одной
Не уронилъ; но люди не видали
Въ моемъ лицѣ ни страха ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ.
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ, а по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести...

LXXXV.

Но совершимъ скорѣе переходъ,—
Вновь обратимся къ нашему герою. *
До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
Житейскихъ, и невинною душою
Искалъ страстей, какъ пищи. Длинный годъ
Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исторій,
Грамматикъ, географій и теорій
Всѣхъ философій міра. Пять системъ
Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire» — такъ мнѣ угодно!

LXXXVI.

Но Саша не внималъ его словамъ,—
Разсѣянно въ тетрадкѣ надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой-то женскій профиль, и очами,
Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ и нѣжно

* Варіантъ: «Но кончимъ этотъ скучный эпизодъ
И обратимся къ нашему герою».

Вздыхалъ онъ и хранилъ его прилежно
Между листовъ, какъ тайный милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ.
Такъ прячутъ иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

LXXXVII.

Но кто жъ она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
И взволновать надежды огневыя?
Къ чему?... Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить,
Идя во слѣдъ извѣстнаго Фоблаза. *
Его любовь, какъ снѣгъ вершинъ Кавказа,
Чиста,—тепла, какъ небо южныхъ странъ...
Ему ль платить обманомъ за обманъ?...
Но кто жъ она?—Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...

LXXXVIII.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
Онъ привыкалъ,—скажу вамъ подъ секретомъ,
Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ,—
Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ
Когда луна бросала томный свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
Въ аллеѣ кралась,—легкою стопой
Онъ догонялъ ихъ пошутить порой.
Его невинность;—вы поймете сами,—
Вѣдь не могла расти съ его годами.

LXXXIX.

Но между нихъ онъ отличалъ одну:
Въ ней было все, что увлекаетъ душу,
Волнуетъ мысли и мѣшаетъ сну.

---

* Варіантъ: «Со всѣмъ искусствомъ древняго Фоблаза».

Но я, друзья, покой вашъ не нарушу
И на портретъ накину пелену.
Ее любилъ мой Саша той любовью,
Которая по жиламъ съ юной кровью
Течетъ огнемъ, клокочетъ и кипитъ;
Боролись въ немъ желаніе и стыдъ;
Онъ долго думалъ, какъ въ любви открыться, —
Вѣдь надобно жъ на что-нибудь рѣшиться.

XC.

И мудрено ль? Четырнадцати лѣтъ
Я самъ страдалъ отъ каждой женской ножки,
За каждую отдалъ бы цѣлый свѣтъ,
Я цѣловалъ слѣды ихъ по дорожкѣ. *
Волнующихся персей нѣжный цвѣтъ
И алыхъ устъ горячее дыханье
Во мнѣ рождали чудное желанье;
Я трепеталъ, когда моя рука
Атласныхъ плечъ касалася слегка,
Но лишь въ мечтахъ видалъ я безъ покрова
Все, что для васъ, конечно, ужъ не ново...

XCI.

Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ,
Молчитъ весь день и часто бредитъ ночь;
По корридору бродитъ и груститъ
И ждетъ, чтобъ показалась Евы дочь,
Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый видъ
Принявъ, онъ иногда улыбкой хладной
Отвѣтствовалъ на взоръ ея отрадный
И чувства подавлялъ онъ, какъ раба! **
А съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба!...
Итакъ, мой Саша кончилъ съ нимъ возиться
И положилъ съ Маврушей объясниться.

---

* Варіантъ: «Я самъ страдалъ отъ каждой женской рожи
И простодушно увѣрялъ весь свѣтъ,
Что другъ на дружку всѣ онѣ похожи».

** Варіантъ: «Любовь же неизбѣжна, какъ судьба».

XCII.

Случилось это лѣтомъ, въ знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
Ложилася на крышахъ полосами,
И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли; даже
Волна катилась медленнѣй и глаже.
Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой,
Лежалъ полураздѣтый нашъ герой
И размышлялъ о тайнѣ единенья
Двухъ душъ, — предметъ достойный размышленья!

XCIII.

Вдругъ слышитъ онъ направо, за кустомъ
Сирени, шорохъ платья и дыханье
Волнующейся груди, а потомъ
Чуть внятный звукъ, похожій на лобзанье.
Какъ Сашѣ быть? Забилось сердце въ немъ,
Запрыгало... Безъ дальнихъ опасеній
Онъ сквозь кусты пустился легче тѣни.
Трещатъ и гнутся вѣтви подъ рукой
И вдругъ предъ нимъ съ Маврушкой молодой,
Обнявшійся въ тѣни цвѣтущей вишни,
Иванъ Ильичъ... [Прости ему Всевышній].

XCIV.

Увы, покоясь на травѣ густой,
. . . .
. . . .
. . . . пустился въ путь,
Оставивъ тутъ обманутую дѣву,
Какъ Аріадну, преданную гнѣву.

XCV.

И есть за что, не спорю... Между тѣмъ
Что дѣлалъ Саша? — Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холоденъ и нѣмъ;
Какъ Аббадона грозный новымъ адомъ

Напуганный, но помнящій эдемъ,
Съ поникшею стоялъ онъ головою
И на челѣ, наморщенномъ тоскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей...
Но вдругъ ударъ проснувшихся страстей
Перевернулъ неопытную душу
И онъ упалъ, какъ съ неба, ...

XCVI.

Упалъ [прости невинность!], какъ змѣя
Маврушу крѣпко обнялъ онъ руками,
То холодѣя, то какъ жаръ горя,
Неистово впился въ нее устами
И — обезумѣлъ... Небо и земля
Слились въ туманъ. Мавруша простонала
И улыбнулась; какъ волна вставала
И упадала грудь, и томный взоръ,
Какъ надъ рѣкой безлучный метеоръ,
Блуждалъ вокругъ безъ цѣли, безъ предмета
Боясь всего: людей, деревъ и свѣта...

XCVII.

Теперь, друзья, скажите напрямикъ,
Кого винить?... По-мнѣ всего прекраснѣй
Сложить весь грѣхъ на чорта, — онъ привыкъ
Къ напраслинѣ; къ тому же безопаснѣй
Рога и когти, чѣмъ иной языкъ...
Итакъ, замѣтимъ мы, что духъ незримый,
Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
Ни ладаномъ, ни бранью, ни крестомъ,
Игралъ судьбою Саши, какъ мячомъ,
И, слѣдуя пустѣйшему капризу,
Кидалъ его то вкось, то вверхъ, то книзу.

XCVIII.

Два мѣсяца прошло. Во тьмѣ ночной,
На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
Слегка платокъ накинувъ шерстяной,
Явилась къ Сашѣ дѣва молодая;

Задувъ лампаду трепетной рукой,
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жаркихъ тамъ объятій.
. . . .
. . . .
Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался
И съ жгучимъ поцѣлуемъ онъ сливался.

XCIX.

Казалось, рокъ забылъ о нихъ; но разъ,—
Не помню я, въ который день недѣли,—
Ужъ пролетѣлъ свиданья часъ;
А Саша все одинъ былъ на постели.
Онъ сѣлъ къ окну въ раздумьи. Тихо гасъ
На блѣдномъ сводѣ мѣсяцъ серебристый
И неподвижно бахромой волнистой
Вокругъ его висѣли облака.
Дремало все, лишь въ окнахъ иногда
Являлась свѣчка, силуэтъ рубчатый
Старухи, изъ картинъ Рембрандта взятый, *

C.

Мелькая, рисовался на стеклѣ
И исчезалъ. На площади пустынной,
Какъ чудный путь къ невѣдомой землѣ,
Лежала тѣнь отъ колокольни длинной,
И даль сливалась въ синеватой мглѣ.
Задумчивъ Саша... Вдругъ скрипнули двери,
И вы бъ сказали — поступь райской пери
Послышалась. Невольно нашъ герой
Вздрогнулъ. Предъ нимъ, озарена луной,
Стояла дѣва, опустивши очи,
Блѣднѣе той луны — царицы ночи...

CI.

И онъ узналъ Маврушу. Но — Творецъ! —
Какъ измѣнилось нѣжное созданье!

---

* Варіантъ: «Являлся свѣтъ, и силуэтъ объятый
Тьмой ночи изъ картинъ Рембрандта взятый».

Казалось, тѣло изваялъ рѣзецъ,
А Богъ вдохнулъ не душу, но страданье.
Она стоитъ, вздыхаетъ, наконецъ
Подходитъ и холодными руками
Хватаетъ руку Саши, и устами
Прижалась къ ней, и слезы потекли
Все больше, больше и, казалось, жгли
Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины —
Раскаянья преступной Магдалины?

CII.

И кто бы смѣлъ изобразить въ словахъ,
Что̀ дышитъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени?
Гляжу на дивный холстъ: душа въ очахъ,
И мысль одна въ душѣ,—и на колѣни
Готовъ упасть, и непонятный страхъ,
Какъ струны лютни, потрясаетъ жилы,
И слышишь близость чудной тайной силы,
Которой въ мірѣ вѣруетъ лишь тотъ,
Кто, какъ въ гробу, въ душѣ своей живетъ,
Кто терпитъ всѣ упреки, всѣ печали,
Чтобъ геніемъ глупцы его назвали.

CIII.

И долго молча плакала она.
Разсыпавшись на кругленькія плечи,
Ея власы бѣжали, какъ волна.
Лишь иногда отрывистыя рѣчи,
Отзывъ того, чѣмъ грудь была полна,
Блуждали на губахъ ея; но звуки
Яснѣе были словъ... И голосъ муки
Мой Саша понялъ, какъ языкъ родной;
Къ себѣ на грудь привлекъ ее рукой
И не щадилъ ни нѣжностей, ни ласки,
Чтобъ поскорѣе осушить ей глазки *.

* Варіантъ: «Чтобъ поскорѣй добраться до развязки.»

CIV.

Онъ говорилъ: «Къ чему печаль твоя?
Ты молода, любима,—гдѣ жъ страданье?
Въ твоихъ глазахъ—мой міръ, вся жизнь моя,
И рай земной—въ одномъ твоемъ лобзаньѣ...
Быть-можетъ, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нѣтъ! И кто же смѣетъ
Тебя обидѣть? Мой отецъ дряхлѣетъ,
Французъ давно не годенъ никуда...
Ну, полно! Слезы прочь и сядь сюда!»

. . . .

. . . .

CV.

«Послушайте, я здѣсь въ послѣдній разъ.
Принебрегла опасность, наказанье,
Стыдъ, совѣсть—все, чтобъ только видѣть васъ.
Поцѣловать вамъ руку на прощанье
И выманить слезу изъ вашихъ глазъ.
Не отвергайте бѣдную,—довольно
Ужь я терплю,—за что же?... Сердце вольно.
Иванъ Ильичъ провѣдалъ отъ людей
Завистливыхъ... Все Ванька вашъ, злодѣй,—
Черезъ него я гибну... Все готово!
Молю... о, киньте мнѣ хоть взглядъ, хоть слово!

CVI.

«Для вашего отца впервые я
Забыла стыдъ,—гдѣ у рабы защита?
Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
Прошла недѣля,—бѣдная забыта...
А все любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Онъ разбранилъ... Но что же передъ вами?—
Раба, игрушка!... Точно, день, два, три
Мила, а тамъ?—пожалуй, хоть умри!...»
Тутъ начались слезы, восклицанья,
Но Саша ихъ оставилъ безъ вниманья.

CVII.

«Ахъ, баринъ, баринъ, вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!...
Прощай,—тебя мнѣ больше не видать,
Зато ужъ помнить буду вѣчно, вѣчно...
Виновны оба, мнѣ жъ должно страдать.
Но, такъ и быть, цѣлуй меня въ грудь, въ очи,—
Цѣлуй, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!...
Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
На дальній хуторъ, гдѣ Маврушу ждутъ
Страданья, мужъ съ косматой бородою...
А ты?—Вздохнешь и слюбишься съ другою!»

CVIII.

Она заплакала. Такъ, или нѣтъ
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смѣю; двухъ, трехъ лѣтъ
Достаточна губительная сила,
Чтобы святѣйшихъ словъ загладить слѣдъ.
А тотъ, кто разсказалъ мнѣ повѣсть эту—
Его ужъ нѣтъ... Но что за нужда свѣту?
Не вѣры я ищу,—я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
Гдѣ свиньи и вино такъ нынѣ рѣдки,
И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки!

CIX.

Она замолкла, но не Саша: онъ
Кипѣлъ противъ отца негодованьемъ:
«Злодѣй! Тиранъ!»—и тысячу именъ,
Такихъ же милыхъ, съ истиннымъ вниманьемъ
Онъ расточалъ ему. Но счастья сонъ,
Какъ ни бранись, умчался невозвратно...
Уже готовъ былъ юноша развратный
Въ послѣдній разъ. . . . .
. . . .
. . . .
. . . . . . какъ вдругъ,—о, Провидѣнье!—

CX.

Ударъ ногою съ трескомъ растворилъ
Стеклянной двери объ половины
И ночника лучъ блѣдный озарилъ
Живой скелетъ вошедшаго мужчины.
Казалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ,—
Растрепанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ,—
Вошелъ и строго обратился къ Сашкѣ:
«Eh bien monsieur, que vois-je?»—«Ah, c'est vous!»
«Pourquoi ce bruit?—Que faites vous donc?»—«.....»
И молвивъ такъ (пускай проститъ мнѣ муза),
Однимъ тузомъ онъ выгналъ вонъ француза.

CXI.

И вслѣдъ за нимъ, какъ лань Кавказскихъ горъ,
Изъ комнаты пустилася бѣдняжка,
Не распростясь, но кинувъ нѣжный взоръ,
Закрывъ лицо руками... Долго Сашка
Не могъ унять волненья сердца. «Вздоръ,—
Шепталъ онъ,—вздоръ: любовь—не жизнь!» Но утро,
Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
Ужъ начало заглядывать въ окно,
Какъ милый гость, ожиданный давно,
А на дворѣ, унылый и докучный,
Раздался колокольчикъ однозвучный.

CXII.

Къ окну въ волненьи Саша подбѣжалъ:
Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
Вотъ сѣлъ ямщикъ и возжи подобралъ;
Вотъ чей-то голосъ: «Что же, все готово?»—
«Готово».—Вотъ садится... Онъ узналъ:
Она!... Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
Съ обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой
И спряталась въ кибитку. Бичъ лихой
Взвился. «Пошелъ!»... Колеса застучали
И вмигъ... Но что намъ до чужой печали?

CXIII.

Давно-ль?... Но дѣтство Саши протекло.
Я разсказалъ, что знать вамъ было нужно....
Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
И быть иначе;—нѣжностью наружной
Обманывать онъ почиталъ за зло,
За низость,—но правдивой мести знаки
Онъ не щадилъ (хотя бъ дошло до драки),
И потому родитель, разсчитавъ,
Что укрощать не стоитъ этотъ нравъ,
Сынка, рыдая, какъ мы всѣ умѣемъ,
Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ.

CXIV.

И тамъ проказникъ былъ препорученъ
Старухѣ-теткѣ самыхъ строгихъ правилъ.
Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ
Ее краснѣть ни разу не заставилъ.
Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
Которыя, страшась святого брака,
Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака,
И потому въ сомнѣньи ждутъ да ждутъ,
Покуда ихъ на вистъ не позовутъ.
Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
За картами клевещутъ и желтѣютъ.

CXV.

Но иногда какой-нибудь лакей
Усердный, честный, вѣрный, осторожный,
Имѣя входъ къ владычицѣ своей
Во всякій часъ, съ покорностью возможной,
Въ уютной спальнѣ замѣняетъ ей
Служанку, то-есть грѣетъ одѣяло,
Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣлъ,
Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣлъ....
И если бы хоть разъ онъ былъ свидѣтель,
Какъ сладко спитъ сѣдая добродѣтель

CXVI.

Шалунъ былъ отданъ въ модный пансіонъ,
Гдѣ много пріобрѣлъ прекрасныхъ правилъ.
Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
Но скоро ихъ съ презрѣніемъ оставилъ.
Онъ увидалъ, что дружба, какъ поклонъ—
Двусмысленная вещь; что добрый малый—
Товарищъ скучный, тягостный и вялый;
Что умный—и забавнѣй и сноснѣй,
Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
И потому (считая только явныхъ)
Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забавныхъ.

CXVII.

И списокъ ихъ, какъ памятникъ святой,
На двухъ листахъ, раскрашенныхъ отлично,
Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
Обвернутой атласомъ, какъ прилично,
Съ стальнымъ замкомъ и розовой каймой.
Любилъ онъ заговоры злобы тайной
Разстроить словомъ, будто бы случайно;
Любилъ враговъ внезапно удивлять,
На крикъ и брань—насмѣшкой отвѣчать,
Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

CXVIII.

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
Наскуча все твердить азы да буки,
И, наконецъ, въ студенты посвящёнъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ съ чаемъ пить иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками

CXIX.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ.. Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяется чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ,—шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже. Сущій адъ!...
По сердцу Сашѣ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая.

CXX.

Пропустимъ года два... Я не хочу
Въ одинъ пріемъ свою закончить повѣсть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спокойна совѣсть,
Хоть, признаюся, много пропущу
Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
Но часъ придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣсныхъ
Не заключенъ и не спѣша впередъ,
Чтобъ сократить унылый эпизодъ,—
Я снова обращу вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Сашей...

CXXI.

Теперь героевъ разбудить пора,
Пора привесть въ порядокъ ихъ одежды.
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ объятьяхъ нѣги и живой надежды
Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Растрепанные волосы назадъ
Рукой откинувъ и на свой нарядъ
Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала
Она довольно долго позѣвала.

CXXII.

На ней измято было все, и грудь
Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
Она спѣшитъ лицо водой сплеснуть
И кудри безъ особенныхъ стараній
На головѣ гребенкою заткнуть;
Потомъ сорочку скинула, небрежно
Водой обмыла станъ свой бѣлоснѣжный...
Опять свѣжа, какъ персикъ молодой,
И, на плечи капотъ накинувъ свой,
Плѣнительна безпечной наготою,
Она подходитъ къ нашему герою.

CXXIII.

Садится въ изголовьи и потомъ
На соннаго студеной влагой плещетъ.
Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
И видитъ, что пора: свѣтелка блещетъ,
Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
Упругій снѣгъ на улицѣ хруститъ,
Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
И въ городѣ, что мнѣ всегда досадно,
Колокола трезвонятъ безпощадно...

CXXIV.

Прелестный день! Какъ пышенъ Божій свѣтъ!
Какъ небеса лазурны!... Торопливо
Вскочилъ мой Саша. Вотъ ужъ онъ одѣтъ,
Атласный галстукъ повязалъ лѣниво,
Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладилъ слѣдъ;
Лишь синеватый вѣнчикъ подъ глазами
Изобличалъ его... Но, между нами,
Сказать тихонько: это—не порокъ.
У нашихъ дамъ найти бъ его я могъ,
Хоть между тѣмъ ручаюсь головою,
Что ихъ невиннѣй нѣту подъ луною.

CXXV.

Изъ комнаты выходитъ нашъ герой
И, пробираясь длиннымъ коридоромъ,
Онъ видитъ Катерину предъ собой,
Привѣтствуетъ ее холоднымъ взоромъ
И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:
Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и рядомъ
Кровать; на ней, закрыта . . . .
Храпитъ Параша, отвернувъ лицо.
Онъ плащъ надѣлъ и вышелъ на крыльцо
И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
Чтобы не смѣлъ забыть онъ обѣщанья:

CXXVI.

Чтобъ приготовилъ модный онъ нарядъ
Для бѣдной, милой Тирзы, и такъ далѣ.
Сказать ли, этой выдумкѣ былъ радъ
Проказникъ мой: въ театрѣ, въ пестрой залѣ
Замѣтятъ ли невинный маскарадъ?
Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
Зачѣмъ толпу не наказать случайно
Презрѣньемъ гордымъ всѣхъ ея причудъ?
И что молва?—Глупцовъ крикливый судъ,
Коварный шопотъ злой старухи или
Два—три намека въ польскомъ иль въ кадрили!

CXXVII.

Ужъ Саша дома. Къ теткѣ входитъ онъ,
Небрежно у нея цѣлуетъ руку.
«Чѣмъ кончился вчерашній вашъ бостонъ?
Я бъ не рѣшился на такую скуку,
Хотя бы мнѣ давали милліонъ.
Какъ ваши зубы?... А Фиделька гдѣ же?
Она являться стала что-то рѣже.
Ей надоѣлъ нашъ модный кругъ,—увы,
Какая жалость!... Знаете ли вы,
На этихъ дняхъ мы ждемъ къ себѣ комету,
Которая несетъ погибель свѣту?...

CXXVIII.

«И по дѣломъ, вѣдь новый магазинъ
Открылся на Кузнецкомъ,—не угодно ль
Вамъ посмотрѣть?... Тамъ есть мамзель Abine,
Monsieur Dupré, Durand, французъ природный,
Теперь купецъ, а бывшій дворянинъ;
Тамъ есть мадамъ Armand; тамъ есть субретка
Fanchaux—плутовка, смуглая кокетка!
Вся молодежь вокругъ нея вертится.
Ей Богу, все равно мнѣ, что случится!
И по одной значительной причинѣ
Я только зритель въ этомъ магазинѣ.

CXXIX.

«Причина эта вотъ—мой кошелекъ:
Онъ пустъ, какъ голова француза,—малость
Истратилъ я; но это мнѣ урокъ—
Цѣнить дешевле вѣтреную шалость!»
И, притворясь печальнымъ, сколько могъ,
Шалунъ склонился къ теткѣ, два—три раза
Вздохнулъ, чтобъ удалась его проказа.
Тихонько ларчикъ отперевъ, она
Заботливо дорылася до дна
И вынула три бѣленькихъ бумажки.
И... вы легко поймете радость Сашки.

CXXX.

Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
То у дверей съ недвижностью примѣрной,
Въ чалмѣ пунцовой, щегольски одѣтъ,
Стоялъ арапъ *, его служитель вѣрный.
Покрытъ какъ лакомъ былъ чугунный цвѣтъ
Его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ,
И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,

* Арапъ этотъ былъ слугою въ домѣ Лопухиныхъ, близкихъ друзей Лермонтова. Онъ его очень любилъ и упоминаетъ о немъ тоже и въ письмѣ къ С. А. Бахметевой въ августѣ 1832 г

Когда смѣялся онъ, иль говорилъ,
Невольный страхъ на душу наводилъ,
И въ голосѣ его, инымъ казалось,
Надменностью безсильной отзывалось.

CXXXI.

Союзъ довольно странный заключенъ
Межъ имъ и Сашей былъ. Ихъ разговоры
Казалися таинственны, какъ сонъ;
Вдвоемъ бывало ночью, точно воры,
Уйдутъ и пропадаютъ. Одаренъ
Воображеньемъ бойкимъ, нашъ пріятель
Восточныхъ словъ былъ страстный обожатель
И потому «Зафиромъ» нареченъ
Его арапъ. За нимъ повсюду онъ,
Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ, и что же?—
Всѣ восхищались этой скверной рожей!

CXXXII.

«Зафиру» Сашка что-то прошепталъ.
Зафиръ кивнулъ курчавой головою,
Блеснувъ, какъ рысь, очами, денегъ взялъ
Изъ бѣлой ручки черною рукою;
Онъ долго у дверей еще стоялъ
И говорилъ все время, по несчастью,
На языкѣ чужомъ и тайной страстью
Одушевленъ казался. Между тѣмъ,
Облокотясь на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
Герой печальный моего разсказа
Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

CXXXIII.

И, наконецъ, онъ подалъ знакъ рукой
И тотъ исчезъ быстрѣй китайской тѣни.
Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,
Онъ жилъ у Саши, какъ служебный геній,
Домашній духъ (по-русски домовой);
Какъ Мефистофель, быстрый и послушный,
Онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно,

Добро и зло. Ему была закопъ
Лишь воля господина. Вѣдалъ онъ,
Что, кромѣ Саши, въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
Никто, никто не думалъ о «Зафирѣ».

CXXXIV.

Однако были дни давнымъ-давно,
Когда и онъ на берегу Гвинеи
Имѣлъ родной шалашъ, жену, пшено
И ожерелье красное на шеѣ,
И мало ли?... О, тамъ онъ былъ звено
Въ цѣпи семей счастливыхъ!... Тамъ пустыня
Осталась неприступна, какъ святыня.
И пальмы тамъ растутъ до облаковъ,
И пѣна водъ бѣлѣе жемчуговъ.
Тамъ жгутъ лобзанья, и пронзаютъ очи,
И перси дѣвъ чернѣй роскошной ночи.

CXXXV.

Но родина и вольность, будто сонъ,
Въ туманѣ дальнемъ скрылись невозвратно...
Въ цѣпяхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
Для дикаря все было непонятно—
Блестящихъ городовъ и шумъ и звонъ.
Такъ облачко, оторвано грозою,
Бродя одно подъ твердью голубою,
Куда пристать не знаетъ; для него
Все чуждо—солнце, міръ и шумъ его.
Ему обидно общее веселье,—
Оно, нахмурясь, прячется въ ущельѣ.

CXXXVI.

О, я люблю густыя облака,
Когда они толпятся надъ горою,
Какъ на хребтѣ стального шишака
Колеблемыя перья! Предъ грозою
Въ одеждахъ золотыхъ издалека
Они текутъ безмолвнымъ караваномъ
И, наконецъ, одѣтыя туманомъ,

Обнявшись, свившись, будто куча змѣй,
Безпечно дремлютъ на скалѣ своей.
Настанетъ день, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ:
Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спроситъ?

CXXXVII.

И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви поэта безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не открылъ вниманью дружбы нѣжной.
И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
Промчалася неслышно между нами,
Ты мукъ своихъ не выразилъ словами,—
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ,
И, не разгаданъ глупою толпою,
Ты умеръ чуждый жизни... Миръ съ тобою.

CXXXVIII.

И миръ твоимъ костямъ! Онѣ сгніютъ,
Покрытыя одеждою военной...
И сумраченъ, и тѣсенъ твой пріютъ,
И ты забытъ, какъ часовой безсмѣнный.
Но что же дѣлать?—Жди, авось придутъ,
Быть-можетъ, кто-нибудь изъ прежнихъ братій.
Какъ знать, земля до молодыхъ объятій
Охотница... Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
Куда умчался ты?... Какой вѣнецъ
На головѣ твоей? И все ль какъ прежде
Ты любишь насъ и вѣруешь надеждѣ?

CXXXIX.

И вы, вы всѣ, которымъ столько разъ
Я подносилъ пріятельскую чашу—
Какая буря въ даль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанья славы,
Какъ призракъ, разлетѣлися. Вы правы,

Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
Ущелій и свободы, и, не зная
Гнѣзда, живу какъ птичка кочевая.

CXL.

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ,
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ и маску
Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
И, грубо пробуждая ихъ безпечность,
Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

CXLI.

О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы тамъ
За неземной границей міра?—Смутный,
Безбрежный океанъ, гдѣ нѣтъ вѣкамъ
Названья и числа; гдѣ безпріютны,
Блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ.
Заброшенъ въ ихъ нѣмые хороводы,
Что станетъ дѣлать гордый царь природы,
Который вѣрно созданъ всѣхъ умнѣй,
Чтобъ пожирать растенья и звѣрей,
Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

CXLII.

О, суета! И вотъ вашъ полубогъ—
Вашъ человѣкъ: искусствомъ завладѣвшій
Землей и моремъ,—всѣмъ, чѣмъ только могъ,—
Не въ силахъ онъ прожить три дня не ѣвши.
Но полно! Злобный бѣсъ меня завелъ
Въ такіе толки. Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный;
Пожалуй, кто-нибудь, шпіонъ ничтожный

Мои слова прославитъ, и тогда
Нельзя креститься будетъ безъ стыда
И поневолѣ станешь лицемѣрить,
Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

CXLIII.

Блаженъ, кто вѣритъ счастью и любви,
Блаженъ, кто вѣритъ небу и пророкамъ,—
Онъ долголѣтенъ будетъ на земли
И для сыновъ останется урокомъ!
Блаженъ, кто думы гордыя свои
Умѣлъ смирить предъ гордою толпою,
И кто грѣховъ тяжелою цѣною
Не покупалъ пурпурныхъ устъ и глазъ,
Живыхъ, какъ жизнь, и свѣтлыхъ, какъ алмазъ!
Блаженъ, кто не склонялъ чела младого
Какъ бѣдный рабъ предъ идоломъ другого!—

CXLIV.

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
Играющихъ и шепчущихъ листовъ,—
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студеный
По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
Струей гремучей прыгаетъ, сверкая,
И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
Стоитъ, какъ призракъ позднею порой,
Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой
Трещитъ вдали, и мракъ между вѣтвями
Отвсюду смотритъ черными очами!

CXLV.

Блаженъ, кто посреди нагихъ степей
Межъ дикими воспитанъ табунами,
Кто пріученъ былъ на хребтѣ коней,
Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ нами
Златыя облака, отъ раннихъ дней
Носиться,—кто главой припавъ на гриву,
Леталъ, подобно сумрачному диву,

Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ,
Какъ мѣрно конь о землю ударялъ
Копытомъ звонкимъ и впередъ землею
Упругой былъ кидаемъ съ быстротою.

CXLVI.

Блаженъ!... Его душа всегда полна
Поэзіей природы звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выглянетъ до время сѣдина;
Онъ, въ двадцать лѣтъ желающій чего-то,
Не будетъ вѣчной одержимъ зѣвотой
И въ тридцать лѣтъ не кинетъ край родной
Съ больною грудью и больной душой,
И не рѣшится отъ одной лишь скуки
Писать стихи, марать въ чернилахъ руки,—

CXLVII.

Или, трудясь, какъ глупая овца,
Въ рядахъ дворянства съ рабскимъ униженьемъ,
Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца,—
Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ,
И поклоняться нѣмцамъ до конца...
И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?—
Не тѣмъ ли, что куда его судьбина
Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ
Отчизну и картофель?... Вотъ народъ:
За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служитъ,
Слабѣйшихъ давитъ, бьютъ его—не тужитъ *!

CXLVIII.

Вотъ племя: всякій чортъ у нихъ баронъ!
Профессоръ важный—каждый ихъ сапожникъ!
И смѣло вкривь и вкось глаголетъ онъ.
Какъ пиѳія, возсѣвъ на свой треножникъ,

* Въ другой рукописи:
«Безъ денегъ правитъ и за деньги служитъ
Всѣхъ давитъ самъ, а бьютъ его—не тужитъ!»

Кричитъ, шумитъ... Но что жъ?—Онъ не рожденъ
Подъ нашимъ небомъ; наша степь святая
Въ его глазахъ бездушныхъ—степь простая,
Безъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ,
Гдѣ-бъ могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣковъ,
Которые съ ихъ грозными дѣлами
Унесены забвенія волнами...

CXLIX.

Кто недоволенъ выходкой моей,
Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору,
Съ листомъ въ рукахъ, съ оравою друзей,
И, вѣруя ихъ опытному взору,
Печатаетъ анаѳему, злодѣй!...
Я кончилъ... такъ! Дописана страница.
Лампада гаснетъ... Есть всему граница—
Наполеонамъ, бурямъ и войнамъ,
Тѣмъ болѣе терпѣнью и... стихамъ,
Которые давно ужъ не звучали
И вдругъ съ пера, Богъ знаетъ, какъ упали!...

конецъ 1-й главы.

ГЛАВА II.

I.

Я не хочу, какъ многіе изъ насъ,
Испытывать читателей терпѣнье,
И потому примусь за свой разсказъ
Безъ предисловій.—Сладкое смятенье
Въ душѣ моей, какъ будто въ первый разъ,
Ловлю прыгунью риѳму и, потѣя,
Въ досадѣ призываю Асмодея.
Какъ будто снова Богъ переселилъ
Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ,—
Когда не зналъ я, что на слово младость
Есть риѳма: *гадость*, а не только *радость!*

II.

Давно когда-то за Москвой-рѣкой,
На Пятницкой, у самаго канала,
Заросшаго негодною травой,
Былъ домъ угольный, и въ немъ жизнь играла
Межъ стѣнъ высокихъ... Онъ теперь пустой.
Внизу живетъ съ беззубой половиной
Безмолвный дворникъ... Пылью, паутиной
Обвѣшаны, какъ инеемъ, кругомъ
Карнизы стѣнъ, расписанныхъ огнемъ
И временемъ, и окна краской бѣлой
Замазаны повсюду кистью смѣлой.

III.

Въ гостиной есть диванъ и круглый столъ
На витыхъ ножкахъ, вражеской рукою
Исчерченный; но часъ ихъ не пришелъ,—
Они гніютъ незримо, лишь порою
Скользитъ по нимъ играющій эолъ,
Или еще крыло жильца развалинъ—
Летучей мыши. Жалокъ и печаленъ
Исчезнувшихъ пришельцевъ гордый слѣдъ.
Вотъ сабель ихъ рубцы, а ихъ ужъ нѣтъ:
Одинъ въ бою упалъ на штыкъ кровавый,
Другой въ слезахъ безъ гроба и безъ славы.

IV.

Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
До рубежа отчизны драгоцѣнной?
Нѣтъ, прахъ Кремля къ подошвамъ ихъ присталъ,
И русскій Богъ отмстилъ за храмъ священный...
Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ
И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
Онъ озарилъ имъ путь въ степи морозной—
И степь ихъ поглотила, и о томъ,
Кто намъ грозилъ и плѣномъ и стыдомъ,
Кто надъ землей промчался, какъ комета,
Сталъ говорить съ насмѣшкой голосъ свѣта.

V.

И старый домъ, куда привелъ я васъ,
Его паденья былъ свидѣтель хладный.
На изразцахъ кой-гдѣ встрѣчаетъ глазъ
Черты карандаша, стихи и жадно
Въ нихъ ищетъ мысли—и безплодный часъ
Проходитъ... Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
Грустилъ ли онъ, иль преданъ былъ веселью?
Какъ надписи надгробныя, онѣ
Рисуются узоромъ по стѣнѣ,—
Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.

VI.

И образы языческихъ боговъ—
Безъ рукъ, безъ ногъ, съ отбитыми носами—
Лежатъ въ углахъ низвергнуты съ столбовъ,
Раскрашенныхъ подъ мраморъ. Надъ дверями
Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
Въ померкшихъ рамахъ и глядятъ сурово,
И, мнится, обвинительное слово
Изъ мертвыхъ устъ ихъ излетитъ,—увы!
О, если бъ этотъ домъ знавали вы
Тому назадъ лѣтъ двадцать пять и болѣ!
О, если бъ время было въ нашей волѣ!...

VII.

Бывало только утренней зарей
Освѣтятся церквей главы златыя,
И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
Дворецъ царей и стѣны вѣковыя,
Отражены зеркальною волной;
Бывало только прачка молодая
Съ бѣльемъ господскимъ изъ воротъ, зѣвая,
Выходитъ, и сквозь утренній морозъ
Раздастся первый стукъ колесъ,—
А графскій домъ ужъ полонъ суетою
И пестрыхъ слугъ заботливой толпою.

VIII.

И каждый день идетъ въ немъ пиръ горой,
Смѣются гости и бренчатъ стаканы.
Въ стеклѣ граненомъ даръ земли чужой
Клокочетъ и шипитъ аи румяный,
И отъ крыльца каретъ недвижный строй
Далеко тянется, и въ залѣ длинной,
Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чинной,
Красавицы, столицы лучшій цвѣтъ,
Мелькаютъ... Вотъ учтивый минуэтъ
Рисуется вамъ, вотъ шопотъ удивленья,
Улыбка, взгляды, вздохи, изъясненья...

IX.

О, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
Вдоль стѣнъ висѣли пестрыя шпалеры,
Вездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ,
У зеркала . . . .

[Здѣсь рукопись обрывается].

1836.

Казначейша.

[Собственно озаглавлена была «Тамбовская казначейша» и напечатана въ «Современникѣ» 1838 г., т. XI, № 3. По цензурнымъ соображеніямъ, и въ текстѣ вмѣсто «Тамбовская» вездѣ печатали только заглавную букву Т. Рукопись не найдена, а потому пополнить пропуски нельзя. Однако родственникъ Лермонтова Ак. Павловичъ Шанъ-Гирей продиктовалъ мнѣ нѣкоторыя пропущенныя мѣста. (Строфа I, строка 13.—Строфа XII, последнія три строки.—Строфа XVI, строки 3 и 4, да снизу третья.—Строфа XXXIII, 5 стр.—Строфа XLIV, стр. 7 и 8). Кромѣ того въ строфу VIII я внесъ изъ «Современника» 2-ую строку, по недосмотру пропускавшуюся въ послѣднихъ изданіяхъ. — Ср. письмо къ М. Я. Лопухиной 15 февр. 38 г.].

Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.

Посвященіе.

Пускай слыву я старовѣромъ —
Мнѣ все равно, я даже радъ:
Пишу Онѣгина размѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку.
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть можетъ, вы
Склоненьемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладкіе запьемъ —
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

I.

Тамбовъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опальный,
Теперь же, право, хоть куда!
Тамъ есть три улицы прямыя,
И фонари и мостовыя;
Тамъ два трактира есть: одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдаютъ вамъ честь,
И смѣна имъ два раза въ сутки;
Тамъ зданье лучшее острогъ...
Короче, славный городокъ!

II.

Но скука, скука, Боже правый!
Гоститъ и тамъ, какъ надъ Невой,
Поитъ васъ прѣсною отравой,
Ласкаетъ черствою рукой.
И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣтъ средства отъ глупцовъ
И музыкальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы — просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ,
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подумать худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтутъ,
И васъ осудятъ, проклянутъ.

III.

Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать,
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Тамбовѣ будетъ зимовать.
Уланы!... ахъ, такіе хваты!.

Полковникъ вѣрно неженатый;
А ужъ бригадный генералъ,
Конечно дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
Зато, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье; сабли, шпоры —
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Тамбовъ.

IV.

И вотъ однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотитъ Аврора,
И, тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолвствовалъ кабакъ,
. . . .
. . . .
Уланы справа по шести
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ Двухъ Слѣпыхъ.

V.

Услыша ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура! Катерина!
Скорѣе туфли и платокъ!
Да гдѣ Иванъ? Какой мѣшокъ!
Два года ставни отворяютъ...»
Вотъ ставни настежъ. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ —

И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшіе дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

VI.

«Ахъ, посмотри сюда, кузина,
Вотъ этотъ!» — «Гдѣ? Майоръ?» — «О, нѣтъ!
Какъ онъ хорошъ, а конь — картина!
Да жаль, онъ, кажется, корнетъ...
Какъ ловко, смѣло избочился..
Повѣришь ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...»
И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ —
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII.

Противъ гостинницы Московской —
Притона буйныхъ усачей —
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.
Давно былъ домъ его построенъ,
Хотя невзраченъ, но спокоенъ;
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ.
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли,
Зато предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки:
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ шторъ —
Невинной роскоши уборъ.

VIII.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;

Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ разсчета
Блуждать была его охота,
И потому онъ былъ игрокъ
[Его единственный порокъ].
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутёркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянскаго струей.

IX.

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ тамбовскихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сынковъ.
Его краплёныя колоды
Не разъ невинные доходы
Съ индеекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ —
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгоритъ бывало отъ стыда.

X.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругѣ кладъ.
Ее цѣнилъ онъ тысячъ во сто,
Хотя держалъ довольно просто
И не выписывалъ чепцовъ

Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтёръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый старикъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

XI.

И впрямь, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно —
Чуть тронетъ землю башмачекъ.
Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди:
Бѣла, какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.
Казалося, для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей,
И не гожусь въ число судей.

XII.

А этотъ носикъ! эти губки —
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,
А голосъ сладкій, какъ мечта!
Она картавя говорила,
Не чисто *р* произносила;
Но этотъ маленькій порокъ
Кто извинить бы въ ней не могъ?
Любилъ трепать ея ланиты,
Разнѣжась, старый казначей.
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ! — о томъ причины скрыты;

Но есть въ Тамбовѣ двѣ кумы,
У нихъ, пожалуй, спросимъ мы. *

XIII.

Для большей ясности романа
Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ улана
Была одна ея сестра.
Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Дунѣ по секрету.
Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чемъ тутъ, Боже справедливый,
Не судятъ милыя уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ нелживый —
А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышалъ я слова...

XIV.

Итакъ, тамбовская красотка
Цѣнить умѣла ужъ усы
. . . .
. . . .
Что жъ — знаніе се сгубило!
Одинъ уланъ, повѣса милый,
[Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ],
Въ трактирѣ нумеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ,
Штабсъ-ротмистръ, строенъ, какъ корнетъ,
Взоръ пылкій, усъ довольно черный;
Короче, идеалъ дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

---

* По разсказу А. П. Шанъ-Гирея Лермонтовъ самъ выкинулъ эти три строки, касавшіяся его тетки, сестры отца, Анны Петровны и ея пріятельницы, но на что собственно намекалъ Лермонтовъ, Шанъ-Гирей запамятовалъ.

XV.

Онъ все отцовское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ.
Съ тѣхъ поръ дарами Провидѣнья,
Какъ птица Божія, онъ жилъ.
Онъ, спать ложась, привыкъ не вѣдать —
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полупьянымъ ремонтёромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.

XVI.

Страстьми земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда
И не смущенъ бы былъ и раемъ,
Когда бъ попался и туда.
Бывало въ дѣлѣ подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшитъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
Чтобъ отъ кнута избавить вора. *
Порой, незлобенъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ, но шутя.

XVII.

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;

---

*Редакторъ послѣднихъ изданій совершенно произвольно пополнилъ эту въ «Современникѣ» точками означенную строку, придуманнымъ стихомъ «Иль сталъ душою заговора».

Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя пролагать.
Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни;
А не смотря на то, друзья!
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.

. . . .
. . . .
. . . .

Таковъ-то былъ штабсъ-ротмистръ Гаринъ:
По крайней мѣрѣ мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

XVIII.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
Онъ у трактирщика узнать.
Узналъ не мало онъ смѣшнова—
Интригъ секретныхъ шесть иль пять;
Узналъ, невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся иль сваты;
Но занялъ болѣе всего
Мысль безпокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
«Бѣдняжка!» думаетъ уланъ:
«Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ
Тебя стеречь! и я, злодѣй,
Не тронусь участью твоей!»

XIX.

Къ окну поспѣшно онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ;
Въ устахъ его едва дымится
Узорный, бисерный чубукъ.
На кудри мягкія надѣта
Ермолка вишневаго цвѣта
Съ каймой и кистью золотой—
Даръ молдаванки молодой.

Сидитъ и смотритъ онъ прилежно...
Вотъ промелькнувши какъ во мглѣ,
Обрисовался на стеклѣ
Головки милой профиль нѣжный;
Вотъ будто стукнуло окно...
Вотъ отворяется оно.

XX.

Еще безмолвенъ городъ сонный,
На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
Еще по улицѣ мощеной
Не раздается стукъ каретъ...
Что жъ казначейшу молодую
Такъ рано подняло? Какую
Назвать причину повѣрнѣй?
Ужъ не безсонница ль у ней?...
На ручку опершись головкой,
Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ—
Заняться этимъ намъ неловко...
И если правду ужъ сказать,
Ну, кстати ль было бъ ей вязать?

XXI.

Сначала взоръ ея прелестный
Бродилъ по синимъ небесамъ,
Потомъ склонился къ поднебесной
И вдругъ—какой позоръ и срамъ,
Напротивъ, у окна трактира,
Сидитъ мужчина—безъ мундира.
Скорѣй, штабсъ-ротмистръ, вашъ сюртукъ!
И подѣломъ... окошко стукъ...
И скрылось милое видѣнье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На васъ навѣяла бъ смущенье;
Но я отдамъ улану честь—
Онъ молвилъ: «что жъ? начало есть!»

XXII.

Два дня окно не отворялось.
Онъ терпѣливъ. На третій день
На стеклахъ снова показалась
Ея плѣнительная тѣнь.
Тихонько рама заскрипѣла;
Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
Но опытный замѣтилъ взглядъ
Ея заботливый нарядъ.
Своей удачею довольный,
Онъ всталъ и вышелъ со двора—
И не вернулся до утра.
Потомъ, хоть было очень больно,
Собравъ запасъ душевныхъ силъ,
Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII.

Но эта маленькая ссора
Имѣла участь нѣжныхъ ссоръ:
Межъ нихъ завелся очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.
Языкъ любви—языкъ чудесный,
Одной лишь юности извѣстный—
Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
Не сталъ ты языкомъ роднымъ?
Въ минуту страстнаго волненья
Кому хоть разъ ты не помогъ
Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденья,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты, чудный и живой?

XXIV.

Скажу короче: въ двѣ недѣли
Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пьетъ съ мужемъ чай, идетъ гулять,
Отправится ль она къ обѣднѣ—

Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдній:
Къ сырой колоннѣ прислонясь,
Стоитъ, все время не крестясь.
Лучемъ краснѣющей лампады
Его лицо озарено:
Какъ мрачно, холодно оно!
А испытующіе взгляды
То вдругъ померкнутъ, то блестятъ —
Проникнуть въ грудь ея хотятъ.

XXV.

Давно разрѣшено сомнѣнье,
Что любопытенъ нѣжный полъ.
Уланъ большое впечатлѣнье
На казначейшу произвелъ
Своею странностью. Конечно,
Не надо было бъ мысли грѣшной
Дорогу въ сердце пролагать,
Ея бояться и ласкать!

. . . .

. . . .

. . . .

Жизнь безъ любви такая скверность!
А что, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

XXVI.

Но время шло. «Пора къ развязкѣ!»
Такъ говорилъ любовникъ мой.
«Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой».
Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
Лакей.—Что это?—«Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-съ,
Самъ не пріѣхалъ: много дѣлъ-съ;
Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовать.
Онъ самъ изволилъ такъ сказать».

— «Ступай, скажи, что я пріѣду».
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабсъ-ротмистръ на обѣдъ.

XXVII.

Амфитріонъ былъ предводитель—
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себя изрядно
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,
Но праздникъ въ томъ не потерялъ;
Онъ былъ устроенъ очень мило:
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

XXVIII.

Впередъ подъ ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ,
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушитъ
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное—смѣшно.

XXIX.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,

И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.
О! скоро ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ, у лѣска,
Бросаетъ лучъ исподтишка?

XXX.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабсъ-ротмистръ удалой:
Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ—не знаю какъ случилось,
Ноги ея, иль башмачка,
Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ начялися извиненья
И завязался разговоръ;
Два комплимента, нѣжный взоръ—
И ужъ дошло до изъясненья...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша не примѣръ.

XXXI.

Она въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,
Нѣмой восторгъ спѣша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкій опытъ
Ему рѣшилась предложить—
Таковъ обычай деревенскій!
Помучить—способъ самый женскій.
Но ужъ давно извѣстна намъ
Любовь друзей и дружба дамъ!

Какое адское мученье
Сидѣть весь вечеръ tête-à-tête,
Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!

. . . .
. . . .
. . . .

XXXII.

Вообще, я могъ въ году послѣднемъ
Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
Замѣтить страсть къ воздушнымъ брѣднямъ
И мистицизму. Бойтесь ихъ!
Такая мудрая супруга,
Въ часы любовнаго досуга
Вамъ вдругъ захочетъ доказать,
Что 2 и 3 совсѣмъ не пять,
Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,
Магнитизировать начнетъ—
И счастливъ мужъ, коли заснетъ!...
Плоды подобныхъ замѣчаній,
Конечно бъ, могъ не вѣдать міръ,
Но польза, польза—мой кумиръ.

XXXIII.

Я балъ описывать не стану,
Хоть это былъ блестящій балъ.
Весь вечеръ моему улану
Амуръ прилежно помогалъ.
Увы! молясь иной святынѣ,
Не вѣруютъ Амуру нынѣ:
Забытъ любви волшебный царь;
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщеньемъ
Провинціалы не спѣшатъ;

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XXXIV.

И сердце Дуни покорилось;
Его сковалъ могучій взоръ...
Ей дома цѣлу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпоръ.
Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
Садится въ шлафорѣ измятомъ
Она за вѣчную канву—
Все тотъ же сонъ и наяву.
По службѣ занятъ мужъ ревнивый,
Она одна—разгулъ мечтамъ!
Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?
Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!...»
Вотъ чей-то шагъ и передъ ней
Явился... только не Андрей.

XXXV.

Вы отгадаете, конечно,
Кто этотъ гость нежданый былъ.
Немного, можетъ-быть, поспѣшно
Любовникъ смѣлый поступилъ;
Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
Его минувшее терпѣнье
И разсудивъ, легко поймешь,
Зачѣмъ рискуетъ молодежь.
Кивнувъ легонько головою,
Онъ къ Дунѣ молча подошелъ,
И на лицо ея навелъ
Взоръ, отуманенный тоскою;
Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
Вздохнулъ и началъ говорить:

XXXVI.

«Я вижу, вы меня не ждали—
Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
Ахъ! вы еще не испытали,
Что въ страсти значитъ день, что часъ!
Среди сердечнаго волненья

Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ терпѣнья.
Я здѣсь—на все рѣшился я...
Тебѣ я преданъ... ты моя!
Ни мелочные толки свѣта,
Ничто, ничто не страшно мнѣ;
Презрѣнье свѣтской болтовнѣ—
Иль я умру отъ пистолета...
О, не пугайся, не дрожи!
Вѣдь я любимъ—скажи, скажи!. .»

XXXVII.

И взоръ его притворно-скромный,
Склоняясь къ ней, то угасалъ
То, разгараясь страстью томной,
Огнемъ сверкающимъ пылалъ.
Блѣдна, въ смущеньи оставалась
Она предъ нимъ!... Ему казалось,
Что чрезъ минуту для него
Любви наступитъ торжество...
Какъ вдругъ внезапный и невольной
Стыдъ овладѣлъ ея душой—
И, вспыхнувъ вся, она рукой
Толкнула прочь его: «довольно!
Молчите, слышать не хочу!
Оставите ль?... я закричу!...

XXXVIII.

Онъ смотритъ: это не притворство,
Не штуки—какъ ни говори—
А просто, женское упорство;
Капризы—чортъ ихъ побери!
И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
Штабсъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
И молитъ жалобно... Какъ вдругъ
Дверь настежь—и въ дверяхъ супругъ.
Красотка «ахъ!» Они взглянули
Другъ другу сумрачно въ глаза;
Но молча разнеслась гроза,

И Гаринъ вышелъ. Дома пули
И пистолеты снарядилъ,
Присѣлъ и трубку закурилъ.

XXXIX.

И черезъ часъ ему приноситъ
Записку грязную лакей.
Что это? Чудо! нынче проситъ
Къ себѣ на вистикъ казначей:
Онъ имениникъ—будутъ гости...
Отъ удивленія и злости
Чуть не задохся нашъ герой.
Ужъ не обманъ ли тутъ какой?
Весь день проводитъ онъ въ волненьи.
Насталъ и вечеръ, наконецъ.
Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ!
Домъ полонъ; что за освѣщенье!
А все—засунуть, или нѣтъ,
Въ карманъ, на случай, пистолетъ?

XL.

Онъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
Она сама, потупя взоръ.
Вздохъ полновѣсный прерываетъ
Едва начатый разговоръ.
О сценѣ утренней ни слова.
Они другъ другу чужды снова.
Онъ о погодѣ говоритъ;
Она—«да-съ», «нѣтъ-съ», и замолчитъ ..
Измученъ тайною досадой,
Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
Но здѣсь спѣшить намъ нужды нѣтъ,
Притомъ спѣшить нигдѣ не надо.
Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ докончимъ какъ-нибудь.

XLI.

Я жить спѣшилъ въ былые годы,
Искалъ волненій и тревогъ;

Законы мудрые природы
Я безразсудно пренебрегъ.
Что жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
Сковала душу мнѣ усталость,
А сожалѣнье день и ночь
Твердитъ о прошломъ. Чѣмъ помочь?
Назадъ не возвратятъ усилья.
Такъ въ клѣткѣ молодой орелъ,
Глядя на горы и на долъ,
Напрасно не подъемлетъ крылья,
Кровавой пищи не клюетъ,
Сидитъ, молчитъ и смерти ждетъ.

XLII.

Ужель исчезъ ты, возрастъ милый,
Когда все сердцу говоритъ,
И бьется сердце съ дивной силой,
И мысль восторгами кипитъ?
Не все жъ томиться безполезно
Орлу за клѣткою желѣзной.
Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда-нибудь,
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ—
Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь.

XLIII.

Но есть всему конецъ на свѣтѣ
И даже выспреннимъ мечтамъ.
Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
О, чудеса! хозяинъ самъ
Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ.
Сажаетъ, потчуетъ вареньемъ,
Несетъ шампанскаго стаканъ.
«Іуда!» мыслитъ мой уланъ.

Толпа гостей тѣснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;
Игра ужъ дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный.
Его держалъ самъ казначей
Для облегченія друзей.

XLIV.

И такъ какъ господинъ Бобковскій
Великимъ дѣломъ занятъ самъ,
То здѣсь блестящій кругъ тамбовскій
Позвольте мнѣ представить вамъ:
Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ—
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ,
За злато совѣсть и законъ
Готовъ продать охотно онъ.
А вотъ уѣздный предводитель—
Весь спрятанъ въ галстукъ, фракъ до пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ;
А вотъ, спокойствія рачитель,
Сидитъ и самъ исправникъ... но
Объ немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV.

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушенный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ;
Нетёсаный, недоученый,
А ужъ безнравственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ, какъ велятъ—
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ чѣмъ я испестрилъ.

XLVI.

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣрить проигрышъ не смѣя,
Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной тальи,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкометъ
Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
По гладкой лысинѣ струился,
Онъ все проигрывалъ до тла.
Въ ушахъ его: дáна, взяла!
Такъ и звучали. Онъ взбѣсился—
И проигралъ свой старый домъ,
И все, что въ немъ или при немъ.

XLVII.

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче—все, все дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
Ужъ было зà полночь. Треща,
Одна погасла ужъ свѣча.
Свѣтъ утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья проситъ у гостей,

XLVIII.

И проситъ важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но съ тѣмъ, чтобъ отыграть имѣнье
Иль—проиграть ужъ и жену.—
О, страхъ! о, ужасъ! о, злодѣйство!

И какъ донынѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. «Очень радъ!»
Онъ говоритъ: «пускай шумятъ:
Мы дѣло кончимъ полюбовно;
Но только, чуръ, не плутовать—
Иначе, вамъ не сдобровать!»

XLIX.

Теперь кружокъ понтёровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ.
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усастаго героя,
Который понтируетъ стоя,
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой—вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ, вдалекѣ,
Жену на креслахъ, въ уголкѣ.

L.

Что въ ней тогда происходило—
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ-быть,
Когда бы вы ихъ разгадали,
Вы поневолѣ бъ зарыдали.
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза.
Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ!
Разсказы вымышленныхъ бѣдъ

Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Не мало проливали слезъ...
Кто жъ въ этомъ выигралъ?—вопросъ.

LI.

Недолго битва продолжалась.
Уланъ отчаянно игралъ,
Надъ старикомъ судьба смѣялась—
И жребій выпалъ... часъ насталъ...
Тогда Авдотья Николавна,
Вставъ съ креселъ, медленно и плавно
Къ столу, въ молчаньи, подошла—
Но только цвѣтъ ея чела
Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего-нибудь—
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ничуть!
Она на мужа посмотрѣла
И бросила ему въ лицо
Свое вѣнчальное кольцо—

LII.

И въ обморокъ. Ее въ охапку *
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ разсчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой...
Поутру вѣстію забавной
Смущенъ былъ городъ благонравный.
Недѣлю цѣлую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Объ этомъ всѣ распространялись.
Старикъ защитниковъ нашелъ;
Улана проклялъ милый полъ—

---

* Въ рукописяхъ Чертковск. библіот. въ Москвѣ на клочкѣ бумаги сохранились 4 строки, являющіяся варіантомъ.

«И въ обморокъ; схвативъ въ охапку
Ее штабсъ-ротмистръ вынесъ вонъ...
Забывъ расчеты, саблю, шапку,
Успѣхомъ дивнымъ упоенъ».

За что—мы, право, не дознались.
Не зависть ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ухъ! я не выношу клеветъ.

LIII.

И вотъ конецъ печальной были,
Иль сказки—выражусь прямѣй.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали дѣйствія страстей?
Повсюду нынче ищутъ драмы,
Всѣ просятъ крови—даже дамы.
А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ:
Простымъ, нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ,
И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
Что жъ дѣлать!... Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья, покамѣстъ будетъ съ васъ.

1835—1837.

Бояринъ Орша.

[Напечатано было въ первый разъ безъ эпиграфовъ въ іюльск. книгѣ «Отеч. Записокъ» за 1842 годъ съ примѣчаніемъ Андр. Ал. Краевскаго: „эта поэма принадлежитъ къ числу первыхъ опытовъ Лермонтова. Она написана была еще въ 1835 году, когда Лермонтовъ только что начиналъ выступать на литературное поприще. Впослѣдствіи, строгій судья собственныхъ произведеній, онъ оставилъ намѣреніе печатать ее, и даже, взявъ цѣлыя тирады, преимущественно изъ II главы, включилъ ихъ въ новую свою поэму: «Мцыри»...Рукопись поэмы, данная мнѣ авторомъ еще въ 1837 году [вѣроятно въ 1838] едва ли не единственная, хранилась у меня до сихъ поръ съ другими оставленными имъ пьесами". Характерныя мѣста, перенесенныя поэтомъ въ Мцыри, находятся въ стихотвореніи его «Исповѣдь», писанномъ раньше, въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ. «Бояринъ Орша» отнесенъ мною къ годамъ отъ 35—37 потому, что есть намеки, что поэтъ работалъ надъ поэмою еще на Кавказѣ въ 1837 году. См. примѣч. къ стихотворенію «Поэтъ» т. I, стр. 372].

ГЛАВА I.

Then burst her voice in one long shriek
And to the earth she fell like stone
Or statue from its base o'erthrown.

L. Byron. (Parisina).

Переводъ:
И вырвался одинъ протяжный крикъ,
Какъ камень на землю она упала,
Какъ сброшенное съ пьедестала изваянье.

Во время оно жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Прозваньемъ Орша.—Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ.
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо—наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;

Въ день Воскресенія Христа
Поцѣловалъ его въ уста,
И обѣщался въ тотъ же день
Дать тридцать царскихъ деревень
Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворный шумъ;
При видѣ трепетныхъ льстецовъ
Щипалъ концы сѣдыхъ усовъ,
И разъ опричнымъ огорченъ,
Такъ Іоанну молвилъ онъ:

«Надёжа-царь! пусти меня
На родину—я день отъ дня
Все старѣ; даже не могу
Обиду выместить врагу.
Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.
Пусти меня! Мой старый домъ
На берегу Днѣпра крутомъ,
Близъ рубежа Литвы чужой,
Обросъ могильною травой;
Пробудь я здѣсь еще хоть годъ,
Онъ догніетъ—и упадетъ.
Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
Тамъ я родился—тамъ умру!»

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и сребромъ;
Икону въ ризѣ дорогой
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой,
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу,
И запестрѣлись на полу
Узоры шелковыхъ ковровъ,
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ Божій даръ—младая дочь;
О ней онъ думалъ день и ночь,

Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела,
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былого памятникъ живой!
Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,
Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ...
И та холодная стѣна
Ея красой оживлена!..
. . . .

Туманно въ полѣ и темно.
Одно лишь свѣтится окно
Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
Сквозь тучи смотритъ иногда.
Тяжелый звякнулъ ужъ затворъ,
Угрюмъ и пустъ широкій дворъ.
Вотъ, испытавъ замки дверей,
Съ гремучей связкою ключей
Къ калиткѣ сторожъ подошелъ
И взоры на небо возвелъ:
«А завтра быть грозѣ большой!»
Сказалъ, крестясь, старикъ сѣдой:
«Смотри-ка, молнія вдали
Такъ и доходитъ до земли,
И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
Завернутъ въ черныхъ облакахъ;
И воетъ вѣтеръ, будто звѣрь...
Дай кучу злата мнѣ теперь,
Съ конюшни лучшаго коня
Сейчасъ сѣдлайте для меня—
Нѣтъ, не отъѣду отъ крыльца
Ни для родимаго отца!»
Такъ разсуждая самъ съ собой,
Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
Лишь вдалекѣ едва гремятъ
Его ключи... Вокругъ палатъ

Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.

Все въ домѣ спитъ—не спитъ одинъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча
Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой-то странный полусвѣтъ.
Висятъ надъ ложемъ образа;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживляются, глядятъ—
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томитъ боярина тоска.
Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ, и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,
И—странно—Оршу обнялъ страхъ!
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ:
Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой;
Но тутъ—онъ свистнулъ, и вошелъ
Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: «скучно мнѣ,
Все думы черныя однѣ.
Садись поближе на скамью,
И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,

И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну.»

И на скамью присѣлъ Соколъ
И рѣчь такую онъ завелъ:

«Жилъ былъ за тридевять земель,
Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
Великій и премудрый царь.
Ни въ наше времечко, ни встарь
Никто не видывалъ пышнѣй
Его палатъ, и много дней
Въ весельи жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

Тотъ царь былъ слабъ и хилъ и старъ,
А дочь—непрочный вѣдь товаръ!
Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
И на его царевну-дочь
Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
И цѣловать красотку могъ
Лишь перелетный вѣтерокъ.

И царь тотъ раза три на дню
Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
Взглянуть, какъ спитъ младая дочь.
Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
Сапожки шелковые снялъ,
И вотъ приходитъ въ башню ту,
Гдѣ скрылъ царевну-красоту...
Вошелъ: въ свѣтлицѣ тишина;
Дочь сладко спитъ, но не одна;
Припавъ на грудь ея главой,
Съ ней царскій конюхъ молодой.
И прогнѣвился царь тогда,
И повелѣлъ онъ безъ суда
Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
И въ сине море укатить...»

И быстро на устахъ раба—
Какъ будто тайная борьба
Въ то время совершалась въ немъ—
Улыбка вспыхнула, потомъ
Онъ очи на небо возвелъ,
Вздохнулъ и смолкъ. «Ступай, Соколъ.»
Махнувъ дрожащею рукой,
Сказалъ бояринъ: «въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца
Про оскорбленнаго отца!»

И по морщинамъ старика,
Какъ тѣни облака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ,
Встревоженный и быстрый умъ
Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ.
Онъ жилъ: онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ.
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!...

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча;
И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей.
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ, и свѣчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
Сидитъ на старомъ сундукѣ
И спитъ глубоко, и порой
Во снѣ качаетъ головой;
На ней, предчувствіемъ объятъ,
На мигъ онъ удержалъ свой взглядъ—

И мимо; но, послыша стукъ,
Старуха пробудилась вдругъ,
Перекрестилась, и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоитъ бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку—и думаетъ старикъ:
«Нѣтъ! непорочна дочь моя.
А ты, Соколъ, ты рабъ, змѣя,
За дерзкій, хитрый твой намекъ
Получишь гибельный урокъ!»
Но вдругъ... о горе! о позоръ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ...

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

«О! погоди, Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня—и мигъ со мной!...»

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

«Не плачь... утѣшься! — близокъ часъ—
И будетъ міръ ничто для насъ.
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы вполнѣ,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
Тоской по вольности томимъ,
Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,
Задумалъ я свой край родной

Навѣкъ оставить, но съ тобой!...
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищей лихихъ,
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война—ихъ рай, а миръ—ихъ адъ.
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя—и я богатъ!»

И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцѣлуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой... *

Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встрѣтились—и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ—и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжко съ ложа на коверъ,
Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
Небрежной сброшенный рукой,
Произведя ударъ глухой,
Упало что-то.—И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,

---

* Послѣ этого слѣдуютъ зачеркнутые стихи:
«Свѣчи дрожащій красный лучъ,
Какъ будто молнія изъ тучъ,
Прервавъ любви послѣдній пылъ,
Всѣ чувства ихъ оледенилъ...
Она при немъ, безъ думъ, безъ силъ,
Едва успѣла отомкнуть
Уста отъ устъ, отъ груди грудь.»

Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда,
И безъ усилій, безъ борьбы
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ,
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда жъ безумца увели
И шумъ шаговъ утихъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ безпокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужъ въ домѣ томъ
Все снова спало крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

ГЛАВА II.

The rest thou dost already know,
And all my sins, and half my woe.
But talk no more of penitence...
L. Byron (The Giaour).

Переводъ:
Все остальное уже знаешь ты,
Мои грѣхи сполна; печаль—на половину.
Не говори же мнѣ опять о покаяньи.

Народъ кипитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоятъ.
Ихъ копья мѣдныя горятъ,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ...
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гриву правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ звеня
Стремяна бьются о бока;
Истертъ ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мылѣ сѣрый аргамакъ
Мотаетъ гривою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила,
И пѣна легкая — бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ —
Съ желѣза падаетъ на прахъ.

Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье — изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей,
Вослѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ;
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ

Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной грѣшной головой.

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣ налѣво два стола
И пышныхъ креселъ полукругъ —
Издѣлье иноческихъ рукъ —
Блистали тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной
Врываясь бѣлой полосой,
Дробяся въ искры по стеклу,
Игралъ на каменномъ полу.
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ
Усердный инокъ... жалкій трудъ,
Отнявшій множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ...
Искусства горестный удѣлъ!

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Бояринъ Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода,
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
Вдругъ отливались серебромъ,
И часто кудри старика
Отъ дуновенья вѣтерка
Приподымалися слегка.
Движеньемъ пасмурныхъ очей
Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И, въ нетерпѣніи, порой
Онъ по столу стучалъ рукой.

Въ концѣ противномъ залы той
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,

Покрытъ одеждою раба
Стоялъ Арсеній у столба.
Но въ молодомъ лицѣ его
Вы не нашли бъ ни одного
Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
Кружится, вьется надъ душой
Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ
Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслію постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва ль не лишнее звено?...
Задумчивъ онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса;
И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно, быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,
Летала ласточка — то внизъ
То вверхъ, подъ каменный карнизъ
Кидалась съ дивной быстротой
И въ щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрѣлой,
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
Съ природой жизнію одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но этотъ блескъ былъ — не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,
Скрипъ отворяемыхъ дверей...
Они! — вошли! — Толпа людей
Въ высокихъ, черныхъ клобукахъ,
Съ свѣчами длинными въ рукахъ.
Согбенный тягостью веригъ,
Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
Отецъ-игуменъ. — Сорокъ лѣтъ
Ужъ онъ не зналъ, что̀ Божій свѣтъ;
Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
И крестъ держалъ передъ собой;
И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
Алмазами и жемчугомъ.
И трость игумена была
Слоновой кости, такъ бѣла,
Что лишь съ сѣдой его брадой
Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
И плѣнника подвесть велѣлъ,
И одного изъ чернецовъ
Позвалъ по имени: суровъ
И холоденъ былъ видъ лица
Того святого чернеца.
Потомъ игуменъ, наклонясь,
Сказалъ боярину, смѣясь,
Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
На сей вопросъ или совѣтъ
Кивнулъ бояринъ головой...
И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
И понялъ данный знакъ монахъ —
Упрекъ, готовый на устахъ,
Словами книжными убралъ
И такъ преступнику вѣщалъ:
«Безумный, бренный сынъ земли!

Злой духъ и страсти привели
Тебя медовою тропой
Къ границѣ жизни сей земной.
Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
Простить не можетъ судъ земной, *
Но въ небѣ есть Судья иной:
Онъ милосердъ, Ему теперь
При насъ дѣла свои повѣрь!»

АРСЕНІЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ — благодарю.
Не понимаю, что была
У васъ за мысль? — Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно ль разсказать?
И если бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я безсовѣстный злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему неменѣе святой:
Онъ оправдалъ меня — одинъ
Онъ сердца полный властелинъ!
Когда бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ.
Но всѣхъ равно влечетъ судьба:
И подъ одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,

* Варіантъ:
«И казнь назначилъ судъ людской,
Но въ небесахъ Судья другой.
Предъ Нимъ съ раскаяньемъ теперь
Ты мнѣ дѣла свои повѣрь.»

Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, и ты, слѣпой старикъ,
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился бъ также согрѣшить,
И клятвы бъ грозныя забылъ,
И перенесть бы счастливъ былъ
За слово, ласку или взоръ
Мое страданье, мой позоръ!...

ОРША.

Не поминай теперь о ней!
Напрасно! — На груди моей,
Хоть нынѣ поздно вижу я,
Согрѣлась, выросла змѣя!...
Но ты заплатишь мнѣ теперь
За хлѣбъ и соль мою, повѣрь.
За сердце жъ дочери моей
Я заплачу тебѣ, злодѣй —
Тебѣ, найдёнышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота!...

АРСЕНІЙ.

Ты правъ: не знаю, гдѣ рожденъ,
Кто мой отецъ и живъ ли онъ?
Не знаю... Люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ,
И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
Подъ строгій иноковъ надзоръ,
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
Душой дитя — судьбой монахъ!
Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ?

Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ — могилъ!
Но нынче самъ я не хочу
Предать ихъ имя палачу,
И все, что славно было бъ въ немъ,
Облить и кровью и стыдомъ.
Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!...
— Нѣтъ, не грози, отецъ святой:
Чего бояться намъ съ тобой?
Обоихъ насъ могила ждетъ...
Не все ль равно, что день, что годъ?
Никто ужъ намъ не господинъ;
Ты въ рай, я въ адъ — но путь одинъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
Два раза былъ свободенъ я:
Послѣдній — нынѣ... Въ первый разъ,
Когда я жилъ еще у васъ,
Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
Взглянуть на синія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы...
И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
При блескѣ молній роковыхъ
Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ;
Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
Благословилъ и хладъ и ночь,
Забылъ печали бытія
И бурю братомъ назвалъ я.
Восторгомъ бѣшенымъ объятъ,

Съ ней унестись я былъ бы радъ;
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ!
О старецъ! что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой и живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

ИГУМЕНЪ.

На что намъ знать твои мечты?
Не для того предъ нами ты!
Въ другомъ ты нынѣ обвиненъ,
И хочетъ истины законъ.
Открой же намъ друзей своихъ
Убійцъ, разбойниковъ ночныхъ,
Которыхъ страшныя дѣла
Смываетъ кровь и кроетъ мгла,
Съ которыми, забывши честь,
Ты мнилъ несчастную увезть.

АРСЕНІЙ.

Мнѣ ихъ назвать? — Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной.
О, нѣтъ, ихъ тайну — не мою,
Я неизмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ
Какъ двухъ друзей не приметъ насъ.
Пытай желѣзомъ и огнемъ —
Я не признаюся ни въ чемъ;
И, если хоть минутный крикъ
Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый мой языкъ!...

МОНАХЪ.

Страшись упорствовать, глупецъ!
Къ чему?... Ужъ близокъ твой конецъ.
Скорѣе тайну намъ предай.
За гробомъ есть и адъ и рай,
И вѣчность въ томъ или другомъ...

АРСЕНІЙ.

Послушай, я забылся сномъ
Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
Я приближающійся звукъ,
Знакомый, милый разговоръ,
И будто вижу ясный взоръ...
И, пробудясь, во тьмѣ скорѣй
Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
Увы! они въ груди моей!
Они на сердцѣ, какъ печать,
Чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать,
И жгутъ его, и вновь живятъ...
Они мой рай, они мой адъ!
Для вспоминанія о нихъ
Жизнь—ничего, а вѣчность—мигъ!..

ИГУМЕНЪ.

Богохулитель, удержись!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую въ грудь боязнь...
Мечтанья злыя—Божья казнь!
Молись ему...

АРСЕНІЙ.

Напрасный трудъ!
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди, люди, мой отецъ!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Имъ разогрѣть не суждено
Сердцà, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,

Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь...
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ—зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?..
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда? ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
Ты жилъ—я также могъ бы жить!..

Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
Рѣчь нечестивую прервалъ,
И, негодуя, всѣ вокругъ
На гордый видъ и гордый духъ,
Столь непреклонный предъ судьбой,
Шептались грозно межъ собой,
И слово «пытка» тамъ и тамъ
Вмигъ пробѣжало по устамъ.
Но узникъ былъ невозмутимъ,

Безчувственно внималъ онъ имъ. *
Такъ бурей брошенъ на песокъ
Худой, увязнувшій челнокъ,
Лишенный веселъ и гребцовъ,
Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ.

—

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина
Густой туманъ, какъ пелена
Съ посеребренною каймой,
Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой,
И сквозь него высокій боръ,
Разсыпанный по скату горъ,
Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
Едва чернѣя вдалекѣ.
И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
Выходятъ стаи облаковъ,
А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
Выходитъ красная заря.
Блестятъ кресты монастыря;
По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
И по расписаннымъ вратамъ
Прекрасный, чистый и живой,
Какъ счастье жизни молодой,
Играетъ лучъ ея златой.

---

* Прежде было написано:
«Безчувственно внималъ онъ имъ,
Какъ мертвый образъ божества
Внимаетъ кликамъ торжества:
Въ толпѣ шумящей тихъ, одинъ
Онъ все—и рабъ и властелинъ.
Безъ чувства, самъ предметъ страстей,
И выше всѣхъ—и всѣхъ слабѣй!
Такъ бурей брошенъ на песокъ» и пр.

Унылый звонъ колоколовъ
Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей и хоръ звучалъ...
Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ;
Отцу-игумену шепнулъ
Онъ что-то скоро—тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: «гдѣ же казначей?
Поди, спроси его скорѣй—
Не затерялъ ли онъ ключей!»
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и говоря,
Что всѣ ключи еще при немъ,
Что невиновенъ онъ ни въ чемъ!
Засуетились чернецы,
Забѣгали во всѣ концы,
И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: «бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?» *
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой...

Пришли, глядятъ: распилена
Рѣшетка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый, на пескѣ лежалъ
Стальной, зазубренный кинжалъ;
И польскій шелковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.

---

* Было написано:
«Досада, любопытство, страхъ
Виднѣлись въ постныхъ ихъ чертахъ;
Прошла обѣдня въ суетахъ;»

Пошли прилежно по слѣдамъ:
Они вели къ Днѣпру — и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,
Лоскутъ того же кушака
Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.

«Бѣжалъ! — Но кто ему помогъ?
Конечно люди, а не Богъ!...
И гдѣ же онъ нашелъ друзей?
Знать, точно онъ большой злодѣй!»
Такъ, собираясь, межъ собой
Твердили иноки порой. *

ГЛАВА III.

„'Tis he! 'tis he! J know him now;
J know him by his pallid brow...
L. Byron. (The Giaour).

Переводъ:
Онъ! онъ! теперь я узнаю его!
Я узнаю—по блѣдному челу;

Зима. Изъ глубины снѣговъ
Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,

---

* Было еще написано:
«Когда жъ бояринъ все узналъ,
Онъ поблѣднѣлъ, затрепеталъ,
Глаза его покрылись мглой;
Не зря, смотрѣлъ онъ предъ собой;
Рука на небо поднялась...
Отъ синихъ губъ оторвалась
Не рѣчь, но звукъ — ужасный звукъ,
Отзывъ еще сильнѣйшихъ мукъ,
Невнятный, какъ далекій громъ...
Три дня, три ночи цѣлый домъ
Дрожалъ, встрѣчая мрачный взоръ,
— Они прошли — но съ этихъ поръ,
Какъ будто отъ рожденья нѣмъ,
Онъ слова не сказалъ ни съ кѣмъ...»

Какъ призраки, склонясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ — и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая назадъ, впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна,
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги
И скрипъ и щелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ
Собраться челяди своей,
Точить мечи, сѣдлать коней;
И разнеслась вездѣ молва,
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ — на пиръ мечей.

Садится Орша на коня.
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней

И каждый съ знаменьемъ креста
За нимъ проѣхалъ въ ворота;
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ басурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближась воротамъ,
Возвелъ глаза — не къ небесамъ,
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ;
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая изрѣдкà
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гулливая метель!

. . . .
. . . .
. . . .

Умчался далѣ шумный бой,
Оставя слѣдъ багровый свой...
Между поверженныхъ коней,
Обломковъ копій и мечей
Въ то время всадникъ разъѣзжалъ;
Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня
До гривы чернаго коня,
То вдругъ привставъ на стременахъ...
Кто жъ онъ? не русскій и не ляхъ —
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрамъ коня.
Чела крутого смуглый цвѣтъ,
Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
Почти могли бъ увѣрить васъ,
Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
Онъ былъ не молодъ и не старъ.
Но, разсмотрѣвъ его черты,

Не чуждыя той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ, прикованной къ землѣ,
Отражено, какъ на стеклѣ,—
Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Среди долины былъ курганъ.
Корнистый дубъ, какъ великанъ,
Его пятою попиралъ
И горделиво разстилалъ
Надъ нимъ, по прихоти своей,
Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ
Обезображенныхъ мечомъ
Пестрѣла на курганѣ томъ.
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли;
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
И всадникъ въѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьи говорилъ:
«Вотъ мѣсто — мертвый иль живой
Онъ здѣсь... вотъ дубъ — къ нему спиной
Прижавшись, бѣшеный старикъ
Рубился — видѣлъ я, хоть мигъ,
Какъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
Съ пятью рабами бился онъ.
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!...

Здѣсь, сквозь толпу издалека
Я видѣлъ, какъ его рука
Три раза съ саблей поднялась
И опустилась... Каждый разъ,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьемъ бѣжала кровь...
Четвертый взмахъ я долго ждалъ...
Но съ поля онъ не побѣжалъ,
Не могъ бѣжать, хотя бъ желалъ!...»
И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ, смотритъ: «это онъ!»
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
«И я узналъ тебя! узналъ!
Ни время ни чужой нарядъ
Не измѣнятъ зловѣщій взглядъ
И это гордое чело,
Гдѣ преступленіе и зло
Печать оставили свою.
Арсеній! — Такъ! я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою,
И въ ней шипящую змѣю!
Я узнаю и голосъ твой
Межъ звуковъ стороны чужой,
Которыми ты, можетъ-быть,
Его желаешь измѣнить.
Твой умыселъ постигъ я весь,
Я знаю, для чего ты здѣсь.
Но, вѣрный родинѣ моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ
И сожалѣнье и печаль...
Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
А жаль лишь то, что часъ мой билъ,

Покуда я не отомстилъ;
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,
Ни капли крови нѣтъ твоей!...»

«Старикъ! о прежнемъ позабудь...
Взгляни сюда на эту грудь,
Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
Ты отомщенъ вполнѣ давно,
А кѣмъ и какъ — не все ль равно?
Но лучше мнѣ скажи, молю,
Гдѣ отыщу я дочь твою?
Отъ рукъ враговъ земли твоей,
Ихъ поцѣлуевъ и мечей,
Хоть самъ теперь межъ ними я,
Ее спасти я поклялся!»

«Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь ни днемъ
Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ.
Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
Теперь обиженный отецъ
Для васъ лишь страшенъ — какъ мертвецъ!...»
Онъ дальше говорить хотѣлъ,
Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
Но пальцы сжались межъ собой,
Тѣнь смерти мрачной полосой
Промчалась на его челѣ;
Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
И — духъ отъ тѣла отлетѣлъ.

Къ нему Арсеній подошелъ,
И руки сжатыя развелъ,

И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
Собой лишь свѣтлы, какъ алмазъ.
Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной какъ смерть сама.

И долго юноша надъ нимъ
Стоялъ, раскаяньемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ,
Прощая — не прощенъ ни въ чемъ!
И на груди его потомъ
Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
На ней кровавые слѣды
Вились, чернѣли, какъ бразды.
Онъ руку къ сердцу приложилъ,
И трепетъ замиравшихъ жилъ
Ему неясно возвѣстилъ,
Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
Кипѣли страсти до конца,
Что блескъ печальный этихъ глазъ
Гораздо прежде ихъ погасъ...

Ужъ время шло къ закату дня,
И сѣлъ Арсеній на коня,
Стальныя шпоры онъ въ бока
Вонзилъ ему — и въ два прыжка
Отъ мѣста битвы роковой
Онъ былъ далеко. — Пеленой
Широкою за нимъ луга
Тянулись: яркіе снѣга
При свѣтѣ косвенныхъ лучей
Сверкали тысячью огней. —
Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсъ
Чернѣетъ на краю небесъ;

Подъ сѣнь деревъ въѣзжаетъ онъ.
Все тихо, всюду мертвый сонъ,
Лишь иногда съ сѣдого пня,
Послыша близкій храпъ коня,
Тяжелый воронъ, царь степной,
Слетитъ и сядетъ на другой,
Свой кровожадный чистя клёвъ
О сучья жесткія деревъ;
Лишь отдаленный вой волковъ,
Бѣгущихъ жадною толпой
На мѣсто битвы роковой,
Терялся въ тишинѣ степей...
Сыпучій иней вкругъ вѣтвей
Березъ и сосенъ, надъ путемъ
Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
Висѣлъ косматой бахромой;
И часто шапкой иль рукой
Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
Прахъ серебристый осыпалъ
Его лицо... И быстро онъ
Скакалъ въ раздумье погруженъ.
Измучилъ непривычный бѣгъ
Его коня. Въ глубокій снѣгъ
Онъ вязнетъ часто... Труденъ путь!
Какъ печь, его дымится грудь;
Отъ нетерпѣнья сѣдока
Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
Но близко, близко... Вотъ и домъ,
На берегу Днѣпра крутомъ,
Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
Заборы, избы и дворы
Привѣтливо между собой
Тѣснятся пестрою толпой,
Лишь домъ боярскій между нихъ,
Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ...
Онъ въѣхалъ на широкій дворъ:
Все пусто... будто гладъ иль моръ

Недавно пировали въ немъ.
Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
Толпа играющихъ дѣтей,
Испуганныхъ огнемъ очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И блѣдностью его лица,
Его встрѣчаетъ у крыльца
И съ крикомъ убѣгаетъ прочь...
Онъ входитъ въ домъ — въ покояхъ ночь,
Закрыты ставни; полъ скрипитъ;
Пустая утварь дребезжитъ
На старыхъ полкахъ; лишь порой,
Широкой, бѣлой полосой
Рисуясь на печи большой,
Проходитъ въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.

И лѣстницу Арсеній зритъ;
Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ
Наверхъ по шаткимъ ступенямъ.
Вотъ свѣтъ мелькнулъ его очамъ,
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимъ
Снѣгъ нерастаявшій подъ нимъ...
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь — но заперта.
Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
Большой замокъ на ней виситъ,
И вынувъ ножъ изъ кушака,
Онъ всунулъ въ скважину замка,
И затрещавъ, распался тотъ...
И тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.

Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,

И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
На взглядъ, на рѣчь отвѣта нѣтъ!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.
Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя, на коверъ цвѣтной.
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою...
Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
Когда бъ быстрѣй чѣмъ мысль иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ... *

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой —
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,

---

* Было еще написано и затѣмъ зачеркнуто:
«Исчезнуть радъ бы онъ съ земли,
Но муки жизнь ему спасли.
Одежды длинный лоскутокъ
Который сгнилъ, увялъ, поблекъ,
Громаду...» и пр.

Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь — жилецъ могилъ...
. . . .

«Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли!
Душа прекрасная ея,
Принявъ другое бытіе,
Теперь паритъ въ странѣ святой,
И, какъ укоръ, передо мной
Ея минутной жизни слѣдъ.
Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ,
Средь тайныхъ мукъ иль безъ тревогъ,
Когда и какъ — то знаетъ Богъ.
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ:
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенный сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной! *

Да! я преступникъ, я злодѣй —
Но казнь равна ль винѣ моей?
Ни на землѣ ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путемъ...
Разлуки первый грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.

---

* Послѣ этого слѣдуютъ зачеркнутые стихи:
«Жить и страдать теперь на что?
Она ничто — и все ничто!

Передъ людьми преступникъ я.
Меня казнитъ судьба моя,
Но о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь!
Пусть вѣчно мучусь — не бѣда,
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!»

О, если бъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной —
Клянусь, я прежде чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ:
Найду ли тамъ среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Творецъ! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, нѣжный взглядъ;
Отдай мнѣ свѣжія уста
И голосъ сладкій, какъ мечта,
Одинъ лишь слабый звукъ отдай!..
Что безъ нея земля и рай?
Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ—безъ божества!...

Теперь осталось мнѣ одно:
Иду! — куда? Не все ль равно
Та иль другая сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она!
Иду отсюда навсегда
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной,
И вьюга слѣдъ завѣетъ мой!...»

1837.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.
Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда

Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
И всѣ пили, царя славили,
Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный мóлодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,
А въ груди его была дума крѣпкая.
Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго,
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
Вотъ промолвилъ царь слово грозное
И очнулся тогда добрый молодецъ.
«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормлёнъ Малютиной!..»
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:
«Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:

Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную—не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.»
И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная?
Или конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:
«Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля острая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся.
Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную—
У воротъ стоятъ у тесовыихъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебёдушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,

Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчёвые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ пóхоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...
И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышлёной покланяйся,

И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся.»
«Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...»

*

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкомъ сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ,
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо—
Гонитъ ихъ мятелица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.

И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.
И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
А что́ дѣтки мои любезныя—
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»
«Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,
А по сю пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ, все не унимаются».
И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
А онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
И на улицѣ ночь темнёхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,

Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
«Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ на дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...»
И, услышавъ то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася.
«Государь ты мой, красно-солнышко
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинёшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ,
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,

Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной.—
Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
И цѣлуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!—
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...
Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную...
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?
Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,

Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безвѣсти,
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»
Говорила такъ Алёна Дмитревна;
Горючими слезами заливалася.
Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшо́й нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»
«Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня—выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося:
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!»
И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,

Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя роднаго не выдадимъ!»

*

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками.
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!

Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»
  И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подперши въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку».
  Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
  И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ похвастаться».

Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьми пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервóй купца Калашникова,
И ударилъ его посерéдь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника.

Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча,
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»
«Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...»
«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.

Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»
Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую...
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навострёнымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалого бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:
«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алёнѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистóмъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою

И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте.
Каждому правдою и честью воздайте.

Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

[Напечатано было въ первый разъ безъ подписи въ Литер. приб. къ Русскому Инвалиду» 1838 г. № 18, издававшихся тогда А. А. Краевскимъ.— Затѣмъ въ Изд.Стих. 1840 года. Здѣсь однако недостаетъ стиха: «Вотъ о землю царь стукнулъ палкою, и дубовый полъ на полчетверти онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ», почему и въ переводѣ пѣсни на нѣмецкій языкъ Боденштедтомъ этого мѣста нѣтъ].

1838.

Бѣглецъ.

Горская легенда.

[Въ первый разъ напечатано въ журналѣ «Вчера и Сегодня» 1845 г. № 2 небрежно и исправлено по рукописи (Чертк. Библ.) въ изданіи 1860 года. Стихотвореніе невѣрно приписывалось къ 1841 году. По бумагѣ и почерку, да и на основаніи завѣреній А.П. Шанъ-Гирея, писано оно не позднѣе 1838 года. Оно было привезено съ Кавказа послѣ первой ссылки поэта].

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла:
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку—и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока
И надъ пустынею пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.

Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ—дома.
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ:
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Старикъ пришельца не узналъ;
На ложѣ мучимый недугомъ,
Одинъ онъ молча умиралъ.
«Великъ Аллахъ: отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?...» спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
«Два дня мы билися въ тѣснинѣ:
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
И скрылся я одинъ въ пустынѣ.
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ по всюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И, вотъ пророкъ!—твоихъ услугъ,
Я до могилы не забуду!»
А умирающій въ отвѣтъ:

«Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.
И, саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ,
И прежнихъ дней летучій сонъ
Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуя
Его холодное чело.
И стало сладко и свѣтло
Его душѣ; во мракѣ ночи,
Казалось, пламенныя очи
Блеснули ласково предъ нимъ,
И онъ подумалъ: «я любимъ...
Она лишь мной живетъ и дышитъ...»
И хочетъ онъ войти—и слышитъ...
И слышитъ пѣсню старины.
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.
«Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
«Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року.
Молися Востоку,
Будь вѣренъ пророку,
Будь славѣ вѣрнѣй.
Своимъ измѣнившій
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,

И звѣри костей не зароютъ.—
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ!»
Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза, порою,
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ;
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него;
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его—не одного.
«Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ...»
— Одинъ?—
«Одинъ!»
— А гдѣ отецъ и братья?—
«Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли.»
— Ты отомстилъ?—
«Не отомстилъ...
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою.»
— Молчи, молчи! гяуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,

Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ!—
Умолкло слово отверженья,
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ,
И, наконецъ, ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
И мать поутру увидала,
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,
И кровь съ его глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь;
И подъ окномъ, по утру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

[Въ сентябрѣ 1838 года Лермонтовъ написалъ еще разъ «Демона» и перенесъ мѣсто дѣйствія изъ Испаніи на Кавказъ. См. Приложеніе: *пятый очеркъ Демона*].

1839—1840.

Мцыри *.

Вкушая вкусихъ мало меда, и се азъ умираю.
I Книга Царствъ.

I.

Не много лѣтъ тому назадъ
Тамъ, гдѣ сливаяся шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ
Кадильницъ благовонный дымъ,
Не слышно пѣнье въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насъ.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой—и о томъ,
Какъ удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручалъ Россіи свой народъ.

---

* *Мцыри*—на грузинскомъ языкѣ значитъ «неслужащій монахъ», нѣчто въ родѣ «послушника». Первоначально поэма была названа *Бэри* и говорено, что *Бэри* по-грузински значитъ монахъ

*

И Божья благодать сошла
На Грузію!—Она цвѣла
Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаяся враговъ,
За гранью дружескихъ штыковъ.

II.

Однажды русскій генералъ
Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути.
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ;
Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, даже слабый стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ;
Онъ знàкомъ пищу отвергалъ,
И тихо, гордо умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больного призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,

Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь иль голодъ испыталъ.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщеваньемъ и мольбой;
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ:

III.

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Не много пользы вамъ узнать—
А душу можно ль разсказать? *
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,

---

* Послѣ этого были написаны, но потомъ зачеркнуты слѣдующіе стихи:
«И если бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою распахнуть,
Ты вѣрно не нашелъ бы въ ней
Слѣдовъ порока и страстей.
Какъ быть? Я мало зналъ людей».

Но только полную тревогъ.
Я промѣнялъ бы, если бъ могъ*.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю,
И о прощеньи не молю».

IV **.

«Старикъ! я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ—

---

* Слѣдующіе въ текстѣ 14 стиховъ написаны вмѣсто прежнихъ 6, коими оканчивалась глава:

«Когда бъ я былъ хоть вольный звѣрь,
Я не томился бъ какъ теперь
Души болѣзнію нѣмой,
Я бъ отыскалъ врага и бой,
Я бъ разомъ умеръ, не грустя,
Судьбѣ покорный, какъ дитя».

** Эта строфа первоначально начиналась такъ:

«Не знаю, гдѣ я былъ рожденъ.
Порой лишь помню я, какъ сонъ,
Громады горъ, крутыхъ, сѣдыхъ,
И тучи спящія на нихъ.
Я слышалъ, люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ;
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ
Душой дитя, судьбой монахъ.
Безъ игръ и ласки, одинокъ—
Грозой оторванный листокъ!
Никто мнѣ здѣсь не могъ сказать...»

Зачѣмъ?... Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ—
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ—могилъ!
Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
Въ душѣ я клятву произнесъ:
Хотя на мигъ когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать съ тоской къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья тѣ
Погибли въ полной красотѣ,
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой.»

V.

«Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ.
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,

Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? Ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что̀ забыть,
Ты жилъ—я также могъ бы жить!»

VI.

«Ты хочешь знать, что̀ видѣлъ я
На волѣ?—Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
Имъ не сойтися никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые, какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ—
Какъ будто бѣлый караванъ

Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ, какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ—
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...»

VII.

«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ножонъ
Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ, какъ живой,
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ;
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей,
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельѣ тамъ бѣжалъ потокъ,
Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;

Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй».

VIII.

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля;
Узнать, прекрасна ли земля;
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы—
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, чтò средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...»

IX.

«Бѣжалъ я долго—гдѣ? куда?
Не знаю! Ни одна звѣзда

Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ —
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ и, наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ, какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ и прятался, какъ змѣй».

X.

«Внизу глубоко подо мной
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ, въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы·

Дохнули сонные цвѣты,
И, какъ они, навстрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю:
Мнѣ стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ;
Туда вели ступени скалъ:
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ».

XI.

«Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ страннымъ голосамъ;
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что̀ я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда—
Но я бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять

Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

XII.

«Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту, я, какъ могъ,
Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
Сорвавшись, камень иногда
Катился внизъ—за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столбомъ;
Гудя и прыгая, потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;
И я висѣлъ надъ глубиной—
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я съ крутыхъ высотъ
Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
Повѣяла навстрѣчу мнѣ,
И жадно я припалъ къ волнѣ.
Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ:
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безъискусственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ

Произносить былъ пріученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла,
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ».

XIII.

«Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ.
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звонъ—когда струя
Вливалась медленно въ него—
И шорохъ... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужъ далеко;
И шла хоть тише, но легко,
Стройна подъ ношею своей,
Какъ тополь, царь ея полей...
Недалеко въ прохладной мглѣ,
Казалось, приросли къ скалѣ
Двѣ сакли дружною четой;
Надъ плоской кровлею одной
Дымокъ струился голубой.

Я вижу, будто бы теперь,
Какъ отперлась тихонько дверь
И затворилася опять...
Тебѣ, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если бъ могъ—мнѣ было бъ жаль:
Воспоминанья тѣхъ минутъ
Во мнѣ, со мной пускай умрутъ».

XIV.

«Трудами ночи изнуренъ,
Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
И снова видѣлъ я во снѣ
Грузинки образъ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть—
И пробудился. Ужъ луна
Вверху сіяла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Какъ за добычею своей,
Объятья жадныя раскрывъ.
Міръ теменъ былъ и молчаливъ;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цѣпи снѣговой
Вдали сверкали предо мной,
Да въ берега плескалъ потокъ.
Въ знакомой саклѣ огонекъ
То трепеталъ, то снова гасъ:
На небесахъ въ полночный часъ
Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
Хотѣлось мнѣ... но я туда
Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну,
Пройти въ родимую страну,
Имѣлъ въ душѣ—и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ.

И вотъ дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой.
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ».

XV.

«Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горючею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ—клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ».

XVI.

«Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,

Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ».

XVII.

«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,

Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной—
Бой закипѣлъ, смертельный бой!»

XVIII.

«Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!...»

XIX.

«Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжитъ,
И смерть навѣки заживитъ.
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!»

XX.

«Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
И кинулъ взоры я кругомъ: *

* Послѣ этого стиха слѣдовало слѣдующее зачеркнутое окончаніе главы:
«Тотъ край казался мнѣ знакомъ...
И странно, страшно стало мнѣ!
Вотъ снова мѣрный въ тишинѣ
Раздался звукъ... и въ этотъ разъ
Я понялъ смыслъ его тотчасъ:
То былъ предвѣстникъ похоронъ—
Большого колокола звонъ.
И слушалъ я безъ думъ, безъ силъ;
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И вдругъ унылой чередой
Дни дѣтства встали предо мной.
И вспомнилъ я вашъ темный храмъ

Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
И страшно было мнѣ—понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что безполезно столько дней

И вдоль по треснувшимъ стѣнамъ
Изображенія святыхъ
Твоей земли. Какъ взоры ихъ
Слѣдили медленно за мной
Съ угрозой мрачной и нѣмой!
А на рѣшетчатомъ окнѣ
Играло солнце въ вышинѣ...
О, какъ туда хотѣлось мнѣ
Отъ мрака кельи и молитвъ,
Въ тотъ чудный міръ страстей и битвъ...
Я слезы горькія глоталъ,
И дѣтскій голосъ мой дрожалъ,
Когда я пѣлъ хвалу Тому,
Кто на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины—тюрьму...»

Послѣдніе 18 стиховъ были замѣнены другими, тоже потомъ перечеркнутыми:

«О Боже! думалъ я: зачѣмъ
Ты далъ мнѣ то, что далъ ты всѣмъ—
И крѣпость силъ и мысли власть,
Желанья, молодость и страсть.
Зачѣмъ ты умъ наполнилъ мой
Неутолимою тоской
По дикой волѣ—почему
Ты на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины тюрьму?
Ты не хотѣлъ меня спасти!
Ты мнѣ желаннаго пути
Не указалъ во тьмѣ ночной...
И нынѣ я—какъ волкъ ручной...
Такъ я роталъ. То былъ, старикъ,
Отчаянья безумный крикъ,
Страданьемъ вынужденный стонъ...
Скажи? Вѣдь буду я прощенъ?...
Я былъ обманутъ въ первый разъ!
До сей минуты каждый часъ
Надежду темную дарилъ;
Молился я, и ждалъ, и жилъ».

Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ,
И все зачѣмъ?— Чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унесть въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!...
Еще въ сомнѣнье погруженъ,
Я думалъ—это страшный сонъ...
Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ—
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!...
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца—будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда».

XXI *.

«Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой

* Эта XXI-я строфа, до окончательнаго исправленія ея, начиналась такъ:
«О, я узналъ тотъ вѣщій звонъ!
Къ нему былъ съ дѣтства пріученъ

Плохого сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Чтò я предъ нимъ?—Напрасно грудь
Полна желаньемъ и тоской:
То жаръ безсильный и пустой,
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ;
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучей
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія...
Но что жъ? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжегъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...»

Мой слухъ.—И понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда!
И быстро духомъ я упалъ.
Мнѣ стало холодно... Кинжалъ,
Вонзаясь въ сердце, говорятъ,
Такъ въ жилы разливаетъ хладъ...
Я презиралъ себя. Я былъ
Для слезъ и бѣшенства безъ силъ;
Я съ темнымъ ужасомъ въ тотъ мигъ
Свое ничтожество постигъ,
И задушилъ въ груди моей
Слѣды надежды и страстей,
Какъ душитъ оскорбленный змѣй
Своихъ трепещущихъ дѣтей...
— Скажи, я слабою душой
Не заслужилъ ли жребій свой?...»

XXII.

«И какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался—и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ Божій спалъ,
Въ оцѣпенѣніи глухомъ,
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый до-низу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно; потомъ,
Играя, нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ...»

XXIII.

«И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,

Обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ острововъ,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать—передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать—языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.
Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки—и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть—
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ
И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
И рыбокъ пестрыя стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну изъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ
Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ея спина. Она вилась
Надъ головой моей не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
И надивиться я не могъ:
Ея сребристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,

И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:
«Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ и покой.

*

Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.

*

Усни! постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою...» *

После говора рыбки, были написаны еще стихи, потомъ уничтоженные:

«Но скоро вихорь новыхъ грезъ
Далече мысль мою унесъ,
И предъ собой увидѣлъ я
Большую степь. Ея края
Тонули въ пасмурной дали,
И облака по небу шли
Косматой, бурною толпой
Съ невыразимой быстротой:
Въ пустынѣ мчится не быстрѣй
Табунъ испуганныхъ коней.
И вотъ я слышу: степь гудитъ,
Какъ будто тысяча копытъ
О землю ударялись вдругъ.
Гляжу съ боязнію вокругъ,
И вижу—кто-то на конѣ,

«И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...»

XXIV.

«Такъ я найдёнъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ.

Взвивая прахъ, летитъ ко мнѣ;
За нимъ другой, и цѣлый рядъ...
Ихъ бранный чуденъ былъ нарядъ:
На каждомъ былъ стальной шеломъ
Обернутъ бѣлымъ башлыкомъ,
И подъ кольчугою надѣтъ
На каждомъ красный былъ бешметъ.
Сверкали гордо ихъ глаза!
И съ дикимъ свистомъ, какъ гроза,
Они промчались близъ меня.
И каждый, наклонясь съ коня,
Кидалъ презрѣнья полный взглядъ
На мой монашескій нарядъ,
И съ громкимъ смѣхомъ исчезалъ...
Томимъ стыдомъ, я чуть дышалъ,
На сердцѣ былъ тоски свинецъ...
Послѣдній ѣхалъ мой отецъ...
И вотъ кипучаго коня
Онъ осадилъ противъ меня,
И тихо приподнявъ башлыкъ,
Открылъ знакомый блѣдный ликъ.
Осенней ночи былъ грустнѣй
Недвижный взоръ его очей,
Онъ улыбался—но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!
И сталъ онъ звать меня съ собой,
Маня могучею рукой;
Но я какъ будто бы приросъ
Къ сырой землѣ: безъ думъ, безъ слезъ,
Безъ чувствъ, безъ воли я стоялъ,
И ничего не отвѣчалъ».

Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
Или не вѣрь, мнѣ все равно.
Меня печалитъ лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое».

XXV.

«Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожегъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бъ рай и вѣчность промѣнялъ!..»

XXVI.

«Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!

Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839 года, августа 5. М. Л. [помѣтка на рукописи].

[Напечатано въ первый разъ въ изданіи, вышедшемъ при жизни поэта, и отнесено имъ къ 1840 году.—На послѣднемъ листкѣ послѣ черновой рукописи поэмы написано нѣсколько любопытныхъ строкъ, кажется, имѣющихъ отношеніе къ поэмѣ и самому поэту. Ср. что говорится мною о поэмѣ этой въ октябр. книгѣ «Русской Старины»].

Ты много жилъ, и въ столько лѣтъ
Успѣлъ узнать людей и свѣтъ,
И много горестей и бѣдъ
Перенесла душа твоя—
Но Боже! вѣрно такъ, какъ я,
Ты не страдалъ...

1841.

(Сказка для дѣтей).

[Заглавіе принадлежитъ не Лермонтову, а издателю. Оно неподходящее, и не знаю, чѣмъ руководился послѣдній, поставивъ его. Первый разъ появилось стихотвореніе уже по смерти поэта въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 г. № 1.—Въ рукописи Лермонтовскаго Музея есть любопытные варіанты, которые и приводимъ.—На рукописи въ Лерм. Музеѣ помѣтка цензора: 19 марта 1859 г.].

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ,
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ, *
[Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ].
И публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю,
А самъ стиховъ давно я не читаю,
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ—смѣшно жъ терять для звучныхъ строфъ
Златое время... Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.**

---

* Вмѣсто слѣдующихъ 4-хъ стиховъ были написаны:

«(Хотя у многихъ нынче стихъ не гладокъ)
Но публика все проситъ новыхъ темъ.
Кто жъ виноватъ? сложить бы на покойныхъ,
Да совѣстно—межъ ними есть достойныхъ
Не мало; самъ стиховъ я не читаю;»

** Послѣ первой строфы было написано слѣдующее, но потомъ зачеркнуто:

«Мы женщинъ презираемъ, потому
Что некогда намъ волноваться страстью;
Науки были бъ нашему уму
Доступны... но онѣ вредили бъ счастью.
Служить конечно долга дань...—Къ чему?
Безъ насъ найдутся ревностные слуги!...
Къ тому же рано тайные недуги
Тревожать нашъ покой, и мы таки должны

Стиховъ я не читаю, но люблю
Марать, шутя, бумаги листъ летучій;
Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
И влажныхъ риѳмъ, какъ напримѣръ, на ю.
Вотъ почему пишу я эту сказку.
Ея волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣжать;
Зато конецъ не будетъ безъ морали,
Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ, и не новъ предметъ.
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона иного:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ.
Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ея листовъ и слышно: c'est joli!...
Иль мышь надъ ней старается въ пыли.
Но этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта—
Аристократъ и не похожъ на чорта.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
За мною въ спальню: розовыя шторы

Себя беречь для будущей жены...
Оброкъ не худо также намъ собрать бы,
Чтобъ на воды уѣхать послѣ свадьбы.
Межъ тѣмъ о благѣ міра, чуждыхъ странъ
Заботимся, хлопочемъ мы не въ мѣру:
Съ Египтомъ новый сладитъ ли Султанъ?
Что Тьеръ сказалъ—и что сказали Тьеру!
На всѣхъ набрелъ политики туманъ,
И воютъ всѣ—а можно насъ исправить,
Лишь только бы стихи читать заставить!
И потому рѣшился я писать
(Хоть для всего что надо мнѣ сказать
Размѣръ ея немножко будетъ тѣсенъ)
Короткую поэмку въ сорокъ пѣсенъ».

Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
Слѣдить ковра восточные узоры;
Пріятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышетъ воздухъ сонный.
Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
Рисуется младой, но строгій профиль...
И на него взираетъ Мефистофель.

То былъ ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любовныхъ—
Не знаю. Если бъ имъ была дана
Земная форма, по рогамъ и платью
Я могъ бы сволочь различить со знатью.
Но духъ—извѣстно, что такое духъ:
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ,
И мысль безъ тѣла—часто въ видахъ разныхъ
[Бѣсовъ вобще рисуютъ безобразныхъ].

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался—стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
Вамъ насолить захочется ль друзьямъ?
Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,

Что въ спальнѣ той таился хитрый демонъ;
Невиннымъ сномъ былъ тронутъ не совсѣмъ онъ—
Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
И понималъ иначе онъ любовь;
И рѣчь его коварныхъ искушеній
Была полна—вѣдь онъ не даромъ геній!

«Не знаешь ты, кто я, но ужъ давно
Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
Неслышно говорю съ тобою; но
Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребяческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчаньѣ.
Пускай! Зачѣмъ тебѣ мое названье?
Ты съ ужасомъ отвергнула бъ мою
Безумную любовь. Но я люблю
По-своему: терпѣть и ждать могу я;
Не надо мнѣ ни ласкъ ни поцѣлуя».

«Когда ты спишь, о, ангелъ мой земной!
И шибко бьется дѣвственною кровью
Младая грудь подъ грезою ночной,
Знай, это я, склонившись къ изголовью,
Любуюся и говорю съ тобой;
И, въ тишинѣ, наставникъ твой случайный,
Чудесныя разсказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связанъ
И вѣчностью и знаніемъ наказанъ»...

«Тому назадъ еще не много лѣтъ,
Я пролеталъ надъ сонною столицей;
Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;
Румяный западъ съ новою денницей
На сѣверѣ сливались—какъ привѣтъ
Свиданія съ моленіемъ разлуки;
Надъ городомъ таинственные звуки,
Какъ грѣшныхъ сновъ нескромныя слова,

Неясно раздавались—и Нева,
Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
Журча, съ волной ихъ уносила въ море».

«Задумчиво столбы дворцовъ нѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися, какъ тѣни,
И въ пѣнѣ водъ—гранитныхъ крыльцевъ ихъ
Купалися широкія ступени;
Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
Волна слѣды смывала роковые...
И улыбались звѣзды голубыя,
Глядя съ высотъ на гордый прахъ земли,
Какъ будто міръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
И я тогда... я улыбнулся тоже».

«И я кругомъ глубокій кинулъ взглядъ,
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой,
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви—безстыдное желанье!
Вездѣ обманъ, безумство иль страданье!»

«Но близъ Невы одинъ старинный домъ
Казался полнъ священной тишиною.
Все важностью наслѣдственною въ немъ
И роскошью дышало вѣковою:
Украшенъ былъ онъ княжескимъ гербомъ;
Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушною семьёй,
Межъ нихъ гордились дивною рѣзьбой;
И оконъ рядъ, всегда прозрачно темныхъ,
Манилъ, пугая, взоръ очей нескромныхъ»

«Пора была, боярская пора!
Тѣснилась знать въ роскошные покои—
Былая знать минувшаго двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
Музыкой тутъ гремѣли вечера,
Въ Невѣ дробился блескъ высокихъ оконъ,
Напудренный мелькалъ и вился локонъ,
И часто ножка съ краснымъ каблучкомъ
Давала знакъ условный подъ столомъ;
И старики, въ звѣздахъ и брилліантахъ,
Судили рѣзко о тогдашнихъ франтахъ».

«Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли;
Смѣнили ихъ другіе; родъ старинный
Перевелся; въ готической пыли
Портреты гордыхъ баръ, краса гостиной,
Забытые, тускнѣли; поросли
Дворы травой, и, блескъ смѣнивъ бывалый,
Сырая мгла и сумракъ длинной залой
Спокойно завладѣли... Тихій домъ
Казался пустъ; но жилъ хозяинъ въ немъ—
Старикъ худой и съ виду величавый,
Озлобленный на новый вѣкъ и нравы».

«Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ;
Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,
Обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимый
Безсонницей, собранье острыхъ словъ
Перебиралъ или читалъ Вольтера.
Какъ быть, сильна къ преданьямъ въ людяхъ вѣра!...
Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ;
Но съ ней видался рѣдко; за обѣдъ
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прямо».

«Всегда одна, запугана отцомъ
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,

Или, скорѣй, какъ блѣдный цвѣтъ подснѣжный.
Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большіе стали глазки;
Покинувъ книжку скучную, она
Охотнѣе садилась у окна—
И вдалекѣ мечты ея летали,
Пока ее играть не посылали».

«Тогда она сходила въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то страшно было,
И какъ-то странно дѣтскій шагъ звучалъ
Между колоннъ. Разрытою могилой
Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ,
И въ зеркалахъ являлися предметы
Длиннѣе и безцвѣтнѣе, одѣты
Какой-то мертвой дымкою; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ:
То загремитъ, то снова тише, тише...
[То были тѣни предковъ или мыши]».

«И что жъ?—Она привыкла толковать
По-своему развалинъ говоръ странный,
И стала мысль горячая летать
Надъ блѣдною головкой, и туманный,
Воздушный рой видѣній навѣвать *.
Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепетъ

---

* Первоначально конецъ этой строфы и начало слѣдующей были написаны такъ:

«Познаній жажда, червь души незрѣлой,
Закралась въ грудь ея, и закипѣло
Желаніе въ играющей крови;
Съ дрожащихъ устъ порой слова любви
Рвались и замирали, пламень темный
Въ глазахъ сіялъ, а я—свидѣтель скромный,
Я ждалъ.—Повсюду слѣдовалъ за ней.
Влюбился я въ ея воображенье,
И въ эту душу, полную страстей,
Готовыхъ пробудиться. Сожалѣнье
Меня впервые тронуло...»

Подслушивалъ, невинной груди трепетъ
Слѣдилъ, ея дыханіемъ съ нѣмой,
Мучительной и жадною тоской,
Какъ жизнью, упивался... это было
Смѣшно—но мнѣ такъ ново и такъ мило!»

«Влюбился я... И точно хороша
Была не въ шутку маленькая Нина.
Нѣтъ никогда свинецъ карандаша
Рафаэля иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенемъ дыша,
Подобный профиль. Всѣ ея движенья
Особаго казались выраженья
Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
Ея глаза не измѣняли ей,
Тая равно надежду, радость, горе—
И было темно въ нихъ, какъ въ синемъ морѣ».

«Я понялъ, что душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ!»

«Ее смущали странныя мечты.
Порой, она среди пустого зала
Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душной тѣсноты.
На платьицѣ чудесные узоры
Виднѣлись ей—и вотъ гремѣли шпоры:
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;

И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
И, утомясь, на кресла упадала...»

«И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ
Съ нимъ завести старалась понемножку.
Сначала былъ онъ веселъ и остеръ,
А иногда и черезчуръ небреженъ;
Но подъ конецъ зато какъ милъ и нѣженъ!..
Что дѣлать ей? Притворно-строгій взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ,
А сердце билось въ ней такъ шибко, шибко...
И по устамъ змѣилася улыбка».

«Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
То волосы пригладитъ, то красивый
Цвѣтокъ пришпилитъ къ нимъ; движенью глазъ,
Головкѣ наклоненной видъ лѣнивый
Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ
Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый;
Но умъ ея, и смѣтливый и здравый,
Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
Такъ годы шли безмолвной чередой,
И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
Такъ полны ваши книги всякимъ вздоромъ».

«То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
Все, что досель таилось за рѣшеткой,
Теперь надменно явится на свѣтъ!...
Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
И съѣхались родные на совѣтъ:
Ихъ затруднилъ удачный выборъ бала.
Что̀, будетъ дворъ, иль нѣтъ? Иныхъ пугала
Застѣнчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замѣчалъ другой,
Что это видъ ей дастъ оригинальный.
Потомъ нарядъ осматривали бальный».

«Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
Она съ утра была, какъ въ лихорадкѣ;
Поплакала немножко; золотой
Браслетъ сломала; въ суетахъ, перчатки
Разорвалà... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла, и дорòгой
Была полна мучительной тревогой,
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
И съ блѣдностью печальной на лицѣ
Вступила въ залу... Странный шопотъ встрѣтилъ
Ея явленье—свѣтъ ее замѣтилъ».

«Кипѣлъ, сіялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ.
Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ...
Не я ему названье это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьѣ этомъ.
Моихъ друзей я тутъ бы не узналъ:
Улыбки, лица лгали такъ искусно,
Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотѣлъ я; но едва
Ловилъ мой слухъ летучія слова,
Отрывки безыменныхъ чувствъ и мнѣній—
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній!»...

[Здѣсь рукопись обрывается].

[Относительно существовавшаго якобы конца этого стихотворенія говорится въ примѣчаніяхъ въ концѣ книги].

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ 2-му ТОМУ

Ангелъ Смерти—важнѣйшіе варіанты:

Стран. 30 стихъ 1 и 2 сверху: Среди безчувственныхъ тоскуя,
Въ душѣ все прежнее храня...

Прежде поэма начиналась такъ:

Кто знаетъ пламенный востокъ,
Отчизну соловья и розы,
Гдѣ все, все нѣжно какъ цвѣтокъ?

стихъ 14 сверху: Гдѣ легче мчатся облака.

Стран.	31	стихъ	6	»	И усмирялъ земныя страсти
»	33	»	12	»	Мила какъ пери молодая;
»	34	»	13	»	Гдѣ дня не нужно вовсе намъ.
»	34	»	9	снизу:	Для заблужденья ничего.
»	37	»	7	сверху:	Когда-нибудь и скоро я Оставлю ношу бытія.
»	45	»	12	»	И мраченъ неподвижный взоръ;

Хаджи Абрекъ—стран. 145. Въ замѣткѣ къ этому сочиненію пропущено слово, читать надо: это первое изъ *напечатанныхъ* сочиненій Лермонтова. Принесъ его Сенковскому товарищъ и двоюродный братъ поэта Н. Юрьевъ, безъ вѣдома послѣдняго. Юрьевъ утверждалъ, что поэма написана была «въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія въ школѣ» (Русскій Архивъ 1872 г. стран. 1776), почему мы и относимъ поэму къ 1834 или самое раннее къ концу 1833 года.—На стран. 149 стихъ 1-й печатаемъ «Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ»; въ Библіот. для Чтенія было: «Рубчатымъ сходятся вѣнцомъ.» Кажется, это опечатка. Рукопись поэмы не найдена.

Петергофскій праздникъ—стран. 159. Взято изъ рукописнаго журнала издававшагося въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ: «Школьная заря» 1834 г. № 4.—Герой стихотворенія Дмитрій Серг. Бибиковъ (см. письмо къ нему Лермонтова Т. V стран. 432). Онъ вышелъ изъ школы въ годъ поступленія въ нее Лермонтова, который зналъ его еще раньше въ Мос-

ковскомъ университетѣ. Въ спискѣ стихотворенія, доставленнаго въ музей г. Квистомъ, означенъ не Бибиковъ, а Батюшковъ, бывшій въ школѣ въ одно время съ Лермонтовымъ; но это ошибка. Въ поэмѣ описывается кирасиръ, какимъ былъ Бибиковъ. Батюшковъ же былъ юнкеромъ Преображенскаго полка.

Кромѣ поэмъ: «*Уланша*» и «*Госпиталь*» въ «Школьной зарѣ» помѣщены два лирическихъ стихотворенія: «Ода къ нуж—ку» и къ «гр. Тизенгаузену», товарищу по школѣ юнкеровъ. Эти два произведенія мы не нашли возможнымъ напечатать даже въ отрывкахъ. Напечатаны они въ «Русскомъ Эротѣ» (см. стр. 158 въ замѣткѣ къ тремъ поэмамъ).

Къ стр. 170 стихъ 1 сверху въ подлинникѣ:

На содержаніи была.

«Сашка»—стр. 175. Отрывки поэмы находятся въ Публичной Библ. въ черновыхъ тетрадяхъ Лермонтова, по коимъ онъ учился въ 1833 и 34 годахъ въ «школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ». Затѣмъ отрывки видѣлъ я въ библіотекѣ эмигранта Касаткина, извѣстнаго библіомана, въ Женевѣ, въ 1868 году, когда шла рѣчь о покупкѣ ея фельдмаршаломъ кн. А. И. Барятинскимъ, но не имѣлъ времени списать. Въ 1861 г. г. Ефремовъ помѣстилъ въ «Библіографическихъ замѣткахъ» (№ 17 стр. 556) нѣсколько отрывковъ, не зная куда ихъ пріурочить и предполагая, что строфы относятся къ *разнымъ* стихотвореніямъ, а не къ одной поэмѣ. Отрывки эти были напечатаны въ Берлинѣ (Стихотворенія не вошедшія въ послѣднее изданіе соч. Лермонтова. Изд. 1862 года), затѣмъ въ изданіи соч. Лермонтова 1882 года г-нъ Ефремовъ полностью перепечаталъ текстъ «Сашки», помѣщенный мною въ «Русской Мысли» (янв. 1882 г.) съ ошибками и недосмотрами типографіи. Такъ не замѣчено даже что въ строфѣ CXLVIII не хватаетъ двухъ стиховъ, а по смыслу примѣчаній и полемическихъ выходокъ можно думать, что г. Ефремовъ обладалъ самостоятельнымъ спискомъ (см. тоже «Новости» 1887 г. № 77). Въ изданіи 1882 и 87 годовъ относитъ онъ поэму совершенно произвольно къ 1833 году, также какъ прежде («Библіогр. записки» 1861 г. стр. 556) совершенно произвольно относилъ отрывки первоначальныхъ набросковъ нѣкоторыхъ строфъ къ 1839 и 40 году. Поэма въ томъ составѣ, какъ напечатана впервые въ «Русской Мысли», писана около 1836 года, во время пребыванія Лермонтова съ декабря 35 года въ Тарханахъ. Таково свидѣтельство А. П. Шанъ-Гирея да и многое въ самой поэмѣ указываетъ на эту эпоху, но отдѣльныя части вѣроятно написаны раньше (1834 г.). Эти то первые наброски помѣщены были г. Ефремовымъ въ «Библіографическихъ запискахъ», а потомъ перенесены въ редактировавшіяся имъ изданія. Въ изданіи 1887 г. помѣщенъ лишь отрывокъ изъ найденнаго мною текста. Приводимъ для полноты что было напечатано г. Ефремовымъ и представляетъ нѣкоторую разницу противъ текста. По заявленію издателя было 4 отрывка. *Первый отрывокъ* начинается строфой, которой нѣтъ въ текстѣ нашемъ и которая свидѣтельствуетъ объ автобіографическомъ значеніи «Сашки»

Свои записки нынѣ пишутъ всѣ,
И тотъ, кто славно жилъ и умеръ славно,
И тотъ, кто кончилъ жизнь на колесѣ;
И каждый лжетъ, хоть часто слишкомъ явно,
Чтобъ выставить себя во всей красѣ.
Увы! дѣла ихъ, чувства, мнѣнья
Погибнутъ безъ слѣда въ волнахъ забвенья.
Ни модный слогъ, ни модный фронтисписъ—
Ихъ не спасетъ отъ плесени и крысъ;
Но хоть пути предшественниковъ склизки,
И я хочу писать свои записки!

Далѣе начинается то же, что въ I строфѣ нашего списка.

2.—Нашъ вѣкъ ужасно страненъ! все пиши
Ему про добровольныя изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышно—муки да страданья.
Такія вещи хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто жизнь свою въ воспоминаньяхъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
Но видя отъ нея лишь вредъ глазамъ,
Минувшее свое безъ дальней справки,
Я схоронить рѣшился въ книжной лавкѣ.

3.—Печальныхъ много будетъ тутъ вещей
И васъ онѣ заставятъ разсмѣяться.—
Когда, уставъ отъ дѣлъ, отъ ласкъ друзей,
Отъ ласкъ жены, случится вамъ остаться
Однимъ, то книжкою моей
Займитесь чинно; кликнете Петрушку,
Онъ дастъ вамъ трубку, мягкую подушку
Вамъ за спину положитъ;—и потомъ,
Раскрывъ на серединѣ первый томъ,
Любезный мой, вы можете свободно
Уснуть или читать, какъ вамъ угодно.

4.—Видѣнья сна замѣнятъ мой разсказъ,
Запутанный и, какъ они, неясный.
И, еслибъ могъ я спать, то въ этотъ часъ
Съ перомъ въ рукахъ, я бъ на яву напрасно
Не бредилъ... Правда, мнѣ не въ первый разъ
Просиживать въ мечтахъ о томъ что было
Мучительныя ночи... Тайной силой
Я былъ лишенъ отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Забвенья жизни и забвенья бѣдъ...

5.—И даже сны упорно повторяли
Моей души протекшія печали.—

6.—Сонъ—благо, даръ небесъ, когда онъ [illegible]

Безропотно, какъ смерть, какъ отдыхъ рая,
Но, признаюсь я, часто для иныхъ
Каррикатура жизни—жизнь вторая
Не лучше первой, полная нѣмыхъ
И безпокойныхъ образовъ другого
Таинственнаго міра, не земного;
Смущенная душа, раздѣлена
Между... и призраками сна,
Блуждаетъ въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони, а по русски нищій ..

[Эта послѣдняя строка сходна съ окончаніемъ XLV строфы текста стр. 190].

Второй отрывокъ. Первые пять строкъ сходны со строфою XVIII (стр. 181) текста нашего, а затѣмъ разница:

Ей кто-то улыбнулся,—простодушно,
Она своихъ покинула, послушна
Какъ агнецъ.—Но увы, прошло пять дней—
Любовникъ глупый ужъ наскучилъ ей,
И съ этихъ поръ, чтобъ выбирать по волѣ,
Она взяла ихъ пять, шесть, семь и болѣ,
2.—Мечты умчались, какъ ночной туманъ,
Но сердце у Терезы все осталось то же...
(Сравн со строфою XIX).

Далѣе 3, 4, 5, то же, что въ строфахъ XX, XXI и XXII и затѣмъ нѣсколько отдѣльныхъ строкъ. встрѣчающихся въ строфѣ XXIII и съ ничтожными измѣненіями въ строфѣ XXVII. Потомъ, съ ничтожными измѣненіями, то, что въ строфѣ XXXII.

Третій отрывокъ. Здѣсь строфы 1, 2 и 3 сходны съ XIII, XIV и XV и лишь въ 3 строфѣ пять послѣднихъ строкъ отличаются отъ соотвѣтственныхъ въ XV строфѣ.

Она сидѣла молча и небрежно...
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое *нѣтъ* иль *да*
Съ улыбкой вырывалось... Наконецъ рукою
Она смѣшала карты предъ собою.

4-я строфа сходна съ нашею XVI, лишь два послѣдніе стиха представляютъ варіантъ:

А мать, какъ слышалъ, краковская полька—
И страннаго по мнѣ тутъ нѣтъ нисколько.

5-я строфа то же, что наша XVII, кромѣ 6-й и 7-й строки:

И онъ былъ радъ, что умеръ не подъ палкой,
Что, признаюсь, мнѣ право очень жалко.

Затѣмъ *Четвертый отрывокъ* то же, что въ строфѣ XII, а до этого — что у насъ въ строфѣ III и IV и что г. Ефремовъ призналъ за варіанты къ

стихотворенію памяти кн. Одоевскаго(см. «Библіогр. зап.» 1859, г. № 12). Это относится однако къ Полежаеву, автору поэмы носящей то же названіе «Сашка». Лермонтову натура этого поэта была близка, интересъ къ его судьбѣ (катастрофа разразилась надъ нимъ въ 1826 г.) жилъ между студентами московскаго университета во время пребыванія въ немъ Лермонтова.—Списки поэмы находятся теперь одинъ въ Лермонтовскомъ музеѣ, другой у меня.

—Въ заключеніе замѣчу, что г. Хохряковъ въ матеріалахъ своихъ къ біогр. Лермонтова, говоритъ: «Есть и полная рукопись этой поэмы, но недостатокъ ея тотъ, что она мѣстами неудобна для печати». Найти полную рукопись мнѣ не удалось, автографъ же у г.Б обрывается,какъ въ напечатанной нами поэмѣ. Впрочемъ сомнѣваюсь, чтобы поэма была окончена.

Сказка для дѣтей стр. 333.—Черновая рукопись находилась у А. А. Краевскаго и имъ подарена въ Лерм. музей. Она безъ конца, и былъ ли написанъ конецъ, неизвѣстно. Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію въ послѣднемъ изданіи (1887) года г. Ефремовъ говоритъ: «Фр. Боденштедтъ, имѣвшій отъ пріятеля Лермонтова —Глѣбова нѣсколько неизданныхъ порусски стихотвореній, совершенно для насъ неизвѣстныхъ, говоритъ, что въ этомъ стихотвореніи было еще 11 строфъ, изъ которыхъ онъ перевелъ заключительную: «Умолкъ демонъ» (у Боденштедта «дьяволъ»); а поэтъ говоритъ: «не въ моей волѣ было окончить здѣсь, на этомъ, такъ какъ моя поэма охранена свыше, отеческими руками, отъ излишней длинноты. Однако, съ неохотой отказываюсь я отъ заключенія, которое вычеркнуто все, безъ разбора, а вмѣстѣ съ тѣмъ вычеркнута и мораль. Такимъ образомъ цензура постоянно обращаетъ мой талантъ въ отрывокъ, лишь только захотѣлось бы мнѣ развернуться. Желая быть образцомъ повиновенія, оставляю я эту сказку отрывкомъ». Печатая все это г. Ефремовъ разсказываетъ пикантную исторію о цензурныхъ придиркахъ, но только весь приводимый конецъ принадлежитъ не Лермонтову, а исключительно Боденштедту. Послѣдній переводилъ Лермонтова вообще очень вольно и гдѣ сокращалъ, гдѣ добавлялъ свое (ср наше изд. т. I, стр. 349). Въ «сказкѣ для дѣтей», состоящей изъ XXVII строфъ, у Боденштедта образовались XXIX, потому что IV и V строфы имъ сочинены. Чтобъ оригиналъ находился у Глѣбова, Боденштедтъ нигдѣ не говоритъ, а г. Ефремовъ смѣшалъ это съ мелкими эпиграмматическими выходками памфлетическаго характера, которые точно находились въ альбомѣ Глѣбова и переведены тоже болѣе чѣмъ свободно Боденштедтомъ. Относительно 11-ти строфъ, якобы существовавшихъ въ концѣ произведенія и упоминаемыхъ Боденштедтомъ, г. Ефремовъ введенъ въ заблужденіе примѣчаніемъ въ концѣ перевода: (Mich. Lermontoff's Poetischer Nachlass Berlin. 1852 т. II, стр. 160)—«Die hier fehlenden zehn Strophen sind auch nicht im handschriftlichen Nachlass des Dichters zu finden—недостающія здѣсь *десять* строфъ не разысканы и въ рукописяхъ, оставленныхъ поэтомъ.— На запросъ мой г. Боденштедтъ объяснилъ, что онъ этихъ строфъ не видалъ. иначе бы перевелъ ихъ, а что слово *десять* (zehn) могло попасть въ изданіе, какъ опечатка или описка. «Я переводилъ Лермонтова, пишетъ г.

Боденштедтъ, не придерживаясь строго оригинала, а стараясь передать духъ его поэзіи». Такимъ образомъ заключительная строфа нѣмецкаго перевода «Сказки для дѣтей»—впрочемъ и выдѣленная Боденштедтомъ за черту—принадлежитъ ему, а не нашему поэту и есть собственно повтореніе имъ присочиненной V строфы. И тутъ и тамъ выходитъ, что Лермонтовъ назвалъ произведеніе «Сказкою для дѣтей», а мы уже замѣтили, что заглавіе это не его, а придумано издателемъ послѣ смерти поэта.

Въ 1859 году вышла въ Петербургѣ книжка: «Продолженіе Сказки для дѣтей» М. Ю. Лермонтова. Въ фельетонѣ С.-Петерб. Вѣдомостей 1859 г. № 214, книжка была критикой отдѣлана и названа «грубой продѣлкой». Содержаніе состоитъ въ томъ, что Нина пишетъ письмо лицу, въ которое влюблена, а лицо это ей читаетъ нравоученіе,—какъ Онѣгинъ Татьянѣ у Пушкина. Въ отвѣтъ на критику нѣкій г. Волковъ изъ Иркутска прислалъ замѣтку, которая была помѣщена въ томъ же году въ № 280 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Г. Волковъ заявляетъ, что продолженіе «Сказки для дѣтей» точно написано имъ, но въ молодые годы. Въ изданіи же его онъ неповиненъ.

Считать «Сказку для дѣтей» написанною непремѣнно въ 1841 году, представляетъ вопросъ. На рукописи годъ не выставленъ. Не имѣя никакихъ данныхъ относительно поэмы, я отнесъ «Сказку» къ 1841 году, какъ это дѣлалось до сей поры издателями. Видѣть въ стихѣ: «я прежде пѣлъ про демона иного» (стр. 334) доказательство, что здѣсь подразумѣвается герой поэмы «Демонъ», и что, слѣдовательно, «Сказка для дѣтей» писана позднѣе «Демона» и даже зрѣлѣе знаменитой поэмы, которую-де самъ поэтъ называетъ «дѣтскимъ бредомъ» — является смѣлымъ заключеніемъ. Поэма «Демонъ» много разъ передѣлывалась поэтомъ въ разные годы, и каждый разъ ему казалось, что поэма приняла окончательную форму. Если допустить, что здѣсь онъ точно подразумѣваетъ поэму «Демонъ», то почему не одинъ изъ первыхъ очерковъ, которые по сравненію съ послѣднимъ 1841 года, являются дѣйствительно еще незрѣлыми произведеніями. Я думаю, что послѣдній очеркъ «Демона» писанъ послѣ «Сказки для дѣтей». Весьма вѣроятно, что она писана въ 1840 году, потому что между автографами, находившимися у Краевскаго, кажется не было автографовъ писанныхъ въ 1841 году. Всѣ тетради свои поэтъ отдалъ Андрею Александровичу, уѣзжая на Кавказъ въ 1840 году, послѣ дуэли съ де Барантомъ.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова, шесть томовъ съ семью портретами и приложеніями,

цѣна 3 руб. сер.